

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

4 **М. МАЧЬ**

В лабиринте памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

42 **И.В. АЛАДЫШКИН**

О порядках репрезентации и принципе pro et contra в отношении русского анархизма

56 **В.А. КИТАЕВ**

Рец.: Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 248 с.

61 **А.И. МИЛЛЕР**

Рец.: История – поле сражений / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Собрание, 2013. 550 с.

Мир

64 **П.В. БАТУЛИН**

Рец.: Берти Ф. За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914–1919 / Под ред. К.В. Миньяр-Белоручева. М.: ГПИБ, 2014. 400 с.

67 **А.С. ГЛАДЫШЕВА**

Советско-венгерские экономические отношения 1948–1973 гг. В свете публикации архивных документов. Рец.: Советско-венгерские экономические отношения 1948–1973: Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Международный фонд «Демократия», 2012

Российская империя

76 **М.Н. ЛУКЪЯНОВ**

«Пламенный консерватор» вместо «пламенного революционера»? Рец.: Бородин А.П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М.: Алгоритм, 2013. 448 с.

83 **Н.М. РОМАНОВА**

Рец.: Иванова Н.И. Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Нестор-История, 2015. 368 с.

91 А.А. ТЕСЛЯ *Коммерция и проповедь. Рец.: Шабанов А.Е. Передвижники: между коммерческим товариществом и художественным движением / Науч. ред. И.А. Доронченков. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 336 с.: ил.*

95 С.А. ЭКШТУТ *Догоревшие свечи. Рец.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.: ил.*

СССР

98 А.Ю. СУСЛОВ *Рец.: Кокоулин В.Г. Демократическая контрреволюция: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск: Общевойсковая академия вооруженных сил Российской Федерации, 2014. 548 с.*

105 В.В. ТИХОНОВ *«Это – новое в истории войн. Сталинград!».* Рец.: Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / Под ред. Йохена Хелльбека. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 672 с.

ОСТОРОЖНО, ХАЛТУРА

110 В.А. ШНИРЕЛЬМАН *Иностранцы агенты: западные источники современной русской конспирологии**

137 С.А. ИСАЕВ *Как не надо реабилитировать Токвиля*

ДИСКУССИИ

Церковь, революция, общество

142 П.Г. РОГОЗНЫЙ *Синодальная церковь, общественное и революционное движение, или почему духовенство приветствовало революцию?*

154 С.Л. ФИРСОВ *Была ли церковь служанкой государства?*

Церковь и культура: взаимодействие или конфронтация?

162 В.В. ВЕДЕРНИКОВ *От редактора*

165 КИРИЛЛ КАЛЕДА,
ПРОТОИЕРЕИ *Опыт создания общественно-церковного мемориального комплекса памяти жертв террора XX столетия на примере Бутовского полигона и феномен возникновения христианских музеев России*

183 Н.В. БУРОВ *«Искать путь, по которому вместе можно двигаться вперед»*

194 ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ,
ПРОТОИЕРЕИ *«Мы слишком переоценили значение храмовых зданий в церковной жизни»*

- 201 **В.И. БОЯРСКИЙ** *«Я за полное отделение Церкви от государства»*
- 203 **А.Е. МУСИН** *«Вести процесс в строгие и прозрачные правовые рамки»*
- 205 **П.В. КРЫЛОВ** *Культура или недвижимость? (Заметки на полях одной дискуссии о церкви и культуре)*
- 208 **В.В. ВЕДЕРНИКОВ** *От редактора*
-

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 210 **О.И. КИЯНСКАЯ** *«XIX в. я знаю, как свою квартиру»*
-

КОНФЕРЕНЦИИ

- 216 **О.Е. ЗУБКО** *Международный конгресс исследователей Беларуси (Каунас (Литва) 2–4 октября 2015 г.)*
- 225 **И.В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА,
А.А. НЕМКОВА** *Прошлое немецких колоний*
- 228 **В.А. ЕГОРОВ** *Конференция «Наше дело правое»: страны и лидеры антигитлеровской коалиции в социокультурном и философско-историческом измерениях»*
- 237 **А.В. ГРИНЁВ** *Долгожданный симпозиум*
- 240 **Е.А. ТЕРЮКОВА** *Чтения памяти В.Г. Богораза-Тана*
- 242 *Сведения об авторах*

М. Мачь

В ЛАБИРИНТЕ ПАМЯТИ. ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ

The article is about discussions that took place in Romania after the Revolution of 1989 which includes such negative phenomena of the recent past as antisemitism, repression and war crimes. The author exposes a policy of national-communism which did not permit fully to reveal the human rights` violatons during the interwar period. In addition it avoided the atrocities commited by the Romanian army during WWII on the Eastern front. And, thirdly, totally falsified the history of the postwar period. After the Revolution of 1989 that distortion of memory was used to form a victims` mythology which abounded with „martyrs”, „saints” and „heroes” of anticommunist resistance. At the same time the far right views of those “heroes” were dissimulated. “The Memory laws” (especially 217/2015), official condemnation of fascism (2004) and condemnation of communism (2006) are focal points for rethinking of the past. According to these laws, taking responsibility of the past should be a base of Romanian national identity.

Key words: “Memorys` laws”, Legioner`s movement, Corneliu Zelea Codreanu, Ion Antonescu, Nicolae Ceausescu.

ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ ПРОХОДИТ

«Антирумынский закон», «покушение на национальную память», «последний чаушистский закон». Так СМИ встретили вступивший в силу 30 июля 2015 закон 217/2015 [Legea 217/2015], который внес изменения и дополнения в чрезвычайное постановление правительства 31/2002 «О запрете организаций и символов фашистского, расист-

ского и ксенофобского характера, а также пропаганды культа лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечества» [Ordonanța 31/2002].

В ЧЕМ ПРОБЛЕМА?

Чрезвычайное постановление правительства 31/2002 было одобрено парламентом в марте 2002. Уско-

ренная процедура¹ не оставляла времени для публичных дискуссий, которые позволили бы румынскому обществу усвоить положения этого документа. Принятие данного постановления было одним из условий, поставленных Евросоюзом перед Румынией, для отмены визового режима и ускорения переговоров по принятию в НАТО. Оно было скопировано с европейских законов, запрещающих отрицать преступления против человечества (например — закон Гэссо во Франции). Формулировки постановления имели общий характер. В них не содержалось отсылок к румынскому контексту².

Осуждение фашизма в такой форме не порождало особых проблем для коллективной памяти румынских граждан. О злодеяниях, совершенных немцами в годы Второй мировой войны, румынам было хорошо известно из учебников, основанных на коммунистической трактовке истории, а также из обширной литературы и многочисленных фильмов. Легко осудить преступления, которые не имеют к тебе прямого отношения.

Постановление 31/2002 трактовалось не просто как одна из мер для

¹ Согласно румынской конституции, правительство имеет право принимать чрезвычайные постановления (*ordonanțe de urgență*), которые, если парламент их не оспаривает, приобретают силу закона. Такая процедура, позволяющая не тратить время на обсуждение, используется правительством парламентского большинства в срочных ситуациях.

² Тем не менее, на основании запрета культа военных преступников были демонтированы несколько памятников Антонеску и переименован ряд улиц, названных в его честь после революции 1989.

соответствия румынского законодательства стандартами Евросоюза, а как уступка требованиям «мирового еврейства». Особенностью румын является вера в мировой заговор, руководимый евреями. При этом антисемитами они себя не считают. Знакомый еврей, тот с которым румын делит повседневные тяготы, воспринимается как добрый сосед. Его религиозным особенностям не придается большого значения. Зато те, кто «правят миром», с точки зрения рядового румына, во всех отношениях (экономически, социально, религиозно) разительно отличаются от обычных людей.

Такое видение порождено вековой сегрегацией румынского населения, в основном зависимых крестьян, от чужеземных правителей (венгров и немцев в Трансильвании, греков в Дунайских княжествах, русских эпохи протектората второй четверти XIX в. и начала коммунистической эпохи). Антисемитизм в данном случае имеет не только ксенофобские коннотации, но и отражает экономическую и социальную фрустрацию. Чужестранцы — евреи в особенности — воспринимались как богатые и влиятельные. В таком контексте еврей становится универсальным воплощением могущественного чужака [Oişteanu, 2012]. Порожденный коллективным воображением тип чужеземца — в настоящее время он воплощен в «еврократах» из Брюсселя — сказался на восприятии постановления 31/2002 публикацией.

Исследования, которые публиковались в Румынии в то время, такие

как объемная монография Рауля Хильберга «Истребление евреев в Европе» [Hilberg, 1997] либо прошли мимо внимания историков, сосредоточенных в большей мере на коммунистическом периоде, либо встретили холодный прием у тех, кто оспаривал данные о количестве уничтоженных евреев³. В обществе преобладали дискуссии, порожденные изданием «Черной книги коммунизма» [Courtois, Werth, Panpé, Paczkowski, Bartosek, Margolin, 1998] и преданием широкой огласке сведений о разветвленной системе коммунистических лагерей. Смещение общественного внимания с «чужих» страданий на «собственные» было вызвано стремлением рассматривать себя жертвами Второй ми-

³ В данном случае речь идет скорее о «реви-зионизме» (реальность Холокоста признается, но существует стремление преуменьшить число его жертв), чем о «негационизме» (массовое истребление евреев воспринимается как выдумка участников «еврейского заговора», стремящегося установить власть над миром) [Shafir, 2002]. В книге Хильберга говорится о 270 тысячах уничтоженных румынских евреев [Hilberg, 1997b: 301]. Эти данные опираются на исследование бывшего директора Румынского института статистики Сабина Мануилэ и бывшего председателя Совета еврейских общин Румынии Вильгельма Филдермана «Еврейское население Румынии в годы Второй мировой войны», которое было опубликовано в Риме в 1957. Хорошо осведомленные авторы считают, что на территории Старого королевства (в границах Румынии до 1918 года) было убито 15 000 евреев, в Бессарабии и Буковине — 103 919, в Трансильвании, которая в тот момент была оккупирована хортистской Венгрией, — 90 295 [Manuilă, Filderman, 1994: 56]. Выходит, что режим Антонеску несет ответственность только за примерно половину жертв Холокоста на территории Румынии. Эти подсчеты не включают погибших в Транснистрии, т.е. на территории между Днестром и Бугом, управлявшейся в 1941–1944 румынской администрацией.

ровой войны и нежеланием иметь что-либо общее с ее палачами.

Самая мощная реакция общественности на проблему ответственности Румынии за преступления Второй мировой была порождена популярным итальянским телесериалом «Спрут» («La Piovra»). В число отрицательных персонажей создатели фильма включили румына, который в годы войны служил охранником в лагере смерти и принимал активное участие в совершении массовых убийств евреев. Общественное возмущение было пропорционально неспособности отличать историю от художественного вымысла. Верховный раввин Румынии Мозес Розен⁴ был вынужден публично объявить, что речь не идет о реальном случае, что румынские евреи находились в несравнимо лучшем положении, чем их соплеменники на территориях, оккупированных германскими нацистами.

В тоже время фильмы вроде «Списка Шиндлера», в которых о драме жертв лагерей смерти и мужестве их спасителей рассказывалось вне румынского контекста, имели огромный успех у публики.

Полярные реакции позволяют понять причины терпимого отношения к постановлению 31/ 2002. Неонацистские симпатии существуют в Румынии лишь на уровне маргинальных групп. Большинство румын не возражают против осуждения фашизма и ксенофобии. Если данные преступления совершали

⁴ Мозес Розен (1912–1994), главный раввин Румынии (1948–1994), председатель Федерации еврейских общин Румынии (1964–1994).

немцы, итальянцы или коллаборационисты из других стран, румыны осуждают их безоговорочно.

Становится понятным, почему закон 217/ 2015 был воспринят как катастрофа. На этот раз фашизм, ксенофобия и военные преступления имели прямое отношение к истории Румынии. Наибольшее неприятие вызвали те положения нового закона 217/ 2015, которые представляют дополнения к пункту 2 чрезвычайного постановления 31/ 2002. В них фашистские и ксенофобские движения и их преступления определяются следующим образом: «Под холокостом на территории Румынии понимаются систематические преследования и уничтожение евреев и цыган, осуществленные при поддержке институтов румынского государства на территориях, управляемых румынской администрацией в 1940–1944» и «под Легионерским движением понимается фашистская организация Румынии, которая действовала в 1927–1941 под названиями “Легион архангела Михаила”, “Железная Гвардия”, “Партия – все ради страны”». Прозрачный текст не оставляет места для двусмысленного понимания. Закон утверждает две вещи: во-первых, территория, управляемая румынской администрацией (т.е. не обязательно совпадающая с современными границами), являлась составной частью пространства, на котором осуществлялся европейский Холокост; во-вторых, одно из политических движений межвоенной Румынии имело фашистский характер. Под действие закона об осуждении фашизма, ксенофобии и возбуждения

ненависти подпадает как «автохтонное» политическое движение легионеров, так и факт преследования и массового истребления евреев и цыган на территории, управляемой румынами, осуществленный определенным кругом ответственных лиц в точно указанный период времени.

Закон 2015 г., благодаря изменениям, внесенным в постановление 2002 г., открыто объявляет, что отныне участники легионерского движения и лица, виновные, «в соответствии с определениями международного права», в военных преступлениях, преследованиях и казнях (в том числе расистского характера) отныне не могут являться объектами публичного культа, восхваления в СМИ, увековечивания в памятных знаках. Причастность исторических деятелей – независимо от степени вовлеченности – к перечисленным законом преступным действиям не может ни умалчиваться, ни оправдываться. В этом заключается «антирумынский характер» закона.

Иностранца такое утверждение может удивить. Румыну совершенно ясно, что причина неприятия заключается в том, что закон дает ясное определение периоду истории, по которому ни историки, ни публика еще не достигли консенсуса. Закон вынуждает нас контактировать с тем прошлым, ответственность за которое мы не готовы принять, которое мы не осмыслили, не понимаем, как к нему относиться. Поскольку это – наше прошлое, мы вынуждены идентифицироваться с ним. Когда мы узнаем об его ужа-

сах, мы испытываем искушение их минимизировать, прибегаем к выгодным для нас сравнениям и обобщениям.

ПРОПАГАНДА, ЦЕНзуРА И ПАМЯТЬ В ЭПОХУ КОММУНИЗМА

Подобно другим бывшим коммунистическим странам Румыния не может определиться с отношением к прошлому, особенно недавнему. Первое, что было сказано о законе 217/2015, в том числе и уважаемыми людьми: однозначное определение прошлого запрещает нам доступ к нему и тем самым закрывает дискуссии о нем. Но можно утверждать и обратное: предназначение закона состоит в том, чтобы начать дискуссии о том прошлом, которое отказывается проходить. Он говорит о том, о чем мы предпочитаем молчать.

Необходимо выяснить причины этого молчания, установившегося под влиянием государственной политики на протяжении десятилетий.

В период 1945–1989 коммунизм имел монопольную власть над исторической наукой, которой предписывалось доказывать «неизбежность» построения социализма [Velimirovici, 2015; Müller, 2003; Mihalache, 2003]. Любое историческое исследование руководствовалось телеологией коммунизма и манихейским принципом движения к заветной цели через «классовую борьбу» между силами «прогресса» и «реакции». Долгое время эта схема объясняла все, что происходило

в прошлом. Она позволяла навесить ярлыки тем, кого Партия⁵ считала друзьями либо предшественниками, а также тем, кого она относила к категории врагов. Роль врага была одной из фундаментальных категорий коммунизма. Манихейская логика определяла сущности через бинарные оппозиции: «прогрессивный» — «реакционный», «революционный» — «консервативный», «научный» — «мистический» и т.д. Сегодня такой подход представляется примитивным и искусственным, но нельзя забывать, что коммунистическая «педагогика» адресовалась населению, которое училось грамоте в ходе приобщения к городской культуре. Для них такой схематизм был органичен, так как воспроизводил привычные им бинарные оппозиции, где положительному герою противостоял герой отрицательный.

Согласно коммунистической схеме, легионерам с самого начала была отведена отрицательная роль. Еще в ходе войны (март 1945) «Программа антифашистских курсов»⁶ характеризовала Легион следующими словами: «Железная гвардия — движение, идейно близкое германскому фашизму, отряд румынского финансового капитала»; «Румынский фашизм принес трудящимся Румынии массовые убийства, разрушения, небывалые страдания»

⁵ Здесь и далее: Партия — Коммунистическая партия Румынии.

⁶ Похоже, что «Программа» была написана Михаилом Роллером (1908–1958) который до конца 1950-х был «официальным историком» Партии. В 1947 опубликовал сделанный по советским образцам «единого учебника» «Учебник истории Румынии», в котором развил положения упомянутой «Программы».

[Programa, 2013: 538, 539]. Положение не изменилось до последних дней коммунизма. В 1988 учебник «Новейшая история Румынии» утверждал: «Наибольшую опасность демократии и национальному суверенитету представляла Железная гвардия, финансово и политически поддержанная гитлеровской Германией и реакционными верхами Румынии» [Istoria contemporană, 1988: 63]. Единственная работа, посвященная легионерскому движению (появилась в конце «периода либерализации», последовавшего после прихода к власти Чаушеску⁷) носила программное название: «Железная гвардия – террористическая организация фашистского типа» [Fătu, 1971]. Неизменность определений свидетельствовала о двух вещах: допуск к архивам легионерского движения запрещен⁸, оно понимается как абсолютное Зло, воплощение многих конкретных грехов, список которых периодически обновляется пропагандой.

⁷ Чаушеску Николае (1918–1989), генеральный секретарь Коммунистической партии Румынии (1965–1989), президент Социалистической республики Румыния (1974–1989). В начальный период заявлял об «открытости» (1965–1971), впоследствии перешел к авторитарному правлению, которое закончилось разорением населения и революцией.

⁸ В последние годы режима появилось сочинение официальных историков Мирчи Мушата и Иона Арделяну «Румыния после Великой уничи» [Mușat, Ardeleanu, 1986; Mușat, Ardeleanu, 1988]. В нем при помощи тщательно «отфильтрованных» архивных документов воспроизводился партийный взгляд на межвоенное прошлое. «Между строк» этого объемного труда (почти 2800 страниц!) можно было обнаружить биографические детали либо просто упоминания деятелей легионерского движения.

Проблема этого фрагмента официальной памяти состояла в том, что он не совпадал с памятью современников того сложного времени⁹. Мало кто, кроме бывших членов, идеализировал Легион, но современники помнили, что участники этого движения ни в коей мере не были ни орудием «эксплуататорских классов», ни агентурой нацистской Германии. Рядовые граждане не могли опереться в своих суждениях на изданные тексты и архивы. Они были лишены возможности уточнять собственные представления путем публичных дискуссий. Эта «приватная» память, – зачастую отягощенная травмой репрессий, окрашенная ностальгией, смешивала факты с их интерпретацией и с ретропроекцией нереализованных устремлений молодости. Любопытный историк знает, что свидетельские показания, даже самые откровенные, «преломляются» под влиянием последующих событий.

До 1990 свидетельства современников межвоенного периода передавались не через публичные каналы, а через семейные. Рассказы стариков воспринимались молодежью в качестве альтернативы собственной убогой реальности. Происходили идеализация прошлого и его искажение уже во второй степени. Пытаясь защититься, по крайней мере, в семейном кругу от идеологии и пропаганды коммунистического режима, люди строили собственные концепции, зачастую придавая

⁹ Партия пыталась повлиять на массовое сознание выпуском «гангстерских» и просто «исторических» фильмов, где легионеры были преимущественно отрицательными персонажами.

противоположное значение официальным утверждениям.

Если к легионерам коммунистические вожди всегда относились отрицательно, то восприятие маршала Антонеску¹⁰ менялось со временем. Вначале — в упомянутой «Программе» — Антонеску характеризовался теми же словами, что легионерское движение. Его деятельность была составной частью периода обострения противоречий «буржуазно-помещичьего» общества, которое предшествовало победе коммунизма. Человек, вовлекший Румынию в антикоммунистическую войну, не имел никаких шансов на симпатию со стороны членов коммунистической партии. Многие из них находились во времена Антонеску в ссылках и тюрьмах, а некоторые — особенно еврейского происхождения — просто уничтожались.

Удивительно, что десятилетие спустя после «национализации» румынского коммунизма образ Антонеску начал очеловечиваться. Роман «Бред» (“Delirul”) Марина Преды [Preda, 1975] и объемное историческое исследование «Политико-дипломатические предпосылки восстания августа 1944» Аурики Симион [Simion, 1979] рисовали едва ли не иконописный лик Маршала. Это человек, оказавшийся между двумя грозными империями, патриот, снедаемый чувством ответственно-

сти за судьбы страны. После того как между Бухарестом и Москвой разразилась полемика (в том числе и в «Литературной газете») по поводу романа, произведения Марина Преды и Аурики Симион были изъяты из библиотек, что придало им притягательность «запретного плода». Обе книги тайком передавались из рук в руки. Их чтение рассматривалось как приобщение к тайнам «запрещенной истории».

Отношение Чаушеску к Кондукэторулу¹¹ не до конца ясно. Он никогда не был реабилитирован. Например, цитированный выше учебник утверждал: «Диктатура Антонеску связала свою судьбу с гитлеровским режимом» [Istoria contemporană, 1988: 104]. При этом, особенно в последний год коммунистического правления (1989), когда упоминание пакта Молотова-Риббентропа было дозволено¹², давалось понять, что маршал действовал под давлением трагических обстоятельств. Подразумевалось, что советская аннексия Бессарабии в 1940 привела Румынию, у которой не было иного выбора, к союзу с Германией. Оправдание кампании на Востоке, которая в исторических текстах находилась в тени военных операций после 23 августа 1944, когда румыны, ставшие союзниками русских, повернули оружие против Гитлера, было не единственным мотивом. Здесь

¹⁰ Антонеску Ион (1882–1946) профессиональный военный, «руководитель государства» между сентябрем 1940 и августом 1944. Принял решение о вступлении Румынии во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии. После войны содержался под арестом в Москве. Возвращен в Румынию, где был приговорен к расстрелу.

¹¹ Conducătorul — вождь, руководитель. Официальное именование Антонеску по аналогии с «фюрер» и «дуче».

¹² Текст пакта и переписка германской и советской сторон по его поводу были опубликованы в последнем вышедшем в коммунистическую эпоху номере популярного журнала «Магазин истории».

не обошлось и без фронды по отношению к СССР, связанной с политической «автономизацией» Румынии внутри «лагеря социализма».

Маршал Антонеску не становился однозначно положительной фигурой, но в представлениях о нем воплощалась рефлексия по поводу трагедии Румынии, оказавшейся на пересечении интересов великих держав.

Сложнее обстояли дела с неофициальными представлениями. Антонеску не принадлежал никакой политической партии. Память о нем не была связана, как в случае легионеров, с массовым движением, а только с «порядком и дисциплиной», присущими любой диктатуре. Порядок и дисциплина, которыми коммунистический режим потчевал граждан, воспринимались как произвол, в то время как сходные меры Кондукэторула трактовались как рационально обоснованные и приемлемые в условиях войны.

Радикальный отказ от «буржуазно-помещичьего» прошлого, осуществленный в первое послевоенное десятилетие, насилие с которым этот отказ был произведен, тяжело сказались на многих румынах. Частичная переоценка придиричливо отобранного межвоенного наследия, произведенная при Чаушеску, привела к непредусмотренному эффекту. Королевская Румыния представляла в гораздо более благоприятном, чем в действительности, свете. **Кричащие противоречия** довоенного общества, не освещались достойным образом. Вместо того чтобы изучать, их «клеяли» про-

пагандистскими штампами. Во многом благодаря этому докоммунистический период виделся как эпоха материального достатка и культурного расцвета.

Назойливая пропаганда по разоблачению политики межвоенного времени привела к тому, что этот сюжет сместился на периферию коллективной памяти. Люди не считали, что политики того времени были достойными людьми, но просто избегали политической проблематики, к которой большинство переживших то время имели только косвенное отношение. Вспоминали преимущественно о вещах, напрямую связанных с повседневностью. По сравнению с первым послевоенным десятилетием условия жизни до войны были существенно лучше. Люди оживленно обсуждали эту тему, особенно в годы нового обнищания между 1980 и 1989.

Послевоенные лишения они объясняли не последствиями войны, а только советской оккупацией¹³. Русские бесцеремонно обращались с Румынией, считая ее побежденной страной: реквизиции, «совромы»¹⁴,

¹³ Русский царизм с 1960-х гг. официально рассматривался как оккупант. «Независимость» Георгиу-Дежа от Москвы началась с публикации выписок из архива Маркса по поводу румын [Магх, 1964], в которых «отец научного социализма» давал нелестные оценки русскому протекторату над Дунайскими княжествами. В то же время ответственность СССР за вовлечение Румынии в войну в результате пакта Молотова – Риббентропа, тщательно вычеркивалась из коллективной памяти на протяжении всех коммунистических десятилетий.

¹⁴ Совместные советско-румынские предприятия, имевшие целью способствовать выплатам военного ущерба, нанесенного

плата репараций, спущенных на уровень сельских коммун (знаменитые «квоты»¹⁵), а также не учитывающее местных условий внедрение советской модели во все сферы жизни. Все это привело не только к усилению антирусских настроений, но и к мифологизации прежних условий жизни. Мифологизация была избирательной. Люди удерживали в памяти именно те вещи, о которых не говорила официальная пропаганда. Иногда это были бытовые детали. Порой — не совсем отчетливые представления о событиях прошлого, зачастую почерпнутые из вторых рук. Например, постоянно рассказывали о «порядочности» немцев, которые за все платили, в отличие от русских, стремящихся все получить задаром. В редких случаях вспоминали политиков прошлого. Король¹⁶, Маршал¹⁷, Юлиу Маниу¹⁸ — приобретали легендарные черты.

Румынией СССР. В действительности были инструментом колониальной эксплуатации румынских ресурсов. Были ликвидированы после смерти Сталина между 1954 и 1956.

¹⁵ Налог натурой на продукты питания, который крестьяне были обязаны выплачивать, чтобы обеспечить бесперебойные платежи репараций СССР. В 1980-х этот способ взимания налогов был возобновлен, для выплаты внешних долгов, что привело к тяжелому экономическому кризису и стало причиной свержения режима Чаушеску.

¹⁶ Михай I (род. 1921), король Румынии (1927–1930, 1940–1947), принужден к изгнанию в декабре 1947.

¹⁷ Принятое в Румынии именование Антонеску.

¹⁸ Маниу Юлиу (1870–1953), председатель национал-царанистской партии. В годы становления коммунистического режима возглавлял демократическую оппозицию. Приговорен к пожизненному заключению в 1947. Умер в тюрьме города Сигет.

Ряд сюжетов выпадал из коллективной памяти. Не только коммунисты, которые были малочисленны и невлиятельны до 1944, но и события, имевшие значительные последствия, например, разгул антисемитизма, «законы о романизации» [Ansel, 2008]. Помнили, что было некое «раньше» и старались, особенно в периоды репрессий и рецессий, увидеть в отражении зеркал коллективной памяти, что это «раньше» было лучше настоящего. Отвергаемый и подавляемый официальной идеологией «старый мир» приобретал престиж «другой жизни», проецируемый не в будущее, которое было конфисковано официальной идеологией, но в прошлое. В целом персонажи «того времени» наделялись аурой жертв, не обязательно невинных, но все-таки несправедливо наказанных. «Параллельная» история, неспособная выразить себя, кроме как устно в семейном окружении, имела благородные черты коллективной драмы, которая рассматривалась, согласно религиозной логике, как нечто рационально непостижимое. В глубине этой истории не существовало ни ненависти, ни ксенофобии, ни антисемитизма, но только покорность судьбе.

УГРОЖАЮЩАЯ ТЕНЬ ЧУЖАКА

Из этой благостной картины выпадало оживление в начале 1980-х памяти о преступлениях режима Хорти на севере Трансильвании¹⁹.

¹⁹ Венгерская интеллигенция с 1960-х протестовала против политики «гомогенизации», проводимой режимом Чаушеску, под которой усматривалась попытка

В 1982 увидела свет монография, посвященная массовым убийствам совершенным хортистской армией при отступлении из Марамуреша осенью 1944 в поселениях Сэрмашу и Моисей [Bodea, Suciú, 1982]. Книга, основанная на показаниях единственного выжившего свидетеля из Моисей, произвела сильное впечатление на публику, которая не подозревала о данном факте недавнего прошлого²⁰. В 1985 вышла коллективная работа «Хортистско-фашистский террор на северо-западе Румынии», в которой был представлен обзор всего периода венгерской оккупации Трансильвании (1940–1944) и подробно описаны преступления в отношении гражданского населения [Teroarea horthysto-fascistă, 1985]. В тот же год специализированное издательство Библейского института и Миссии Румынской православной церкви опубликовало работу «партийного» историка Михая Фэту. Она была посвящена крестному пути православия на севере Трансильвании в период венгерской оккупации [Fătu, 1985]. Годом позже появилась еще одна работа на ту же тему, подписанная митрополитом Баната Ни-

«денационализировать» венгерское меньшинство. Во второй половине 1970-х Венгрия постоянно обвиняла Румынию в нарушении прав человека. «Венгерский взгляд» на историю региона был представлен в изданной в Будапеште «Истории Трансильвании». На фоне этой конфронтации Чаушеску позволил «сдержанно» выражать антивенгерские чувства в публичном пространстве.

²⁰ Эти преступления стали в свое время предметом судебного разбирательства. В 1945–1946 Народный трибунал, заседавший в Клуже, приговорил к смертной казни примерно 100 человек — мадьяр из Венгрии и Румынии, большинство — заочно.

колаем Корняну [Corneanu, 1986a; Corneanu, 1986b].

Была разрешена публикация написанного «в стол» романа Ромулуса Захарии «Искушение» (“Ademeni-gea”) [Zaharia, 1983]²¹. По сравнению с упомянутыми книгами роман давал информацию и о более поздних событиях в регионе. Он описывал ситуацию в Клуже первых послевоенных лет, в том числе и восстание студентов 1946. Захария давал понять, что главный конфликт румынского общества в первые годы коммунизма имел не классовое, а, по меньшей мере, в Трансильвании, этническое (румыны — венгры) содержание. Более того, показывая, что большинство венгерского населения Трансильвании поддерживали администрацию хортистов, автор прозрачно намекал, что коммунизм приняли, прежде всего, жертвы хортистского режима, в первую очередь, евреи.

Такой подход нарушал табу на упоминание об «инородности» отцов румынского коммунизма, которое Партия тщательно охраняла. Хотя все знали об этническом происхождении послевоенных коммунистических лидеров — Анны Паукер, Василе Луки, Иосифа Кишиневского²², офи-

²¹ Роман был вскоре изъят из библиотек, что придало ему престиж «запрещенной книги», читаемой украдкой. В издательстве, «пропустившем крамолу», были проведены чистки. Автор был принужден к эмиграции. Эти обстоятельства убеждали публику в достоверности сообщаемых в романе сведений.

²² Данные лица в период 1944–1953 считались представителями так называемой «московской группы», в оппозиции которой находились, «политкасторжане» (Георгиу-Деж, Чаушеску и др.).

циально считалось, что румынский коммунизм имел «национальную» природу. Имена евреев-коммунистов — были вычеркнуты из учебников. Упоминались только «истинные румыны» — Ион Фриму, Илие Пангиле²³, Лукрециу Пэтрэшкану²⁴, Георге Георгиу-Деж²⁵ и, само собой, Чаушеску²⁶. Упоминание об активном участии венгерских евреев в «коммунизации» северной Трансильвании должно было напомнить современникам послевоенных событий выражение последнего премьер-министра докоммунистической Румынии Николая Рэдеску²⁷ по поводу тех,

²³ Коммунисты, погибшие до 1944. Посмертно прослаивались коммунистической пропагандой.

²⁴ Пэтрэшкану Лукрециу (1900–1954), адвокат, коммунист. Активный участник свержения Антонеску 23 августа 1944. Занимал пост министра юстиции в первых коммунистических правительствах. Арестован в 1948 и приговорен к расстрелу после шести лет следствия.

²⁵ Георгиу-Деж Георге (1901–1965), профсоюзный лидер, коммунист. Арестован в 1933 за участие в забастовке железнодорожников. В 1944, едва выйдя из тюрьмы, стал генеральным секретарем Коммунистической партии Румынии. До 1958 сталинскими методами вел политику «коммунизации». Потом стал отдаляться от Москвы. В 1964 объявил «Декларацию независимости», ставшую началом политики национал-коммунизма, которую унаследовал Чаушеску.

²⁶ Стоит упомянуть, что в межвоенный период коммунисты настаивали на искусственном и политическом характере Румынского государства после Великой Унири 1918 года. На основании этого Коммунистический интернационал грубо вмешивался в деятельность Коммунистической партии Румынии, вплоть до назначения зарубежных генеральных секретарей. По этой причине в 1924 компартия была запрещена и перешла на нелегальное положение.

²⁷ Рэдеску Николае (1874–1953), профессиональный военный. В декабре 1944 назначен премьер-министром. В феврале 1945

«у кого нет родины и Бога». Со стороны функционеров коммунистического режима было неосмотрительным, дать разрешение на публикацию романа Захарии в стране, где, несмотря на «национализацию» всех сторон общественной жизни, коммунизм воспринимался, как нечто привнесенное извне.

ПЕРЕПИСЫВАНИЕ ИСТОРИИ

Среди вечных проблем румынского коммунизма не последнее место занимала неспособность написать собственную историю. Орвелианское переписывание прошлого шло под диктовку «актуального момента». Коммунистическая Румыния была страной с «непредсказуемым прошлым». Исчезновение со сцены партийных деятелей начального периода, перемена курса в 1964 и руководящего состава в 1965, постоянное «инвестирование» супругов Чаушеску в начальную историю румынского коммунизма — все это утверждалось Партией и ею же отменялось. Факты партийной истории, о которых все знали и о которых наперебой вещали западные «голова», но которые противоречили актуальным постановлениям Партии, упоминать, тем более публично, было невозможно.

Колебания «линии Партии» приводили к образованию брешей в ее монолитном образе. Партия пыталась прикрыть их через «переговоры» с памятью о «травме рождения», которые велись посредством

отстранен от должности после вмешательства заместителя министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского.

литературы и кинематографа. С конца 1970-х в Румынии возникла так называемая «литература бурного десятилетия» (в действительности периода 1945–1965). Недавнее прошлое, недостаточно или крайне тенденциозно представленное в учебниках истории, представало в качестве «субъективного авторского вымысла», что позволяло обращаться к сюжетам для историков немислимым. Было возможно говорить о таких явлениях как мир тюрем и лагерей (Александру Ивасюк, Марин Преда), партизаны, действовавшие до начала 1960-х в горах (Аугустин Бузура), разрушение памяти (Петря Сэлкучяну), межвоенный «средний класс» (Константин Цою, Бужор Неделькович, Габриела Адамештяну). Книги этих авторов, написанные эзоповым языком, становились бестселлерами и, несмотря на массовые тиражи, становились «твердой валютой» на черном рынке эпохи всеобщего дефицита. Упоминания о них на радио «Свободная Европа», которые зачастую сопровождались комментариями по поводу исторического контекста данных произведений, также содействовали популярности. Несколько фильмов, в том числе «Сила и правда» (“Puterea și adevărul”), пытались поднять в смягченном виде тему «ошибок молодости» в начальные годы строительства социализма.

Больше всего на общественном сознании сказались «откровения» Чаушеску по поводу процесса (1948–1954) над одним из наиболее авторитетных коммунистов Лукрециу Патрашкану. В целях укрепления своей власти Чаушеску в 1968 пре-

дал гласности преступления госбезопасности послевоенного периода. Он представил Патрашкану, как типичную жертву «тройки» Паукер, Лука, Георгиу-Деж. Как впоследствии ни пытались власти заставить забыть этот факт, он продолжал оказывать свое действие, разрушая «монолитную» историю Партии. Стало ясно, что мнимые «преемственность и единство» не более чем риторика, скрывающая травму, масштабы которой ни население, ни Партия, по разным соображениям, не осмеливаются определить.

Слухи и преувеличения играли решающую роль в обстановке недо молвок и полуправды. Сама власть воспитывала у румын вкус к «загадкам» и «тайнам», публикуя в развлекательных изданиях сенсационные материалы, не связанные с национальной историей, вроде убийства Дж. Кеннеди и «пришельцев из космоса». Если еще добавить «полицейскую» литературу, то можно понять в каких условиях формировалось конспирологическое мышление эпохи коммунизма. **В том же направлении** на массовые представления о прошлом влиял образ «осажденной крепости», который, особенно в последние годы правления, культивировался пропагандой Чаушеску. Румыния изображалась вечной жертвой истории, уничтожаемой могущественными врагами, которым все же не удалось лишить румын «гордости быть самими собой».

Без этого экскурса в образы мира, присущие гражданам коммунистической Румынии, невозможно понять резкие повороты памяти

после 1990. Всевластие цензуры, идеология, соединяющая национальную гордость с жертвенным героизмом, переписывание истории по указаниям Партии, сокрытие одних сторон прошлого, частичное и тенденциозное изображение других, дозволение искусству говорить о том, о чем невозможно заявить «научно», сосуществовали с задачами зарубежных радиостанций, книгами, привезенными из-за границы и сохранившимися от старого режима, и, особенно, с ярко окрашенными воспоминаниями современников. Все это составляло причудливую карту памяти, неспособную схватить смысл прошлого и беззащитную перед манипуляциями. Пропаганда не могла подавить «частную» память, спасавшуюся в семейном окружении. Более того, она вооружила ее идеологией непрерывной осады со стороны всемогущих абстрактных сущностей (капиталистов, американцев, русских, евреев), в которой румыны предстают только невинными жертвами и положительными героями. Эти глубоко впечатавшиеся в сознание образы прошлого продолжают существовать и после того как Партия сошла со сцены истории.

СКАНДАЛ БЕЗ ПРИЧИНЫ И ТРАГЕДИЯ БЕЗ ИМЕНИ

Дискуссии, порожденные законом 217/2015, доказывают, что в отношениях памяти с реальностью прошлого равновесия достичь не удалось.

Закон требует всего лишь запрета насилия и культа насилия в общественном пространстве. Запрет

насилия (особенно на основе признанных мировым сообществом судебных решений)²⁸ и пропаганды насилия, ненависти, расизма и ксенофобии является нормой гражданского общества, приверженного ценностям демократии. **Невозможно** призывать к демократической законности, европейской идентичности и гражданскому достоинству, позволяя экстремистам — во имя свободы слова — пропагандировать свою идеологию. Свобода торговли не снимает запрета на торговлю наркотиками. **Демократия не означает**, что разрешается делать все, что взбредет в голову. Напротив, каждый может делать только то, что не вредит другим. Пропагандировать расизм, ксенофобию, ненависть или восхвалять отдельных лиц либо организованные группы, которые в прошлом занимались подобной пропагандой и, более того, осуществляли на практике преступные действия и были за это осуждены, означает наносить ущерб не «определенной части общества», а обществу в целом.

Общество может считаться открытым до тех пор, пока оно способно впускать в себя любого иностранца и договариваться с ним в проблемных ситуациях, преобразуя посредством юридических процедур внутреннее напряжение в механизмы развития. Как только общество начинает руководствоваться идеями расового, этнического, религиозного и т.д. очищения, тут же начинается самоизоляция, установ-

²⁸ В том числе приговоров в отношении маршала Антонеску и лидера легионеров Хории Симы (1906 – 1993), который был осужден заочно и умер в Испании.

ливается мелочный контроль мысли и поведения. Никто, кроме тех, кто определяет критерии чистки, не застрахован от участи ее жертвы. По этим соображениям, «организации и символы фашистского, расистского или ксенофобского характера» не имеют права на гражданство в цивилизованном обществе.

Утверждение, что и такой подход является разновидностью чистки, является дешевым парадоксом. Тогда можно сказать, что и болезнь не надо лечить, так как лечение нарушает равновесие организма и болезнь — это только разновидность разбалансирования его функций. Подобными парадоксами можно обосновать все что угодно. К счастью, и в логике и в теории аргументации, существует достаточно способов доказать ложный характер подобных доказательств [Shermer, 1997].

Проблемы с упомянутым законом не относятся к области логики. Очевидно, что никто из нас не захочет находиться под угрозой со стороны другого лица, наделенного властью контролировать наши мысли и поведение, правом распоряжаться нашей собственностью, семьей и личностью. Любой вменяемый человек в состоянии отличить повседневные проблемы и угрозы существованию, которые присутствуют и в самых благополучных обществах, от прямой опасности изгнания из дома, ареста, побоев или убийства со стороны лиц, которые не дают никому отчета в совершаемом насилии. Трудно поверить, что кто-то сознательно согласится с подобным порядком вещей.

С другой стороны, возможность подобного в недавнем прошлом побуждает нас считать, что предосторожности, в первую очередь юридического порядка, необходимы. Осуждение насильственных действий становится эффективным, когда оно направлено не только против насилия, жертвами которого были мы сами, но и против того, которое мы совершали в отношении других. Закон, осуждающий ненависть и ее возбуждение, обязательно должен быть суждением о себе, которое не только заставляет сожалеть о прошлом, но и препятствует его повторению.

В определенном смысле закон 217/2015 через 25 лет после Революции говорит нам о том, что мы тогда не поняли.

Революция декабря 1989 была столь же жестока, сколь внезапна. Она во многом повторяла сценарии многочисленных переворотов XX в. Среди них: отставка «прогерманского» правительства Маргиломана осенью 1918, восшествие на престол Кароля II 8 июня 1930, его свержение 6 сентября 1940, свержение диктатуры Антонеску 23 августа 1944. Несмотря на радикализм общественных перемен во всех упомянутых случаях сохранялась преемственность политической культуры. «Фигуранты» истории менялись местами. Вчерашний победитель становился побежденным и наоборот.

Казнь супругов Чаушеску, арест некоторых членов Политисполкома и постоянные обвинения анонимных «террористов» в преступлениях,

совершенных в декабре 1989, не только сплотили общество против одновременно персонифицированных и невидимых сил зла, но и превратили всех румын, независимо от их прошлого, в жертв и, одновременно, в героев. Все, кроме перечисленных выше «преступников», в дни Революции могли гордиться тем, что были невинными жертвами безжалостной репрессивной системы. Чем более жестокой была система, тем более бесспорным был статус жертвы. В стране, где оппозиция коммунизму была близка к нулю, где число реальных диссидентов не превышало десятка, жертвенное самоощущение расценивалось, как сопротивление и едва ли не героизм. Можно сказать об эпохе, когда мы все находились под идейным и политическим гнетом Партии, что все сопротивлялись, правда пассивно, и наша повседневная борьба за жизнь сама по себе была оппозицией произволу власти.

В первые дни демократии произошли странные изменения, которые определяют общественное сознание последней четверти века: пассивность либо, даже, содействие режиму расцениваются как гражданская доблесть; неспособность противостоять давлению власти трактуется в жертвенном ключе, как форма героизма. Поскольку лишь незначительное меньшинство выступало против коммунизма, не эти маргиналы стали нашими героями, а «молчаливое большинство», которое покорно переносило абсурд последних лет правления Чаушеску. Придавая формуле «жертва — герой» самодостаточное значение, толпы, собравшиеся на площадях

в декабре 1989, прославляли сами себя. Возможно, феномен именованного страха и несостоятельности храбростью и героизмом возник в те дни спонтанно, но его воздействие на румынскую публику имело неблагоприятные последствия. В тот момент восхищения свободой мы были убеждены, что революция превращает нас в современных людей, которые отныне будут двигаться в одном направлении с остальным миром. Мы не заметили, что Декабрь 1989 направил нас назад не в меньшей мере, чем вперед.

Прежде всего, мы открыли персонажей истории, о которых прежде не знали: аппаратчиков времен Георгиу-Дежа, среди них Сильвиу Брукан²⁹, представителей т.н. «исторических партий», в их числе лидера возрожденной Национал-Царанистской партии Корнелиу Копошу³⁰. Да и тот факт, что румынский король жив, тоже стал открытием. Двадцать пять лет сведения новейшей истории к истории Партии, а истории Партии к восхвалению «золотой эпохи» Чаушеску привели к тому, что люди старшего поколения были вынуждены таить свои воспоминания. Те, кому в 1989 было до сорока, ничего не знали о прежней эпохе, кроме рассказов шепотом старших. Для них было

²⁹ Брукан Сильвиу (1916–2006), пропагандист начального коммунистического периода, оказавшийся в оппозиции Чаушеску. После революции 1989 «серый кардинал» новой власти, состоявшей из «коммунистов-реформаторов».

³⁰ Копошу Корнелиу (1914–1995), политик, близкий в межвоенный период к Юлиу Маннуну. Провел 17 лет в коммунистических тюрьмах. Впоследствии состоял под надзором.

шоком обнаружить, что настоящее сосуществует с прошлым.

В 1990 румынское общество выглядело как срез различных геологических эпох. Еще были живы легионеры, сторонники Карла II, поклонники короля Михая и апологеты Антонеску. Существовали адепты Георгиу-Дежа, Чаушеску и приверженцы Илиеску³¹ с памятью о «коммунизме с человеческим лицом» между 1964 и 1971. Воскресли царанисты, либералы и социал-демократы. Сторонники венгерской автономии вспоминали о «третьей Европе» Габсбургов. Постмодернисты открывали Америку. Католики и греко-католики – Рим. Теософы все объясняли в символическом ключе. Националисты всюду усматривали опасность и т. д.

Каждый из этих идейных лагерей имел собственную историю румынской нации, высшим и неоспоримым критерием которой являлись свидетельства очевидцев. Произошел моментальный переход от «единой истории» Партии к бесконечному числу исторических рассказов. Их субъективный характер не брался в расчет. Ведь это были свидетельства жертв безжалостных преследований, которыми были насыщена история Румынии XX в.

Слово жертвы творило историю прошедших десятилетий. Политическая свобода дала жертвам возможность говорить. Чем драматичнее был рассказ, тем глубже он впечатывался в общественное

³¹ Илиеску Ион (р. 1930), лидер Союза коммунистической молодежи в 1960-е, президент Румынии в 1989–1996 и в 2000–2004.

сознание. Жанр литературной и телевизионной исповеди должен был не только обеспечить контакт общества с миром, о котором оно не подозревало. Описание ужасов объясняло, с чем именно румыны расстались в декабре 1989. Литературный критик Дан Михайлеску имел основания определить приобщение к мемуарам первого послереволюционного десятилетия, как восстановление человечности через погружение в прошлое [Mihăilescu, 2004].

Среди «мемориальных» телевизионных передач того времени особенное внимание публики привлекли «Упражнения в восхищении» – беседы с Емилом Чораном и Петрей Цуцу (режиссер Габриел Лийчану, 1992) и программа «Мемориал страдания» (режиссер Лучия Хоссу-Лонжин, выходила с 1991 до конца 1990-х). Документальные кадры и интервью (как с жертвами, так и с их мучителями) рассказывали о коммунистических репрессиях, в том числе об одном из самых жутких их проявлений – феномене Питешт. О нем уже было известно из книги Виржила Ерунки [Ierunca, 1990; Vasu, 1963; Vasu, 1991; Mureşan, 2008]. **Обширные отрывки** из нее передавались радиостанцией «Свободная Европа».

Тюремный эксперимент над студентами был начат в 1949 в Питештах и продолжен в 1951 в Герле. По своей жестокости он превосходил все, что было известно об ужасах лагерей. Согласно замыслу, цель которого не до конца ясна, студенты, заключенные в тюрьму, были обязаны «перевоспитывать» друг друга

посредством непрерывных пыток. Пройдя через длинный ряд физических и нравственных мучений, жертва сама становилась палачом. Жуткий эксперимент был прекращен в 1952. За использование террора по приказу, якобы полученному от легионеров (!) из-за рубежа, были осуждены студенты-мучители (16 из них были казнены) и некоторые работники тюрьмы. История питештской тюрьмы, рассказанная людьми, которые сорок лет были лишены возможности говорить о перенесенных страданиях, имела огромное эмоциональное воздействие.

РИСКИ ИДЕАЛИЗАЦИИ И МИФОЛОГИИ ЖЕРТВЫ

Питешты стали символом бесчеловечности коммунистического режима. Эта метонимия породила две больших проблемы.

Прежде всего, пыткам такой чрезвычайной интенсивности было подвергнуто незначительное меньшинство, что делало их страдания еще более трагическими. Подавляющее большинство румынских граждан подвергалось не физическому насилию, а годами страдало от тотального контроля и разнообразных бытовых лишений. На фоне ужасов Питешт их нищая коммунистическая повседневность начинала восприниматься как нормальная жизнь. Концентрация общественного внимания на этом страшном случае парадоксальным образом подталкивала к выводу, что коммунизм «национального» (после 1965) периода, когда не при-

менялись массовые репрессии, был не только терпимым, но и приемлемым. По этим причинам зрители «Мемориала страдания» (в то время в Румынии был только один телевизионный канал) массово голосовали в 1992 за партию Иона Илиеску, в значительной части состоявшую из бывших аппаратчиков. Связь между Питештами и сторонниками перестройки *à la roumaine* не была очевидной.

Еще более удивителен второй эффект. Из мучеников Питешт сделали образцовых жертв катастрофы, порожденной русским вторжением и насаждением коммунизма. Эти молодые люди изображались как идеалисты, истинные христиане и патриоты, которые в невыносимых условиях отстаивали человеческое достоинство и приняли мученическую смерть. Так как большинство из них были легионерами, то эти благородные черты переносились на легионерское движение в целом³². Такой образ совпадал с легионерской пропагандой межвоенного времени, которой была присуща идея чрезмерных страданий и мученической смерти. При созерцании слез старых изможденных людей, воскрешавших страшные подробности пережитого, телезрителям было трудно отделить образ христианских мучеников от легионеров. Критическое восприятие блокировалось. Возникало искреннее сочувствие.

³² Яркий пример – Валериу Гафенку (1921–1952), прозванный «святым тюрем». Осужденный за участие в легионерском восстании января 1941 умер уже в коммунистической тюрьме. Свидетели отмечают его достойное поведение перед лицом тюремщиков.

Свидетельства жертв коммунистических репрессий относились не только к собственному жизнеописанию. Они говорили от имени своего поколения — прежде всего легионеров. Истинность их рассказов о прошлом удостоверялась годами тюремного заключения и десятилетиями вынужденного молчания и «умножалась» медиа, создававшими образ человека, который публично исповедует о своей неизжитой травме. При этом случаи прямого оправдания Легиона, например, воспоминания одного из его руководителей Нистора Киоряну [Chioreanu, 1992], оказали гораздо меньшее воздействие, чем неявные внушения, которые исходили от тех, кого не связывали напрямую с легионерским движением³³.

Отождествление легионеров с мучениками усиливалось тем, что ряд выживших в коммунистических тюрьмах придерживались религиозных — во многих случаях радикальных — воззрений. В Румынии, как и в России, церковь воспринимает

³³ Отрицательное отношение к Легиону порождалось не только многолетней антилегионерской пропагандой Кароля II, Антонеску и коммунистов. Причины лежат глубже. Насилие, которое легионеры внесли в публичную жизнь, отвращало от них широкие массы, неспособные по своему «природному» характеру сочувствовать подобным действиям. Убийство выдающегося историка Николае Йорги (1871–1940) оттолкнуло от Легиона большинство интеллектуалов. Возможно, поэтому бывшие легионеры настойчиво вспоминали интеллектуалов, которые поддерживали их движение. Убийство в 1991 в Чикаго принципиального критика Легиона профессора Иоана Петру Куляну возобновило представление о легионерском движении, как криминальном, так и антиинтеллектуальном.

ся не столько, как институт, сколько персонифицируется в некоторых особах духовного звания, ведущих безупречный образ жизни. Их слова приобретают значение апофегмы (наставительного изречения). Многие из этих «старцев» в молодости были радикалами, в том числе (такие как Юстин Пырву и Арсений Папачок) сторонниками Легиона. Тюремное заключение и, впоследствии, изоляция в монастыре привели к тому, что ряд из них задним числом облагораживал устремления молодости, погружал их в мученический контекст истинного христианства. Эти фигуры пользовались популярностью не только среди необразованной публики, но и в определенных интеллектуальных кругах. Не удивительно, что вокруг «святых тюрем» оформился образ «мягкого» легионаризма, рассматриваемый как предвестник «национального возрождения» через борьбу с «силами тьмы» и готовность к самопожертвованию.

Образ легионера включает не только сплав чистоты молодости, наивной сельской религиозности и национального изоляционизма. Легионерское движение развивалось не только на основе романтизации селянина, о котором межвоенные интеллектуалы имели приблизительное представление³⁴, но и

³⁴ Молодые интеллектуалы межвоенного времени, принимавшие участие в многолетних полевых социологических исследованиях профессора Димитрие Густы, такие как Генри Х. Сталь и Антон Гюлопеница, придерживались левых взглядов. Для них сельская модернизация, посредством обучения, привития гигиенических навыков и механизации, была важнее, чем сохранение гипотетического «народного духа».

на отказе от модернизации в пользу возвращения к «корням». В антимо-дернизме, изоляционизме и религиозном пуризме легионерского движения выделялся поиск «румынской специфики», которая противопоставлялась космополитической модернизации. «Зеленый румын» (намек на цвет рубашек легионеров) — сельский житель, верующий до самопожертвования и живущий трудом рук своих противопоставляется чужаку, который не привязан к земле, лишен веры и живет чужим трудом. «Чужак» этой бинарной оппозиции, хоть и не назван по имени, легко угадывается. Именно таким образом пропаганда режима Антонеску изображала «иудео-большевика».

Чтобы стать жертвой надо найти кого-то, кто совершит жертвоприношение. Этим кем-то стал русский безбожник, захвативший Бессарабию в 1940 и Румынию в 1945. Злокозненный чужак рассматривается как противоположность «доброму румыну», как обобщенное выражение грозящей опасности, что само по себе служит оправданием памяти о провидческой бдительности Легиона. Глубоко укорененная русофобия³⁵, соединенная с ненавистью к традиционным союзникам русских — болгарам, мадьярофо-

³⁵ Так было не всегда. Благодаря реформам Павла Киселева и его блестящему офицерскому окружению, русские воспринимались как проводники прогресса. Ситуация изменилась после Русско-турецкой войны 1877–1878, когда Россия отобрала у своего верного союзника Южную Бессарабию. Ситуацию не исправил «компенсация» — передача Румынии Добруджи. С тех пор русские рассматриваются, как захватчики, готовые в любой момент оккупировать румынскую территорию.

бий и антисемитизмом, служит оправданием агрессивного национализма, который вызывает к «правам жертвы».

СТРАННОСТИ ПАМЯТИ ОБ АНТОНЕСКУ

Не Легион может похвастаться борьбой с русскими, но тот, кто был врагом легионеров, — Маршал Антонеску. После 1990 память об Антонеску-патриоте возвращается. Коммунисты, даже втайне сочувствуя, не могли ей позволить затмить «акт основания» — 23 августа 1944. После свержения коммунистического режима вождь государства в период Второй мировой войны становится воплощением борьбы Румынии против России и большевизма. Антонеску, осужденный и казненный в июне 1946, рассматривается как парадигматическая жертва русской оккупации.

В 1990 историк Георге Бузату опубликовал серию книг под общим названием «Маршал Антонеску перед лицом истории» [Buzatu, 1990a. Ср: Buzatu, 1992]. В этих сборниках, составленных из заявлений самого Антонеску, документов эпохи и мемуарных свидетельств, материал подбирался по откровенно апологетическому принципу. Несколько месяцев спустя тот же Георге Бузату опубликовал выжимку из этих документальных томов [Buzatu, 1990b]. Название книги: «Запрещенная история» — коммерческое и патетическое одновременно. Издание вроде бы посвящено всем трем румынским маршалам, но в действительности, представляет восхваление одного Антонеску. Центральное ме-

сто отводилось «свидетельствам»: записям Антонеску с момента ареста, последнему слову перед лицом трибунала, приговорившего его к расстрелу, обширным фрагментам из воспоминаний полковника Георге Магереску, который был членом Военного кабинета Маршала.

Эти апологетические воспоминания были обнаружены в 1981 и опубликованы в Италии эмигрантом Иосифом Дрэганом, которому приписывали легионерское прошлое. В воспоминаниях полковника Магереску Антонеску предстал безупречным героем. Он открыто противостоял Сталину и тайно Гитлеру и стал жертвой короля и придворной камарильи, продавшихся коммунистам [Antonescu, *Mareşalul României*, 1986]. Этот тезис был воспроизведен и Георгием Бузату. В скором времени он обрел популярность благодаря публикациям журналов «Магазин историк» и «Ромыния маре».

Для понимания логики такого подхода необходимо вернуться в послереволюционное прошлое. Проживающий в Швейцарии король Михай приветствовал Революцию и в 1990 решил возвратиться на родину для празднования Рождества. Неясно на что надеялся в тот момент король. Трудно было допустить мысль, что реставрация монархии возможна. Тем не менее, Ион Илиеску и Фронт национального спасения восприняли жест короля всерьез. После коротких переговоров Михай был принужден отбыть восвояси.

Опасения Илиеску были в какой-то мере обоснованы. Именно в это вре-

мя лидер оппозиции Корнелиу Копошу, объявил себя монархистом. Возникла угроза прихода сторонников монархии к власти. Вся машина пропаганды, состоявшая из «перестроившихся» аппаратчиков, была поставлена на службу очернения монархии и фигуры Михая. Для этого жертвенный патриот Антонеску противопоставлялся трусливому заговорщику, покинувшему страну в трудный момент.

Выгодный Илиеску образ возникал благодаря тому, что биография Антонеску рассматривалась в перспективе его последних дней. Маршал предстал как жертва трагических обстоятельств. Эта оценка базировалась на тенденциозно подобранных свидетельствах, среди которых было и знаменитое: «Если евреи еще живут в Цара Ромыняскэ, то живут они благодаря маршалу Антонеску» [Procesul Marii Trădări, 1946: 71]. Подобные публикации имели большое эмоциональное воздействие, но они не опирались на весь комплекс документов эпохи. Пока Ион Илиеску был заинтересован в дискредитации короля «патриотизм» и «жертвенность» Антонеску выставлялись напоказ³⁶.

В 1995 по случаю юбилея капитуляции Германии началась дискуссия по поводу решения Маршала

³⁶ Это дало печальные плоды. В их числе — антисемитская манифестация, состоявшаяся в Яссах в 1991 в память пятидесятилетия Ясского погрома, в которой принимали участие представители армии и городских властей. Американский конгресс был вынужден принять резолюцию, осуждающую рост антисемитизма в Румынии. Напряженность в общественном отношении к памяти жертв Холокоста сохранялась долгое время.

перейти Днестр 26 июля 1941, приведшего к самым тяжелым последствиям. Примерно к 1997, когда национальный Архив начал публикацию «Стенограмм Совета министров. Правление Иона Антонеску» (всего планируется издать 11 томов) монета с чеканным профилем Маршала начала девальвироваться. Ответственность человека, вовлекшего Румынию в войну, становилась все заметней. В 1998 военный историк Алекс Стоенеску опубликовал первую основательную работу об Антонеску [Stoenescu, 1998]. При этом автор не решился прямо обвинять своего героя, объяснив «эксцессы» правления психологическими срывами. Георге Бузату, умерший в 2013, до конца жизни оставался апологетом Маршала. Более того, он радикализировал позицию немецкого историка Эрнста Нольте в знаменитом «споре историков», согласно которой фашизм был вынужденной реакцией на большевизм. Спорные, если не преступные, акты межвоенного законодательства оправдываются необходимостью защиты от коммунистического нашествия [Constantinescu, 1999].

Наряду с Кондукэторулом после 1990 столь же интенсивно эксплуатировалась память о Капитане — убитом по приказу короля вожде легионерского движения Корнелиу Кодряну (1899–1938), который рассматривался в качестве образца для легионеров, репрессированных и замученных коммунистами. Поскольку Кондукэторул и Легион столкнулись в дни легионерского восстания в январе 1941 в смертельной схватке, у Антонеску и Кодряну не могло быть общих поклонников.

Для своих апологетов и один, и другой выступали «идеальными типами», призванными соединить специфические национальные доблести «святого» и «героя». Те, кто усматривал в Антонеску и Кодряну выдающиеся качества, не стеснялись популяризировать их образы и создавать, путем различных коммеморативных практик, их публичный культ. Поэтому закон, который запретил прославление этих персонажей, полезен для Румынии.

Этот запрет распространяется и на часто используемую практику, когда под предлогом «восстановления исторической правды» указанные и подобные им персонажи истории увековечиваются в стереотипных формулах: «святой», «мученик», «жертва», «герой», «витель» и т. д. Данные эпитеты используются, чтобы обозначить якобы сущность данных персонажей. В таком подходе соединяется «религиозный» культ публичных фигур, ленность мысли, игнорирование фактов и откровенное невежество, которые отказывают добросовестному историку в праве исследовать деяния исторического лица в контексте его времени.

Вопреки этой тенденции дискуссии о недавнем прошлом во все большей степени погружаются в контекст исследуемой эпохи. Во время «правого» правительства Демократической Конвенции (1996–2000) появляются³⁷ и попу-

³⁷ Усилиями Лии Бенжамин, Жана Анчела, Иоана Шербэнеску, Виорела Акима и др. публикуются ценные сборники документов. Появляются исследования о положении евреев в Румынии Раду Иоанида, Майкла

ляризируются³⁸ достойные исследования. На «расколдование» межвоенной «золотой эпохи» в значительной мере повлияло новое поколение историков³⁹, которые оспаривают националистические трактовки популярные в последние годы коммунизма. Круг апологетов Легиона и Маршала сужается. Сегодня их можно обнаружить либо на ностальгическом крае политического спектра, представленном партией «Великая Румыния», либо среди старшего поколения историков (часть из них бывшие сотрудники Института военной истории — очага национал-коммунизма), либо в мелких группах радикальной молодежи⁴⁰,

Шафира, Кароля Янку. Увидели свет работы, посвященные политике межвоенного периода, в том числе воспоминания одного из премьер-министров того времени Константина Аргетояну (1871–1955) и примечательная подборка текстов «Десять межвоенных выборных кампаний. 1919–1937» [Lăcustă, 1996].

³⁸ Следует выделить популярные издания «Досареле историей» и «Хистория», которые посвящают специальные номера ключевым моментам и деятелям преимущественно недавней истории.

³⁹ Лидером этого поколения является Адриан Чорану. Следует назвать имена Алины Павелеску, Дорина Добринку, Адриана Чофлинкэ, Отмара Трашкэ, Вирджилию Цырэу, Флорина Мюллера.

⁴⁰ Например, группа, руководимая Овидиу Гулешом, которая образовалась вокруг «Газетэ де Вест» (Тимишоара). Многие из членов группы являются не только поклонниками легионеров, но и «фанатами» жанра фэнтэзи. Оба увлечения соединились в цикле комиксов, подражающих «Звездным войнам». Члены экипажа и пассажиры межгалактического корабля, одетые в народные румынские костюмы, характерным легионерским приветствием отдают честь своему Капитану. Эта невольная пародия, сотворенная сторонниками Легиона, вызывает у читателей такой смех, которого противникам

которые финансируются из-за рубежа правыми экстремистами.

Объясняется это тем, что культурный мейнстрим посткоммунистической Румынии лишен легионерских симпатий и не испытывает иллюзий в отношении Антонеску. В этой среде полемика ведется в основном вокруг проблемы модернизации Румынии и цены, которую придется за нее заплатить. Одни интеллектуалы понимают модернизацию по «синхронной» модели Еуджена Ловинеску⁴¹ и считают, что успешное развитие Румынии будет обеспечено быстрой интеграцией в Европейский союз, открытием рынков, притоком людей, капиталов и идей. Другие скорее соглашаются с консервативной парадигмой медленного приобщения к западной культуре Титу Майореску⁴², который выступал за «проклевывание» современной ментальности из традиционных структур страны, не прибегая к импорту внешних форм цивилизации. (В каком-то смысле эти разногласия по поводу модернизации Румынии сходны со спорами западников и славянофилов)

За малыми исключениями постдекабрьский интеллектуальный слой осознает различия между

румынского фашизма при всем желании не удалось бы добиться.

⁴¹ Ловинеску Еуджен (1881–1943), литературный критик, наставник литературного кружка «Збурэторул» («Zburătorul» — крылатое существо румынской мифологии).

⁴² Майореску Титу (1840–1917), политик, литературный критик, идеолог литературной группы «Молодость» («Junimea»). Автор теории «формы без содержания», согласно которой румынская модернизация сводится к поверхностным заимствованиям.

Румынией и Западом и при этом считает необходимым добиться соответствия с западными стандартами. Предметом споров является скорость этой модернизации, ее воздействие на, в значительной мере, традиционное общество и роль традиции, часто преувеличиваемой, при новом порядке демократии и капитализма. В этих спорах на разных уровнях воспроизводится проблематика, а, порой, и рассуждения, межвоенного периода.

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИКА МИФА. КАЗУС ЭЛИАДЕ

Неудивительно, что в этой среде скандал вызвал не политик прошлого, а интеллектуал — Мирча Элиаде⁴³. Еще во времена коммунизма он почитался как румын, полностью интегрированный в западную культуру, как один из всемирно признанных лидеров своей научной дисциплины. Элиаде в большей мере, чем любой ученый румынского происхождения (нобелевский лауреат в области физиологии и медицины Георге Паладе и один из величайших экономистов мира Николас Джеорджеску-Рёген), стал воплощением интеллектуального успеха как в Румынии, так и в мировом масштабе.

Благодаря авторитету Элиаде исследования религии, относящиеся преимущественно к антрополо-

⁴³ Элиаде Мирча (1907–1986), писатель и историк религии. В межвоенный период модный литератор и лидер «молодого поколения», которое образовалось вокруг группы и газеты «Критерион». После 1944 в эмиграции.

гии и этнолингвистике, вернулись в культурное пространство 1970-х. Элиаде издавала способствовал утверждению наименее идеологизированной формы исследований в социогуманитарной сфере коммунистической Румынии. Масштаб Элиаде стал очевиден, когда издательство «Хуманитас» приступило в начале 1990-х к изданию его полного собрания сочинений.

В это время появился текст, в котором критически рассматривался ряд поступков молодого Элиаде и выяснялись причины его последующего молчания по их поводу. Речь идет о статье Нормана Мани «Счастье вины» (“Culpa fericită”) [Manea, 1991; Manea, 1992], которая вызвала шок среди румынских интеллектуалов [Livezeanu, 2004]. Автор всего лишь представил уже опубликованные данные, найденные в «Дневнике» Элиаде и в монографии американского исследователя Мака Линскота Риккетса, посвященной раннему творчеству раннему творчеству румынского религиоведа. Маня задался вопросом, как Элиаде относился к важнейшим событиям тех лет, в которых он был не только зрителем, но и участником? Делается вывод, что мы наблюдаем этическое раздвоение Элиаде. С одной стороны он отмежевался от антисемитизма [Eliade, 1998]. С другой — остался верен памяти своего профессора Нае Ионеску⁴⁴ и его правозащитным представлениям о развитии Румынии [Stănescu, 2008].

⁴⁴ Ионеску Николае (Нае) (1890–1940), профессор логики и метафизики в Бухарестском университете, духовный наставник «нового поколения» и Железной гвардии.

Казус Элиаде, который не отказался от своего союза с силами, перешедшими от антисемитских речей к человеконенавистнической практике, воспроизвел в румынском обществе «скандал Хайдеггера», разразившийся после публикации Виктора Фариаса по поводу деятельности германского мыслителя на посту ректора в начале нацистского режима. Мнения, как и в случае Хайдеггера, разделились. Одни усматривали в юношеских текстах [Eliade, 2000] и в отсутствии последующего их осуждения форму «фашизованного» мышления и, возможно, поведения, которые отпечатались (либо нет) в его зрелом творчестве [Dubuisson, 1993; Laignel-Lavastine, 2002]. Другие оправдывали грехи молодости историка религии межвоенной ситуацией, а его молчание по их поводу помощью, которую Элиаде в годы изгнания оказали евреи – выходцы из Румынии. Спорящие не предложили ясных критериев. Остается открытым вопрос, не сведется ли подобная дискуссия либо к панегирику всепрощения, либо к «охоте на ведьм»? Две вещи несомненны: молодой Элиаде разделял упоение части межвоенной интеллигенции Железной гвардией и никогда не отрекся от убеждений молодости.

В послевоенный период он осмысливал тему «террора истории», жертвой которого выступает все человечество, но в первую очередь малые нации, стоящие на великих путях миграций и завоеваний. Они не могут избежать своей участи. Но могут одержать моральную победу над завоевателями, научившись читать транскрипционные «знаки»,

следы истории, которые указывают земную судьбу. Являлось ли это утверждение «пресуществлением» и «метафизическим спасением» ошибочного выбора, сделанного в молодости? Или, напротив, горький опыт изгнанника претворяется в мифологию «утраченного рая» родины, которую Элиаде больше никогда не увидел?

Погружение в мифическое прошлое румын предпринято в работе «От Залмоксиса до Чингис-хана» [Eliade, 1970; Eliade, 1980]. Название двусмысленно, так как «опирается» и на духовную персону, и на завоевателя. В чем состояла цель этого исследования: воспеть «традиционализм», которым так дорожили межвоенные националисты или же провести переоценку исторических корней Румынии и популяризовать ее за рубежом? Элиаде не дает ответа на эти вопросы. Не дает их и непрерывная полемика о нем. Она переживает периоды оживления и затишья, но в целом, после публикации основных текстов классика религиоведения, стала более «прохладной».

Примерно в это время (1993–1996) возникла дискуссия по поводу прошлого другого знаменитого румынского изгнанника Емила Чорана. Он в гораздо большей мере, чем Элиаде был скомпрометирован текстами молодости, включая знаменитый «Профиль Капитана» [Ciogan 2004]⁴⁵. Чоран пытался все списать на юношескую экзальтацию, спро-

⁴⁵ В период Национал-легионерского государства (сентябрь 1940 – январь 1941) это эссе было зачитано по радио, а потом опубликовано в газете «Гласул Стрэмешек».

воцированную «духом времени» низвержения кумиров и интеллектуального скандала⁴⁶.

Открыто симпатизировал Легиону и Константин Нойка⁴⁷, который в период Национал-легионерского государства (1940–1941) достиг поста редактора газеты легионеров «Буна вестире». Он сохранил добрые отношения с друзьями легионерской молодости. При этом Нойка вроде бы осознал, что во имя этического максимализма, который впоследствии сам назвал «пустой жестикующей», был вовлечен в авантюру, последствия которой не представлял. Философ, по меньшей мере приватным образом, осудил этот эпизод своего прошлого.

В середине 1990-х были опубликованы тексты, оказавшие сильное воздействие: «Дневник» Михаила Себастьяна⁴⁸ и письма 1944–1945 годов Еуджена Ионеску (Эжен Ионеско)⁴⁹,

⁴⁶ Чоран упорно отказывался от литературных премий, так как боялся, что в результате неизбежных в таких случаях биографических разысканий вскроются грехи его молодости. Он был напуган случаем, когда в 1960 Комитет гонимых премии отозвал эту награду у автора романа «Бог родился в изгнании» («Dieu est né en exil») Хорри Винтилы, после того как стало известно о его легионерском прошлом.

⁴⁷ Нойка Константин (1909–1987), философ, узник коммунистических тюрем. Многие из его учеников стали после 1989 видными представителями правых «западников», которые противостоят, как правым «традиционалистам», так и левым течениям «неокоммунистов» и «постструктуралистов».

⁴⁸ Михаил Себастьян (Иосиф Гехтер) (1907–1945), писатель, драматург, эссеист и публицист еврейского происхождения, представитель межвоенного «молодого поколения».

⁴⁹ Ионеско Еуджен (1909–1994), французский драматург и эссеист румынского

адресованные его профессору Тудору Виану⁵⁰. Оба текста являются откликами на злобу дня и показывают каким образом их авторы пытались выжить в то драматическое время. В обеих публикациях упоминаются такие люди как Мирча Элиаде, Емил Чоран, Константин Нойка, Мирча Вулканеску⁵¹. Они предстают как люди с серьезными нравственными дефектами. Поражает не столько содержание мысли, попавшей под влияние национализма либо традиционализма, сколько одержимость, с которой эта мысль, ставшая искренним убеждением, высказывается.

В 1945 Еуджен Ионеску набрасывает портрет «золотого межвоенного поколения»: «Мы были неудачниками, преступившими все пределы. Не могу упрекнуть себя, что был фашистом. Но в этом можно упрекнуть всех остальных. <...> Чоран здесь в изгнании. Признает ошибки молодости. Мне тяжело его простить. Приехал или на днях приедет Мирча Элиаде. Для него все потеряно после победы коммунизма. Этот во многом виноват. Но и он, и Чоран, и глупец Нойка, и толстяк Вулканеску, и многие другие <...> являются жертвами омерзительного покойника Нае Ионеску. Если бы не было Нае Ионеску, <...> сегодня бы у нас было поколение выдающих-

происхождения, член Французской академии, основатель «театра абсурда».

⁵⁰ Виану Тудор (1887–1964), философ, профессор эстетики Бухарестского университета.

⁵¹ Вулканеску Мирча (1904–1952), философ и социолог, студент Нае Ионеско, государственный секретарь в правительстве Антонеску. После войны приговорен к тюремному заключению. Умер в тюрьме.

ся руководителей в возрасте от 35 до 40 лет. Из-за него все они стали фашистами. Он сотворил тупую, бешеную реакционную Румынию. Второй виновник — Элиаде. <...> Он воспитал часть своих “коллег по поколению” и всех более молодых интеллектуалов. Нае Ионеску и Мирчу Элиаде слушали с восторгом. Если бы эти люди были хорошими учителями» [Ionescu, 1994: 274].

Упоминание учителя этого поколения Нае Ионеску знаменательно. Талантливый оратор, мыслитель, обращавшийся к интеллектуальным новинкам Запада таким образом, что его обвиняли в плагиате, едкий журналист, Профессор с заглавной буквы, как его почтительно именовали ученики, вошел в политику, поддержав восхождение на трон принца Кароля. Какое-то время он был неофициальным советником Кароля II. Потом между ними произошел разрыв. В результате Нае Ионеску перешел в оппозицию к королю и сблизился с лидером легионерского движения Корнелиу Кодряну. В дальнейшем стал своего рода серым кардиналом и идеологом Легиона. Только смерть весной 1940 помешала ему участвовать в «победе легионеров» осенью того же года.

Нае Ионеску отличало мистическое видение сущности «румынизма», которая отождествлялась с православием. В этом состояла, по его мнению, национальная исключительность румын. Интеллектуал, получивший подготовку в Германии и имевший там прочные связи, в том числе и после прихода Гитлера к власти, усматривал «спасение

нации» в духовной революции, которая одновременно оздоровит политику и путем этнического очищения повысит однородность социального тела. С этой точки зрения представления Нае Ионеску и Корнелиу Кодряну были близки. Невозможно понять каким образом хорошо образованные молодые люди, полиглоты, космополиты могли соблазниться подобными идеями?

Помимо чар, которыми был наделен Нае Ионеску, следует принять во внимание и другие обстоятельства. После Унири 1918 треть населения Румынии составляли этнические меньшинства, проживавшие преимущественно в городах: венгры, евреи, немцы, русские, украинцы, греки, армяне, болгары, цыгане. Новому государству не доставало ресурсов для их безболезненной интеграции. Возникли серьезные проблемы идентичности этнического большинства [Alexandrescu, 1998].

На защиту румынского самосознания встали правые радикалы: Лига национал-крестьянской обороны А.К. Кузы⁵², легионеры Кодряну, позднее Национал-христианская партия Октавиана Гоги⁵³. В ответ на концентрацию «чужаков» в городах возникла разветвленная мифология сельской жизни, которая ин-

⁵² Куза Александру (1857–1947), политик, университетский профессор, один из самых известных антисемитов межвоенного периода. От Лиги национал-крестьянской обороны Кузы «отпочковалось» Легионерское движение.

⁵³ Гога Октавиан (1881–1938), политик, поэт, поклонник нацизма, премьер-министр Румынии в 1938, инициатор антисемитских законов.

тенсивно пропагандировалась т. н. «попоранистами» (народниками). Вызовы индустриальной модернизации, приводившие ко всесторонним изменениям, в том числе и в культурной сфере, породили защитную реакцию традиционализма. Недостаточно славное прошлое, компенсировалось концепцией «дакизма» или «непрерывной преистории». Это специфически румынское мировоззрение отличалось антиисторизмом, идеализацией сельской жизни, приверженностью идеям «христианского космизма», апологетами которого были Мирча Элиаде и Лучиан Блага⁵⁴.

Ситуация осложнялась превращением православия в идеологию Четвертого Рима, которым Румыния должна была стать после захвата России большевиками. Эта идеология связывала румынскую идентичность с принадлежностью к «национальной церкви». Сторонники подобных взглядов требовали, чтобы это условие распространялось и на предоставление гражданства.

Ко всему этому добавлялась негативная реакция молодежи на «стариков» — учредителей Великой Румынии, погрязших в политиканстве и коррупции, неспособных прозревать национальное будущее. Новое поколение усматривало

⁵⁴ Блага Лучиан (1895–1961), поэт и философ, автор концепции понимания культур через их «стилистические категории». Для Румынии определяющей категорией является «миоритическое пространство» (от национального эпоса «Миорица»), образованное «волной» — чередованием «горы и долины», которое имело первостепенное значение для пастухов в процессе их сезонных миграций.

предназначение нового государства в том, чтобы насытить национальным содержанием внешние формы, возникшие в результате Унири [Ciorgan, 1936].

Это привело к двум драматическим последствиям.

Во-первых, был предложен националистический подход к социальной проблематике. Румыния тогда находилась вначале процесса модернизации, который, как и везде, сопровождался масштабными демографическими, экономическими и ментальными изменениями. Молодые интеллектуалы: Элиаде, Чоран, Нойка, Вулканеску — были «врагами капитализма» [Culianu, 1995], а их идеология противостояла прогрессу. Они рассматривали урбанизацию, как денационализацию. По их мнению, крестьяне, пришедшие в город, теряют свою оригинальную сущность, в том числе и религиозную, и растворяются в безликой массе промышленных рабочих. В процессах урбанизации, индустриализации, образования, осуществляемых по образцу развитых стран, крестьянин утрачивает свою исконную «особость» и перестает быть настоящим румыном. Сохранение сельско-православной идентичности подразумевает оппозицию модернизации и космополитизму.

Второе последствие было еще более губительным. Как и многие в межвоенной Европе молодое поколение румынских интеллектуалов рассматривало фашизм, в качестве «третьего пути» между либеральной демократией, не сумевшей помешать

гекатомбам Первой мировой войны, и революционным большевизмом, который воспринимался, прежде всего, через его ужасы. В этом контексте фашизм рассматривался как вид организованной революции, сопряженной с относительно малым насилием, которая станет основой духовной трансформации личности. Антисемитская и ксенофобская логика подсказывала сторонникам фашистских идей, что существуют этнические и религиозные группы, которые не могут существенно меняться⁵⁵ и поэтому нет никаких оснований для их существования в будущем «реформированном» государстве.

Церковь не реагировала на этот «религиозный национализм», от которого ей бы следовало защищаться как от ереси. Король вначале пытался перехватить руководство легионерским движением, но не достиг успеха. После этого он перешел к репрессиям. Это привело к радикализации движения, прибегнувшего к актам индивидуального и коллективного террора, и подготовило почву для прихода к руководству Легионом новых вождей — фанатичных маргиналов, которые захватили власть в сентябре 1940.

ВОССОЗДАНИЕ ПРОБЛЕМАТИЧНОГО ПРОШЛОГО

Я уделил так много место дискуссии, по поводу «скелетов в шкафу» Мирчи Элиаде, потому что она показывает, что современные румынские

интеллектуалы начинают замечать темные стороны межвоенной культуры, которая была сильно мифологизирована в годы коммунизма и в первые послереволюционные годы.

Антисемитские тексты видных представителей различных межвоенных поколений были собраны в отдельном томе [Ideea care ucide, 1994]. Из-за того, что публикация состоялась в неприметном издательстве левого направления она не получила должного общественного признания. Большую известность получила работа Зигу Орни «Тридцатые годы. Румынские крайне правые» [Ornea, 1995]. За публикацией знатока румынских идеологий новейшего времени вскоре последовали многочисленные издания работ, принадлежавших либо зарубежным исследователям, либо выходцам из Румынии. В их числе Леон Волович [Volovici, 1995], Андреас Хильгрубер [Hilgruber, 1994], Франсиско Вейга [Veiga, 1995], Еуджен Вебер [Weber, 1995], Армин Хайнен [Heinen, 1999], труды по истории румынских евреев, опубликованные Каролем Янку, и, не в последнюю очередь, докторская диссертация Ханса-Кристиана Манера [Maner, 2004]. Последняя работа впечатляет научным уровнем. Она демонстрирует, как изъяны, присущие парламентской жизни межвоенного периода, способствовали усилению крайних политических сил и определили ужасы истории двух десятилетий после 1938⁵⁶.

⁵⁵ Таков был смысл предисловия Нае Ионеску к книге Михаила Себастьяна «Уже две тысячи лет» (« De două mii de ani »).

⁵⁶ Тот факт, что большинство перечисленных авторов — иностранцы используется противниками закона 217/2015 как

Диссертация сохраняет актуальность. Неспособность Демократической конвенции организовать эффективное управление привела к невероятному успеху крайнего националиста Корнелиу Вадима Тудора в первом туре президентских выборов в 2000. Мобилизация избирателей во втором туре показала, что большинство населения отвергает экстремизм антисемитского и ксенофобского толка.

Одновременно с демифологизацией межвоенного периода не только возросло число добротных исследований этой эпохи, но также биологически исчезли легионеры — жертвы коммунистических репрессий. Отныне их субъективная память замещается объективной памятью документов. Необходимо упомянуть серию «Евреи Румынии в 1940–1944», вышедшую под руководством И. Шербэнеску, а также три тома «Транснистрии», подготовленной Жаном Анчелом.

В октябре 2003 по инициативе президента Илиеску была учреждена

доказательство его репрессивной сути, создающей препятствия для честных румынских историков. Аргумент — фальшивый. Единственное, что запрещает закон — называть легионеров и Антонеску «святыми» или «героями». Именно отказ от ярлыков создает возможности для неангажированного исследования. Второе, что бросается в глаза — отсутствие в списке российских исследователей. Это означает, что румыны мало знают о взглядах русских историков на межвоенную Румынию и на участие румынской армии во Второй мировой войне. Вероятно, и в России мало знают о современной румынской историографии. Это обстоятельство затрудняет взаимопонимание, не позволяет развернуть программы переводов и наладить научный обмен между нашими странами для работы в архивах.

Международная комиссия по изучению Холокоста в Румынии под руководством лауреата Нобелевской премии уроженца Трансильвании Элии Визеля. Тем самым с опозданием на десятилетие была преодолена блокада массового сознания. Доклад комиссии позволил гражданам осознать преступный характер румынского государства и размах насилия против евреев и цыган в период Второй мировой войны [Comisia internațională, 2005]. Мы были ошеломлены и пристыжены бойней в Яссах, «поездами смерти», массовым насилием во время легионерского восстания, казнями в Одессе, ужасами лагерей в Транснистрии. В годы войны румыны совершали такие же ужасные преступления как и немцы. На их совести — нарушения элементарных прав человека: депортации, лишение медицинской помощи, принуждение к рабскому труду, грабеж имущества, обречение на голодную смерть, массовые казни, лагеря смерти [Deletant, 2006; Deletant, 2010; Benz, Mihok, 2009]. Президент страны признал эти злодеяния, выступая в парламенте по случаю Дня Холокоста в Румынии 12 октября 2004. Тем самым он освободил будущие поколения от груза умолчания о вине предков. Илиеску доверил румынам осмысливать прошлое с ответственностью за будущее, чтобы повторение подобных позорных деяний стало невозможным.

В конце 2009 была опубликована монография, посвященная «Трагедии цыган, депортированных в Транснистрию в 1942–1945» [Ioanid, Kelso, Cioabă, 2009]. Ее появлению способствовал раздел о репрессиях

против цыган в «Докладе» Комиссии Визеля. Монография открыла постыдную страницу истории — еще одну этническую чистку, предпринятую румынским государством в годы войны.

«Правый» президент Бэеску, придя к власти, ответил «левому» Илиеску учреждением президентской комиссии по изучению коммунистической диктатуры в Румынии под руководством профессора Владимира Тисмэняну⁵⁷. «Финальный доклад» этой комиссии, который отрицал румынский коммунизм, как «нелигитимный и преступный» был представлен президентом в выступлении перед парламентом 18 декабря 2006.

Объемный текст «Доклада» [Comisia prezidențială, 2007] представляет попытку охватить историю и все возможные проявления румынского коммунизма, не избегая деликатных проблем вроде роли этнических меньшинств и советников из СССР в начальный период режима. При этом ясно показывается, что репрессии в первую очередь являлись насилием одних румынских граждан против других. Привнесенный извне, как идеология, чуждая румынской культуре, коммунизм «национализировался» сразу после войны путем массового вступления румын в Партию. За коммунистической идеологией и произволом власти скрывались корысть, карьеризм, продажность, коррупция. Публичное осуждение этих преступле-

ний прошлого дает возможность избежать их в будущем.

Оба официальных доклада «антифашистский» и «антикоммунистический» имеют юридические последствия. Предусматриваются аресты и привлечение к суду виновных в преступлениях против человечества⁵⁸, основание специальных исследовательских институтов, создание учебников, преподавание учебных курсов по истории Холокоста [Petrescu, 2007] и коммунизма [Stamatescu, Groseanu, Dobrinu, Muraru, Pleșa, Andreescu, 2008], предоставление стипендий для стипендиации исследований в этих областях, увековечивание памяти жертв и обнаружение имен виновных в страданиях людей.

АНТИКОММУНИЗМ — НЕ ИНДУЛЬГЕНЦИЯ

Тогда для чего понадобился закон, который недвусмысленно осуждает антисемитизм, ксенофобию и культ военных преступников, прямо указывая на лица и организации, совершавшие эти преступления в прошлом?

В мотивации закона 217/2015 выделяются две причины. Первая — конкретная, связана с проблемами применения постановления 31/2002, в частности сложностями юридического определения ряда преступлений, которые требуют внесения

⁵⁷ Владимир Тисмэняну (род. 1951), профессор Мэрилендского университета, один из ведущих специалистов по румынскому коммунизму [Tismăneanu, 2003].

⁵⁸ В настоящее время идут судебные процессы по обвинению руководителей коммунистических тюрем — Александру Вишинеску и Иона Фичора в жестоком обращении с заключенными.

уточнений со стороны законодателя⁵⁹. Вторая — общего характера, чреватая угрозами общественному порядку: «В наши дни Европа переживает период возрождения антидемократических движений нефашистского характера, которые в ряде случаев нарушают общественное спокойствие» [Legea 217/2015].

Проект внесения изменений в чрезвычайное постановление 31/2002 не случайно был представлен в 2013. При поверхностном взгляде появление проекта закона 217/2015 можно связать с попыткой председателя румынского сената Крина Антонеску⁶⁰ произвести хорошее впечатление на Европу после неудачной попытки вынести импичмент президенту Бэеску. Позиция Антонеску, в том числе его стремление ограничить полномочия Конституционного суда, активно критиковалась тогда европейскими инстанциями.

Неправильно усматривать в инициативе закона только политический цинизм. Интерес в данном случае совпал с идеалом. Антонеску — убежденный сторонник европейских ценностей, с которыми индивидуальный и массовый террор легионеров не имеет ничего общего. Его искренне возмущали попытки вос-

создать культ легионерского движения.

Нетерпимость к правым экстремистам из Легиона имела еще один мотив, связанный с историей Национал-либеральной партии, председателем которой Крин Антонеску был в 2009–2014. Один из видных деятелей этой «исторической» румынской партии — И.Г. Дука (1879–1933), назначенный в ноябре 1933 премьер-министром, был убит легионерами 20 декабря 1933 за активное противодействие «зеленорубашечникам».

Независимо от персональных устремлений Крина Антонеску закон 217/2015 отвечал необходимости воздействовать на общественные представления о демократических ценностях и капиталистическом выборе Румынии. В 2013 страна переживала четвертый год кризиса, сопровождавшегося спадом экономики, снижением покупательной способности и уровня жизни. Открытость демократическим переменам первой половины 2000-х сменилась валом недовольства по поводу несбывшихся надежд достичь в короткий срок европейского уровня жизни.

Выражением этого недовольства стал кризис идентичности. Воскрес образ хищного иностранца, который предлагает в качестве приманки европейскую интеграцию, чтобы эксплуатировать богатства страны. Возникла тема денационализации через эмиграцию и повреждение нравов молодежи. Заговорили о продаже страны румынскими политиками. Доказательством этого служила

⁵⁹ Особенно в случаях установления выплат компенсации жертвам репрессий и их наследникам.

⁶⁰ Крин Антонеску (род. 1959), выпускник исторического факультета Бухарестского университета, бывший председатель Национал-либеральной партии, бывший председатель сената Румынии. Занимал пост исполняющего обязанности президента страны в период импичмента (2012), объявленного парламентом президенту Бэеску. Не связан родством с маршалом Антонеску.

передача Евросоюзу ряда суверенных полномочий. Возродились вечные представления о народе-жертве, угнетаемом чужестранцами. Так как румыны не изменились в своем «сопротивлении» различным «нашествиям», то подразумевается, что и враг у них все тот же, что всегда.

Что общего между венграми, русскими, американцами и брюссельскими евробюрократами? За их спинами наивная и перепуганная публика усматривает расплывчатый образ, в котором угадывается парадигматический враг нации – еврей. В момент кризиса идентичность формулируется через мнимые «сильные» ценности, за которыми чаще всего стоит племенная солидарность, тех, кто ощущает себя жертвами агрессии. Эта идентичность строится на контрасте с предполагаемым противником, которому приписываются ценности, противоположные собственным. Легкость, с которой медиа внедряют в общественное сознание самую невероятную информацию о врагах нации, вселяет тревогу. Ментальность «осажденной крепости» порождает извращенное понимание истории и ведет к опасным софизмам.

После 1989 в большинстве восточноевропейских стран коммунизм был определен как сталинизм – период самых жутких репрессий между 1945 и 1953. Сталинизм был приравнен к абсолютному Злу, понимаемому в метафизическом и теологическом ключе. Любая форма борьбы со сталинизмом, а также перенесение страданий, им причиненных, рассматриваются как

принадлежность силам Добра, либо – злу меньшему и, поэтому, более приемлемому, чем безумие сталинизма. Этот софизм позволяет легитимировать не только маршала Антонеску, осужденного и казненного во времена Петру Грозы⁶¹ после следствия в Москве, но и в определенном смысле легионерское движение, большинство членов и симпатизантов которого сидели и погибли в коммунистических тюрьмах.

Тип рассуждений: «Если большевизм – абсолютное Зло, то все, кто были против него – на стороне Добра» – очень опасен. Разве Гитлер не был в первых рядах борцов со сталинизмом? Этот аргумент породил во всей Восточной Европе многочисленные историографические и медийные баталии, по поводу «реабилитации» противоречивых эпизодов и фигур недавнего прошлого.

Борьба с коммунизмом достойна уважения, но ее мотив – основание тысячелетнего Рейха, национал-легионерского государства, режима усталей и прочих мрачных фантазий – не более похвален, чем создание красной империи Сталина. Страдания павших в борьбе с коммунизмом заслуживают сострадания, но это не значит, что мы должны сочувствовать идеологии каждого из них. Борцы с коммунизмом имели общего врага, но у них не было общего проекта по обустройству мира после победы над коммунизмом. Проекты были разными. Ряд из них, несмотря на жертвы,

⁶¹ Гроза Петру (1884–1958), адвокат, премьер-министр Румынии (1945–1952).

которые понесли защитники этих проектов, были омерзительны. Об этом надо говорить прямо. Осуждение фашистских и ксенофобских движений, действовавших до, во время и после Второй мировой войны, является не цензурой прошлого, а формой гражданской памяти. Преступления легионеров ничем не лучше преступлений коммунистов.

У этого софизма есть еще одно последствие: Если сталинизм — абсолютное Зло, то последующий период, сопровождавшийся осуждением преступлений Сталина, таким злом не является. Тогда должны быть легитимизированы не только «борцы с большевизмом», но и «коммунисты с человеческим лицом» 1960–1970-х. Не удивительно, что обе эти тенденции столкнулись, усиливая друг друга, как в последние годы правления Чаушеску, так и после его свержения. Попытка усматривать в нацизме разновидность социализма содействует обеим тенденциям. Насколько нацизм и коммунизм схожи размахом преступлений, настолько два тоталитаризма различаются на уровне принципов. Об этом не следует забывать.

Также нельзя забывать, что антисемитизм, укорененный в идеологии нацизма, стал главной причиной общеевропейского Холокоста. Имя каждой общую могилу времен коммунизма «геноцидом» мы тем самым не рассказываем больше о преступлениях Сталина, но — меньше о преступлениях Гитлера. Противостояние сталинизму не превращает фашизм в силу добра. Это было зло, потому что его идеология и дей-

ствия были злом. «Борьба с коммунизмом» не может легитимизировать другие тоталитарные идеологии.

Не служит оправданием фашизма и тот факт, что западные демократии из тактических соображений в разные периоды времени поддерживали «борцов с коммунизмом», не обращая внимания на их идейные воззрения. Поддержка демократических держав не легитимизирует тоталитарную идеологию политических групп, склонных к фашизму, и об этом следует сказать прямо.

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ И ПРАВЫЙ СУД

Часто используется и такой софизм: Мирча Вулканеску, как и многие другие, умер как святой. Его гибель показывает абсурдность и произвол коммунистического суда над ним.

Действительно Вулканеску умер в тюрьме, жертвуя собой для спасения другого узника. Это неоспоримо и этот благородный поступок достоин упоминания. Более того, будучи поставленным в невыносимые условия, мыслитель был подтолкнут к смерти, что равносильно убийству.

Эта драматическая смерть не позволяет забывать, что Вулканеску был осужден за участие в правлении Антонеску в качестве государственного субсекретаря министерства финансов. На этом режиме лежит ответственность за радикальные антисемитские меры (экспроприации, депортации, принудительный

труд). Они имели прямое отношение к финансовой сфере, к управлению которой был причастен Вулканеску. Кроме того режим Антонеску принял решение о вступлении в войну на стороне Гитлера и ответственность за это несет все правительство. При таких обстоятельствах Вулканеску в любой стране был бы предан суду по итогам Второй мировой войны. Возможно, решение суда было бы иным — вплоть до оправдания, как в случае Ялмара Шахта, но это другая проблема. С уверенностью можно сказать, что в демократической стране Вулканеску не был бы убит в тюрьме при отбывании наказания.

Важно, что румынское тюремное законодательство того времени не предусматривало ни убийства заключенных, ни таких мер, ведущих к смерти, как лишение пищи, тепла и сна. Убийства Мирчи Вулканеску, Георге Брэтиану⁶² и многих других являются преступлением не только с нашей точки зрения, но и согласно национальному и международному праву, в том числе с точки зрения законодательства коммунистической Румынии в момент совершения этих преступлений. За эти преступления руководители коммунистических тюрем должны быть сегодня привлечены к ответствен-

ности без каких-либо смягчающих обстоятельств.

Тем не менее, факт, что Вулканеску был незаконно убит, не отменяет его ответственности как члена правительства Антонеску. Об этом следует говорить в первую очередь, воздавая должное философу, умершему в тюрьме.

Вулканеску был не только правительственным чиновником, но фигурой многоплановой. Точно также Брэтиану был не только одним из «ходовиков» к Гитлеру, сторонником союза с Германией и добровольцем на войне против России. Подобные эпизоды биографий многих румынских интеллектуалов того времени необходимо придавать огласке именно для того, чтобы ясно без недомолвок исследовать их выдающиеся произведения. Подобная работа была проделана на Западе в отношении Хайдеггера, Карла Шмитта, Селина и Эзры Паунда. Признание их заблуждений не приводит к запрету их трудов, более того, помогает лучше понять контекст, в котором рождались те или иные идеи.

Понятно, что в современном мире полном «разоблачений», предназначенных изменить все, что мы знаем о том или ином деятеле прошлого, переход от мифологических именований «герой» или «святой» к определению «человек своего времени» не может произойти без эксцессов. Неизбежно появляется индустрия «расколдования», демонстрируются документы, из которых вытекают ужасные вещи, упрощенные толкования СМИ опережают

⁶² Георге Брэтиану (1898–1953), политик и историк, сын «архитектора Унири» И.К. Брэтиану. В межвоенный период активно участвовал в деятельности Национал-либеральной партии, позже с группой единомышленников отделился от нее. Арестован в 1950. Убит в тюрьме. Его основной труд — монография «Черное море. С древнейших времен до османского завоевания» — опубликован посмертно.

научные исследования. Но такова неизбежная плата за познание истины. Истины, которая освобождает нас от груза прошлого.

Цель непредвзятого исследования, уважающего факты и документы, состоит в воссоздании истории согласно шкале человечности. Пока прошлое будет представлено фигурами «святых» и «мучеников» люди будут считать себя вечными жертвами. Согласно этой логике, атеисты будут ожидать материальной компенсации за наши исторические страдания, верующие – наступления Апокалипсиса, который дарует на небесах то, чего мы были лишены на земле. Обе надежды безосновательны и только умножают страдание, так как опираются исключительно на ожидание «милости», на способность переносить «террор истории» и получать от нее прощение. Обратная сторона мифологии жертвы – пассивность, покорность, небрежение работой, стремление избегать трудностей – все эти свойства губительны и анти-модерны.

Румынам необходимо признать, что межвоенная ксенофобия, включая антисемитизм, ударила, прежде всего, по городской, активной, творческой части населения, тем самым нанеся тяжелый урон духовному потенциалу румынского общества. Город и городская среда были основаны пришельцами: евреями, немцами, венграми, греками, армянами. Борьба этнического большинства с меньшинствами была войной «людей земли» с городской модернизацией, которой они восхищались и одновременно боялись.

Заняв места тех, кто эти города основал, люди с сельским сознанием так и не смогли стать горожанами. С тех замечательных пор, как румыны живут практически «среди своих», они стараются придать собственный облик городам, в которых до сих пор чувствуют себя чужими. Когда им это не удастся, они либо возвращаются к этнической мифологии, либо отправляются за границу в поисках той самой городской жизни, которую им когда-то принесли изгнанные ими «иностранцы».

Цель закона 217/2015 заключается не только в создании корректной историографии, но, в первую очередь, в принятии ответственности за провал столь желанной модернизации. Ни евреи, ни русские, ни венгры, ни американцы заставили нас заблудиться в лабиринте «нового мира». Вина за это лежит на самих румынах. Путь к достойному будущему неизбежно проходит через принятие ответственности за содеянное в прошлом. Каким бы тяжким и удручающим это прошлое не было нам необходимо признать эту горькую истину.

Перевод с рум. С.Е. Эрлиха

REFERENCES

- Alexandrescu S.* Paradoxul român. București: Editura Univers, 1998.
- Ansel J.* Distrugerea economică a evreilor români. București: Editura Institutului Național pentru Studiarea Holocaustului din România «Elie Wiesel», 2008.
- Antonescu, Mareșalul României și războaiele de reîntregire.* Veneția: Centrul European de cercetări Istorice, 1986.

Bacu D. Pitești – Centru de reeducare studențească. Madrid: E.e., 1963.

Bacu D. Pitești. La Buchenwald se murea mai ușor, București: Editura Atlantida, 1991.

Benz W., Mihok B. Holocaustul la periferie. Persecutarea și nimicirea evreilor în România și Transnistria. Chișinău: Editura Cartier, 2009.

Bodea Gh., Suciu V. Moisei. Târgu Mureș: Revista Vatra, Biblioteca de Istoriei, 1982.

Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu în fața istoriei. V. I–II. Iași: Editura Moldova, 1990a.

Buzatu Gh. Istorie interzisă. Craiova: Editura Curierul Doljean, 1990b.

Buzatu Gh. Ion Antonescu. Un ABC al Anticomunismului românesc. Iași: Editura Moldova, Iași, 1992.

Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L. Cartea neagră a comunismului. București: Fundația Academia Civică, Editura Humanitas, 1998.

Chioreanu N. Morminte vii. , Iași: Editura Institutului European, 1992.

Cioran E. Schimbarea la față a României. București: Editura Vreimea, 1936.

Cioran E. Cioran – cu documentele pe masa // Vatra. 2004. № 7–8.

Comisia prezidențială pentru analiza dictaturii comuniste din România. Raport final. București: Editura Humanitas, 2007.

Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. Raportul final. Editura Polirom, 2005.

Constantinescu I. Despre exegeza extremei drepte românești. Iași: Editura Junimea, 1999.

Corneanu N. Biserica Românească din nord-vestul țării în timpul prigoanei hortyste. București: Editura IBMBOR, 1986a.

Corneanu N. The Romanian Church in Northwestern Romania under the Horthy Scourge. București: Editura IBMBOR, 1986b.

Culianu I. Mircea Eliade. București: Editura Nemira, 1995.

Deletant D. Hitler's Forgotten Ally: Ion Antonescu and his Regime 1940–44. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

Deletant D. Aliatul uitat al lui Hitler. București: Editura Humanitas, 2010.

Dubuisson D. Mythologies du XXe siècle: Dumézil, Lévi-Strauss, Eliade. Lille: Presses universitaires de Lille, 1993.

Eliade M. De Zalmoxis à Gengis-Khan. Paris: Editura Payot, 1970.

Eliade M. De la Zalmoxis la Genghis-Han. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1980.

Eliade M. Scrisoare din 3 iulie 1972 către Gershon Sholem, publicată în Mircea Eliade – Corespondență cu G. Sholem și F. Burton // Jurnalul literar. Serie nouă, an IX. 1998. №. 1–2. Mai. P. 6–11.

Eliade M. [Numar dedicat lui Eliade] // Vatra. 2000 № 6–7.

Fătu M., Spălațelu I. Garda de Fier – organizație teroristă de tip fascist. București: Editura Politică, 1971.

Fătu M. Biserica românească din nord-vestul țării sib ocupația hortystă 1940–1944. București: Editura IBMBOR, 1985.

Heinen A. Legiunea „Arhanghelul Mihail”. Mișcare politică și organizație socială. O contribuție la problema fascismului internațional. București: Editura Humanitas, 1999.

Hilberg R. Exterminarea evreilor din Europa. V. I. București: Editura Hasefer, 1997a.

Hilberg R. Exterminarea evreilor din Europa. V. II. București: Editura Hasefer, 1997b.

Hilgruber A. Hitler, Regele Carol și Mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române 1938–1944. București: Editura Humanitas, 1994.

Ideea care ucide. Dimensiunile ideologiei legionare. București: Editura Noua Alternativă, 1994.

Ierunca V. Fenomenul Pitești. București: Editura Humanitas, 1990.

Ioanid R., Kelso M., Cioabă L. Tragedia romilor deportați în Transnistria. Iași: Editura Polirom, 2009.

Ionescu E. Scrisoare către Tudor Vianu din 19 septembrie 1945, Documentul №. 570 // Scrisori către Tudor Vianu. 5 ediție îngrijită de Maria Alexandrescu Vianu și Vlad Alexandrescu. V. II. București: Editura Minerva, 1994. P. 274.

Istoria contemporană a României. Manual pentru clasa a X-a. București: Editura Didactică și Pedagogică, 1988.

Lăcustă I. Zece alegeri interbelice 1919–1937. București: Editura PRO, 1996.

Laignel-Lavastine A. Cioran, Eliade, Ionesco. L'oubli du fascisme. Paris: Presses Universitaires de France, 2002.

Legea nr. 217/2015 pentru modificarea și completarea Ordonanței de urgență a Guvernului nr. 31/2002 privind interzicerea organizațiilor și simbolurilor cu caracter fascist, rasist sau xenofob și a promovării cultului persoanelor vinovate de săvârșirea unor infracțiuni contra păcii și omenirii // Lege 5. URL: <http://lege5.ro/Gratuit/g4ztmnjxga/legea-nr-217-2015-pentru-modificarea-si-completarea-ordonantei-de-urgenta-a-guvernului-nr-31-2002-privind-interzicerea-organizatiilor-si-simbolurilor-cu-caracter-fascist-rasist-sau-xenofob-si-a-promov> (data обращения 28.12.2015).

Livezeanu I. Les guerres culturelles en Roumanie post-communiste: débats intellectuels sur le passé récent // Perspectives roumaines. Du postcommunisme à l'intégration européenne. Paris: L'Harmattan, 2004.

Manea N. Happy guilt: Mircea Eliade, Fascism and the unhappy Fate of Romania // The New Republic. 1991. August.

Manea N. Culpă fericită // 22. 1992. № 6–8.

Maner H.-Ch. Parlamentarismul în România (1930–1940). București: Editura Enciclopedică, 2004.

Manuila S., Filderman W. Regional Development of the Jewish Population in Romania // Genus Journal (Roma). 1957. V. XIII., № 1–4.

Manuila S., Filderman W. Populația evreiască din România în timpul celui de-al Doilea Război Mondial. The Romanian Cultural Foundation: Iași, 1994.

Marx K. Insemnări despre români. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1964.

Mihalache A. Istorie și practici discursive în România “democrat-populară”. București: Editura Albatros, 2003.

Mihăilescu D. C. Literatura română în post-ceaușism. I. Memorialistica sau trecutul ca reumanizare. Iași: Editura Polirom, 2004.

Müller F. Politică și istoriografie în România. Cluj-Napoca: Editura Nereamia Napocae, 2003.

Mușat M., Ardeleanu I. România după Marea Unire. V. I. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.

Mușat M., Ardeleanu I. România după Marea Unire. V. II. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1988.

Mureșan A. Pitești. Cronica unei sinucideri asistate. Iași: Editura Polirom, 2008.

Oișteanu A. Imaginea evreului în cultura română. Iași: Editura Polirom, 2012.

Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. București: Editura Fundației Culturale Române, 1995.

Ordonanța de urgență nr. 31/2002 privind interzicerea organizațiilor, simbolurilor și faptelor cu caracter fascist, legionar, rasist sau xenofob și a promovării cultului persoanelor vinovate de săvârșirea unor infracțiuni de genocid contra umanității și de crime de război // Lege 5. URL: <http://lege5.ro/Gratuit/gm4tkoby/ordonan-a-de-urgen-nr-31-2002-privind-interzicerea-organiza-iilor-simbolurilor-i-faptelor-cu-caracter-fascist-legionar-rasist-sau-xenofob-i-a-promov-rii-cultului-perso> (data обращения: 28.12.2015).

Petrescu F. Istoria Evreilor. Holocaustul. Manual pentru liceu. București: Editura Didactica și Pedagogica R.A., 2007.

Preda M. Delirul. București: Editura Cartea Românească, 1975.

Procesul Marii Trădări Naționale. Stenograma debaterilor de la Tribunalul Populului asupra Guvernului Antonescu. București: Editura Eminescu, 1946.

Programa cursurilor antifasciste pentru cea de-a 5-a promoție. Sectorul românesc // Prizonieri de război români în Uniunea Sovietică. Documente 1941–1956. București: Monitorul Oficial, 2013. P. 524–540.

Shafir M. Intre negare și trivializare prin comparație. Negarea Holocaustului în țările postcomuniste din Europa Centrală și de Est. Editura Polirom, Iași, 2002.

Shermer M. Why People Believe Weird Things. Pseudoscience, Superstition and Other Confusions of our Time. Henry Holt & Co., 1997.

Simion A. Preliminarii politico-diplomatice ale insurecției din august 1944. Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1979.

Stamatescu M., Grosescu R., Dobrinu D., Muraru A., Pleșa L., Andreescu S. O istorie a co-

munismului în România. Manual pentru liceu. Iași: Editura Polirom, 2008.

Stănescu G. Mircea Eliade — File despre Nae Ionescu. București: Editura Criterion Publishing, 2008.

Stoenescu A. M. Armata, mareașalul și evreii. București: Editura RAO, 1998.

Teroarea horthysto-fascistă în nord-vestul României. București: Editura Politică, 1985.

Tismăneanu V. Stalinism for All Seasons: A Political History of Romanian Communism. University of California Press, 2003.

Veiga F. Istoria Gărzii de Fier 1919–1941. Mistica ultranaționalismului. București: Editura Humanitas, 1995.

Velimirovici F. Istorie și istorici în România comunistă. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2015.

Volovici L. Ideologia naționalistă și “problema evreiască” în România anilor ’30. București: Editura Humanitas, 1995.

Weber E., Rogger H. Dreapta europeană. Profil istoric. București: Editura Minerva, 1995.

Zaharia R. Ademenirea. Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1983.

И.В. Аладышкин

О ПОРЯДКАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПРИНЦИПЕ PRO ET CONTRA В ОТНОШЕНИИ РУССКОГО АНАРХИЗМА

В текущем году усилиями ряда исследователей отечественного анархизма наряду с сотрудниками издательства РХГА началась публикация антологий по анархизму в известном проекте «Русский путь (pro et contra)». Не так давно свет увидела первая книга «М.А. Бакунин: pro et contra» [Бакунин, 2015] и уже завершается работа над общей антологией «Анархизм». Либертарная традиция в России — тема, пользующаяся устойчивым спросом в постсоветском научном пространстве, сегодня по ней защищаются диссертации, выходят новые монографии, регулярно проводятся конференции и появляются сборники статей, переиздаются исследования начала века и публикуются архивные материалы. Казалось бы, что нового антологии «pro et contra» могут предложить в изучении анархизма и раскрытии специфики русской культуры, того самого «русского пути», давшего название всей серии?

Не так много стран, в которых анархизм сыграл бы столь важную роль

в революционных потрясениях, и, соответственно, в общем развитии государственности, как в России. Однако отечественный анархизм всё еще пребывает в ряду «знакомых незнакомцев», о которых много писали и пишут, но которые по-прежнему остаются фигурами глубоко неоднозначными и многоликими в избытке их трактовок. Новые исследования и архивные материалы, вводимые в научный оборот, новые проблемы и методы изучения, наконец, новый виток развития самого движения привели лишь к тому, что сегодня русский анархизм даже в большей степени, нежели в начале XX столетия, в эпоху его расцвета, предстаёт предельно эклектичным феноменом.

Проект «Русский путь» и сборники «pro et contra» изначально мыслились в стремлении представить отечественную культуру в динамике развития и всей противоречивости её рефлексии. В свете подобных стремлений обращение к анализу анархизма кажется более чем закономер-

ным. По крайней мере, становление анархистского учения и превращение его в одну из ключевых мировых революционных практик оказалось тесно сопряжено с эволюцией именно отечественной общественно-политической мысли. То, нередко приводящее в замешательство, богатство форм борьбы за идеалы безвластия, в известной мере, отражает специфику сложного русского пути политического, духовно-нравственного и культурного раскрепощения.

Широкое проникновение идеалов предельной свободы и антиэтатистских принципов в общественно-политический и общий культурный контекст страны вкупе со стремительными изменениями условий их эволюции вели к тому, что история рассматриваемого явления в России предстала чередой непрерывных, причём глубинных трансформаций. Вариативность же базовых принципов учения и отсутствие единых организационных основ анархизма в условиях кардинальных преобразований социокультурных параметров российского общества порождало множество плохо согласующихся между собой анархизмов и порядков их репрезентации. Действительно, мистический анархизм и все прочие анархизмы, укоренённые в декадентской эстетике, имеют мало общего с не менее многоплановым отечественным анархо-коммунизмом, ассоциационным анархизмом или же иными анархизмами, завершёнными революционной практикой и реалиями рабочего движения. Во всех отношениях качественно инаковый религиозный анархизм последователей Л. Толстого с трудом согласуется с махнов-

щиной, а та, в свою очередь, не вяжется с рождёнными в условиях советской России пан-анархизмом, анархо-универсализмом – биокосмизмом и другими не менее причудливыми течениями. Подобный ряд противопоставлений можно без труда продолжить, фиксируя как исключительно русские, так и адаптированные на российской почве западные анархизмы. Современные реалии движения со всеми его экологическими, феминистскими и рыночными реинкарнациями упорядоченности не прибавили, наоборот, скорее привнесли свою долю сумбура и путаницы.

Расхождения между анархизмами, пролегающие практически по всем параметрам, начиная с языка выражения идеалов до отстаиваемых форм их реализации, отнюдь не фокусируются на традиционной дихотомии «коллективизм – индивидуализм», разграничениях мирной и «боевой» тактики, либо противопоставлениях «интеллигентских» и «люмпенских» форм движения. Большая часть анархизмов суть принципиально разные анархизмы с условно единым пафосом отрицания власти, государства, социального принуждения и реализации максимальной свободы личности, притом отрицания, лишённого единого понимания данных категорий. Не случайно бесчисленные попытки классификации отечественного анархизма сталкивались с не менее бесчисленными препятствиями, оставаясь чуть ли не главной головной болью исследователей.

Из различий и расхождений подчас взаимоисключающих российских

«анархизмов» привычно вывела и вся полифония оценок, мнений и трактовок. Как-то не вызывало сомнений то, что столь своеобразное и значимое направление общественно-политической жизни, порождая все мыслимые формы сочувствия и неприязни, инициировало множество бурных дискуссий и прений, а в полемику были вовлечены как верные последователи, так и принципиальные противники. Тесная взаимосвязь изменчивости анархизма с исторически обусловленными состояниями российского общества буквально подводила к выводам о том, что непростая, витиеватая история его эволюции и сопутствующей дифференциации определяла и перипетии её репрезентации. Не стоит упускать из виду и то, что реакция на анархизм с устойчивой амбивалентностью отношения к нему изначально отсылала к осмыслению узловых вопросов революции и перспектив развития государственности, проблем социокультурного раскрепощения, утверждения автономного сознания и пределов свободы личности. Всё так, спору нет. Однако за спецификой российского освободительного движения и социокультурным контекстом его развития забывались тесно сопряженные с ними механизмы восприятия, переживания и репрезентации анархизма.

Комплекс литературы по анархизму — это огромный массив произведений широчайшего диапазона видов и жанров, а также изданий, что наряду с жанровыми нормами предъявляли свои требования. Текстам присущи стилистические вариации, богатство тональностей

и назначений, курсирующих от дескриптивно-аналитических претензий до пропагандистских, полемических задач, либо действующих в угоду образности художественной литературы. Чему только репрезентации анархизма не служили — изучению и назиданию, оправданию и обличению, оценки призывали и опровергали, возвышали и приносили, осмеивали и сопереживали. И каждый раз эти репрезентации и оценки добавляли новый голос в разношёрстный хор суждений, причём этот голос использовал свой «язык» (понимаемый, разумеется, не в узком лингвистическом, а в широком семиотическом смысле).

Обращаясь к произведениям Вяч. Иванова, Г. Чулкова, иных авторов, сопряженных с мистическим анархизмом в литературной жизни первой декады прошлого столетия, просматривая рассуждения о значении Н. Минского, Д. Философова, Ф. Сологуба, В. Брюсова, А. Белого, К. Эрберга, С. Городецкого и других представителей отечественного символизма, становится очевидно, что имеешь дело с текстами предельно специфическими в литературной традиции анархизма. Язык, на котором разворачивается история анархистствующих символов, не просто принципиально отличен и мало связан с параллельно выходящими в те же годы произведениями апологетов иных течений в российском анархизме, будь то анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, толстовство или столь же литературный казус анархо-индивидуализма. На этом языке выстраивается оригинальная реальность

российского анархизма, практически не имеющая точек соприкосновения с иными его ответвлениями. Ведь и политическая философия анархизма, и революционная его практика в итоге подчинялись декадентской романтике «последнего освобождения», в которой идеи безвластия служили то «Вселенской соборности», то «<...> последней религиозной борьбе и идеалу теократии – нового Иерусалима».

Языковые разграничения немало способствовали локализации и обособлению отдельных анархизмов, которые оказывались труднопереводимы в отношении друг друга, а подчас и не распознаваемы для критики. Тех же мистических анархистов не видели и не желали видеть сторонники анархо-коммунизма, да и все «практические анархисты». Рядовые активисты движения, те, что составляли основную его массу, были настолько далеки от призывов поборников мистического освобождения, что скорее распознали бы в последних не идейных соратников, а идеологов реакционной буржуазии. В свою очередь, в глазах анархизирующих символистов кардинально преломлялись любые акции анархистов-практиков, а стачки, экспроприации, иные привычные методы революционного действия истолковывались как символы возмущения духа и преображались в акты трансцендентальной борьбы с системой мироздания.

Различия языка, выступающего своеобразным кодом в прочтении, определяющим восприятие тех или иных фактов в соответствующем

историко-культурном контексте, зачастую недооценивались в анализе образов российского анархизма. Редким исключением оказываются статьи А.В. Аролович, но и они затрагивают лишь непосредственных участников движения, к тому же в частных моментах истории русского анархизма [Аролович, 2001]. Языки публицистической и научной реконструкции русского анархизма остаются вне интересов исследователей. Между тем аналитика анархизма нередко предстает как процесс не столько открытия, сколько порождения новых аспектов и смысловых надстроек рассматриваемого явления. В любом случае аналитика преломляет, изменяет и, в конечном итоге, выстраивает свой анархизм, доступный для прочтения, интерпретации и ожидаемой реакции. В качестве одного из ключевых строительных средств язык выступает силой, организующей информацию, обуславливающей ее смысловые нагрузки, коннотационный ряд, а следовательно, и отбор значимых фактов, включая установление той или иной связи между ними. То, что не описывается на конкретном «языке», по сути, вообще не воспринимается и выпадает из поля зрения. Так, долгое время из сферы интересов историков российского анархизма «выпадали» не только анархизирующие символисты, но чуть ли не весь постклассический анархизм. Судьба последнего в анарховедении объясняется не только немногочисленностью сторонников и «мирным» характером большинства форм постклассического анархизма. Со всеми анархистами-универсалистами, -биокосмистами,

-мистиками попросту не знали, что делать и как к ним подступиться с традиционных марксистско-ленинских позиций.

Наглядным примером преобразующей роли языка может служить как раз литература советского периода с ее определенным набором штампов, расхожих формул и оборотов, своего рода символов эпохи, которые были так легко распознаваемы в стране Советов, а ныне теряют свое первоначальное значение для нового поколения исследователей, всё более удаляющегося от будней строительства социализма. Причём «язык», а соответственно, и базовые «механизмы» описания заметно варьировались на различных участках того или иного интеллектуального пространства и со временем претерпевали качественные изменения. Вариативность интерпретации на языке определенного интеллектуального пространства со всей очевидностью проступает в эволюции критики анархизма российскими марксистами, начиная с Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, И.В. Сталина, А.В. Луначарского, Б.И. Горева и далее в работах 20-х–30-х годов, а затем и послевоенных советских специалистов, посвятивших свои труды всепоглощающей «борьбе» большевистской партии с этим «мелкобуржуазным» и «псевдореволюционным» явлением.

За служащими исходными основаниями языковыми порядками проступают модели описания и трактовки, действующие в качестве априорных схем анализа. Представления об анархизме – явлении предельно аморфном как в теоре-

тическом, так и в организационном плане, всегда были особенно зависимы от выбора определённых моделей его репрезентации, в частности, от тех, что условно можно было бы назвать абстрактными и конкретными. Одно дело умозрительное, теоретическое восприятие отечественного анархизма, воспроизводимое на страницах философско-публицистической, исследовательской литературы, в работах Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, И.Т. Назарова, А.Э. Мирногорова и других авторов, оперировавших преимущественно общеанархистскими идеалами освобождения личности, отрицания власти и авторитета, причём оперировавших на бумаге, на досуге, либо на профессионально-литературном поприще. Совсем другим анархизм предстал в пропагандистских кружках, в листовках и брошюрах, обращённых к широким слоям населения.

Отвлечённо теоретический взгляд, как правило, жестко привязан к определённому, преимущественно идейному и психологическому эталону, к некоей «последней правде» анархизма, которая обычно рассматривается как исходный образчик, с которым и сверяется всё многообразие его теории и практики. Тогда как оценочные критерии большинства практиков в рамках тех или иных ответвлений отечественного анархизма куда более подвластны текущим полемическим задачам, реалиям революционной борьбы и той обстановки, в которых она разворачивается. Представления об анархизме всегда «разрывала» эта двойственность,

когда, с одной стороны, речь шла о чём-то абстрактном и лишь внешним образом связанном с реальным движением, или же, напротив, конкретном и в принципе от него неотъемлемом.

Одним из наиболее контрастных примеров преобразования анархизма в свете теоретических приоритетов выступает работа «Анархизм и религия» небезызвестного церковного деятеля А.И. Введенского, выбравшего весьма неординарный ракурс освещения проблемы. Анархизм он понимал очень широко, и под его общие представления о безначалии подпадало и «самоутверждение личности, доходящее до включения всего мира в узкие рамки индивидуального сознания (от Канта и Фихте до самого крайнего солипсизма)», и «всё позволено человеку» (Достоевский), со всеми вытекающими отсюда реально-практическими последствиями» [Введенский, 1918: 6]. Стоит ли говорить, насколько анархизм, рисуемый Введенским, был не схож с тем, каковым его предлагало видеть большинство иных авторов.

В конечном итоге критика анархизма у Введенского предстала традиционной драмой «человекобога». Менялись лишь декорации, а так это была старая и хорошо известная церковная драма о секуляризации, лжесвятых и гуманистической антропологии. Под стать театрализованному представлению были подобраны и «актёры» — выразители самого духа анархии: М. Штирнер, показавшийся самым глубоким, а в первую очередь — самым философичным из теоретиков

анархизма, да Ф. Сологуб за его публицистические опусы времён первой революции с неприкрытыми религиозными мотивами, что, возможно, так и задело священника. Однако в выборе объектов анализа прослеживается не только полемический прием, но и близость языка. В отличие от Ф. Сологуба, действительные апологеты анархизма в России и в теоретических своих выступлениях, и в воззваниях обращались преимущественно к вещам, очень далеким от интересов А. Введенского, да и писали о них на совершенно чуждом для него языке.

В отличие от абстрактных установок, конкретно-практические ориентиры качественно разнородны и сопряжены не с основополагающими принципами учения, а с предельно изменчивым событийным планом, либо с конкретным идейным основанием того или иного течения в анархизме. В результате образы анархизма, рисуемые апологетами его отдельных ответвлений либо их оппонентами, редко мыслятся отдельно от имен и фактов, на которых они выстраиваются и к которым они апеллируют. В абстрактных параметрах оценки исходное представление об анархизме оказывается привилегированным критерием, в конкретных же моделях представление даже о сущности анархизма самым непосредственным образом зависит от акционального его среза. Безусловно, обозначенные модели крайне редко выступают в своём чистом виде, и всё же их не трудно различить уже в первых работах, посвящённых русскому анархизму. В результате анархизм, рисуемый

А.И. Введенским, практически не имеет точек соприкосновения с тем, что в том же 1918 году описывал на страницах своих работ один из первых отечественных историков анархизма Б.И. Горев [Горев, 1918].

В поисках причин многоликости русского анархизма исследователи обращались, прежде всего, к самим анархистам. Анализ ключевых фигур движения, а также исчисляемые сотнями работы о М. Бакуanine, П. Кропоткине и Л. Толстом дополнялись обобщающими портретами российского/ русского анархиста. Задаваясь вопросом, кто же в России был готов публично, а зачастую и с оружием в руках отстаивать идеалы безвластия, исследователи воссоставляли социальный облик движения от его теоретиков и организаторов до рядового агитатора или бомбиста [Ермаков, 1992]. Однако за фигурами и образами самих анархистов в тени оставались другие вопросы, которые вообще редко артикулировались, оставаясь неявными, либо ответы на них казались очевидными: кто в России писал не теорию анархизма, разрабатывая очередные идейные его ответвления, не его событийную историю, участвуя в очередных акциях протеста, а писал об анархизме?

Обратимся к нескольким вариантам публицистической оценки различных этапов развития анархизма: 1) датируемому 1884 годом очерку «Анархистское движение и происхождение нигилизма» сотрудника многих периодических изданий пореформенной империи Ф. Булгакова [Булгаков, 1884: 218–

222]; 2) рецензии Б. Бугаева (А. Белого) «На перевале: Место анархических теорий в перевале сознания и индивидуализм искусств» [Бугаев, 1906] времен первой русской революции; 3) памфлету К. Радека «Анархисты и Советская Россия» [Радек, 1918] первых лет советской власти и 4) зарисовке современного контркультурного писателя, левого общественного деятеля А. Цветкова «Анархизм» [Цветков, 1999]. Когда знакомишься с означенными текстами, то приходишь к выводу о том, что их авторы писали о качественно различных анархизмах, имеющих не так много пересечений между собой. Первое объяснение, которое напрашивается само собой – смена эпох и соответствующие трансформации анархизма, а различия авторского взгляда отходят на второй план и, в лучшем случае, списываются на исторический контекст и политическую ангажированность. Подобные факторы вариативности возможностей трактовки прошлого и настоящего анархизма кажутся вполне очевидными, его богатая историография наглядно доказывает это. Только очевидно эти, оказываясь подчас довольно обманчивыми, отбрасывают целый ряд иных факторов. За каждым из оценочных суждений, за каждой интерпретацией стояли не только территориально-временные, социально-экономические и политические координаты, за ними видятся порядки аналитики и фигуры самих аналитиков. Вопрос «кто» отсылает не столько к формальному установлению авторства, тем более в случае с К. Радеком и А. Белым сам вопрос может показаться неуместным. Двое других публици-

стов куда менее известные фигуры. Однако о Ф. Булгакове и А. Цветкове не трудно сегодня получить минимальный набор биографических данных, только они вопроса не отменяют, так как подразумевается не авторство, но авторское преломление объекта анализа, авторские модели воспроизведения.

Так кто же те критики анархистского движения и самого типа анархического сознания, что задавали тон их восприятия, определяли полюса внимания и порядки интерпретации, в конце концов, реконструировали его историю? Казалось бы, ответы напрашиваются сами собой — писали сами же сторонники идей безвластия, фиксируя свои успехи и поражения, отстаивая свой взгляд на ход развития движения, эволюцию теории и свои теоретические/тактические приоритеты, а заодно сохраняя «правду» об анархизме для грядущих поколений. Писали те, кому теория/практика анархизма оказывалась в разное время и в разной степени близка, а также оппоненты преимущественно из социалистического и либерального лагеря. Довольно быстро с момента своего появления российский анархизм предстал расхожей темой в художественной литературе, а со временем оказался в сфере научного анализа. Подобная градация давно вошла в историографический канон и сама по себе малоинтересна. Однако если выйти за рамки привычных историографических схем и обратиться к реконструкции тех субъективных мотивов и непосредственных импульсов оценок анархизма, принципов толкования и общих моделей трактовки, внутрен-

него содержания и строения самих текстов, то откроется удивительное разнообразие интерпретационных порядков.

Личная драма Б. Бугаева на фоне конфликта московских и петербургских символистов, присущая ему экспрессия и субъективизм оценок вкупе со стилистическими нюансами письма радикального модерниста, общий эмансипационный пафос и мистические прозрения столичной богемы первой русской революции... превращали анархизм в экзальтированную версию духовных метаний А. Белого. Может быть, версии анархизмов Ф. Булгакова, К. Радека и А. Цветкова менее контрастны и субъективны, но не менее показательны в своих различиях авторской репрезентации анархизма, как показательны различия между крайностями социалистического негативизма, мелкобуржуазной стихии и блажью леворадикальной рефлексии. Они действительно оценивали принципиально разные анархизмы, но различия оценок продиктованы принципиальным расхождением авторских позиций. Последнее доказывает то, что современный анархизм нередко оценивают по меркам начала прошлого века, подсчитывая количество проведенных акций, численность сторонников и т. д.

Нельзя сказать, что параметры критики не рассматривались в отечественных исследованиях по анархизму, но зачастую, анализ формальных и содержательных свойств произведений, психологических и биографических особенностей их авторов оттеснялись обществен-

но-идеологическими параметрами. В оценке литературы по анархизму безраздельно господствовали установки на выявление идеологической направленности критики и политической позиции критиков, что во многом определялось общественно-политическими приоритетами революционного и военного времени, а затем канонами советской аналитической практики, всё еще довольно влиятельной в современных исследованиях.

Однако во всех ли случаях принципиальны хронологические рубежи и политические предпочтения, так ли они важны при сопоставлении работ авторов из единого лагеря, да к тому же современников? Притом тексты даже советских авторов 70–80-х годов, когда изучение анархизма было предельно нормировано, подчас разительно отличались друг от друга ракурсом освещения, подбором материала, интенсивностью суждения и пр.

Упования на научную объективность, на философское обобщение, культурологический анализ и историческое изучение российского анархизма, которое-де призвано собрать воедино все разноплановые его составляющие и подвести их под общий универсальный знаменатель, во многом остаются именно упованиями. Времена претензий социогуманитарных исследований на аутентичность изучаемой действительности давно в прошлом, а заветы подлинности и беспристрастия «классического» знания у современного исследователя, искушённого нарративами и концептами, могут вызвать лишь приступ

неизбывной тоски по достоверности. В условиях, когда принципы соответствия действенным концептуально-методологическим исследовательским диспозициям, коих насчитывается не один десяток, заслонили обаяние правдоподобия и последнего знания, число вполне научных образов и вполне научных представлений о таких явлениях, как анархизм, лишь преумножается.

В то же время силовое поле современной науки привычно унифицирует многообразие знаний об анархизме под видом их объективации за счет господствующего типа историографии и доминирующих форм теоретического мышления, организуя, систематизируя разнородный и фрагментарный материал. Объективация, сменившая, в известном смысле, претензии на объективность, призвана сдерживать произвол критики и корректировать сложившиеся к настоящему времени многочисленные варианты описания и интерпретации анархизма, концентрирующие внимание на различных его аспектах. Однако механизмы научной объективации следуют по стопам пристрастий критики, выстраивая из истории русского анархизма своего рода исследовательские маршруты с разветвленной системой указателей, располагающих всё многообразие идей и событий в довольно строгом и последовательном порядке, вне которого анархизм уже и не мыслим.

В текущей исследовательской практике анархизм видится неким абстрактным когнитивным концептом, связывающим неявным об-

разом имена и события в условное единство либертарной плоскости. Можно было бы сказать, что единство анархизма в его множественности, если бы не достигалось оно силами абстрактных обобщений и унификацией научного пространства. Очертания этого единства весьма подвижны и нередко изменения представлений о российском анархизме, его пространственно-временных и содержательных границах практически не связаны с трансформациями самого анархизма. Так, устойчивые убеждения в оправданности фиксации протоанархизма в России, будто бы уходящего корнями в сектантство (странники, духоборы) и вольное казачество, как и обнаружение неких предвестников русского анархизма в лице К.С. Аксакова, Н.В. Соколова, Н.Д. Ножина, Н.П. Баллаева, А.А. Козлова или других представителей общественной мысли 30–60-х годов XIX столетия оформлялось благодаря действию совсем несхожих импульсов [Бердяев, 1907: 140; Русов, 1926: 37; Канев, 1987: 82; Ермаков, 1996: 65; Кривенький, 1996: 35; Грачёв, 2007; Рябов, 2010: 32]. В том весомую роль сыграли стремления подчеркнуть оригинальность русской мысли и, одновременно, желание увязать её с западной интеллектуальной традицией, а также намерения ряда сторонников анархизма «углубить» историю антиэтатизма в России и расположение к отдельным мыслителям, а в случае с советскими авторами действовало, прежде всего, поступательное расширение контекста исторического анализа и переосмысление самого феномена анархизма.

Однако принятие креативной роли исследовательских практик в оформлении тех или иных образов анархизма, воспроизводимых как дореволюционными, советскими, так и современными авторами, не ставит под сомнение текущие порядки изучения анархизма. Сомнения усыпляет общая терпимость к скепсису и устойчивое нежелание видеть в сложившихся исследовательских маршрутах очередные полюса критики со своими интересами и пристрастиями. При этом много ли известно об исследователях анархизма, и как часто поднимался вопрос о внутренних интенциях и внешних обстоятельствах выбора объекта анализа в той области, которая заведомо выступает гарантом правдоподобия?

Львиная доля исследовательской литературы по российскому анархизму написана людьми, непосредственно сопряженными с его историей, и относится к внутренней, рекурсивной критике. И ошибочно было бы полагать, что подобная самокритика осталась в прошлом революционных десятилетий, а если и сохраняется в современных образах анархизма, то легко отделима, как минимум, в отношении исследовательской практики. Среди исследователей анархизма и сегодня процент лиц, в той или иной степени сопричастных с движением, остаётся довольно высоким, что неминуемо влечет заметный отпечаток своеобразного пристрастия и всех тех «грехов» причастности, когда предельно размыта грань между историей, которую рассказывают, и историей, которую делают. В то же время эта внутренняя история

анархизма всегда отягчалась смешением всех мыслимых личных и групповых интересов, стремлений к размежеванию и самоанализу, апологии и отречению. Эту характерную черту историографии российского анархизма отмечали уже советские исследователи [Корноухов, 1981: 11]

Авторами другой значительной части исследований анархизма оказывались его многочисленные оппоненты, едва ли менее пристрастные в своих оценках, благодаря которым сторонники идей безвластия кочевали из лагеря глашатаев революции к проводникам консервативной мелкобуржуазной идеологии. Возможно, сегодня, когда анархизм малозаметен на политической арене, большинство авторов лишены столь очевидных оснований пристрастия? Возможно. Только в их работах заметно другое — в них очевиден интерес и общее расположение, а подчас и откровенное сочувствие, которое усиливается вовлеченностью, если не в само движение, то в процесс его осмысления со своими скрытыми мотивами рецепции, инверсии и действием реактивных сил.

По крайней мере, современное научное знание смирилось с наличием равноправных моделей изучения прошлого и анализа настоящего русского анархизма, а соответственно, признает и множество отдельных, подчас слабо связанных между собой, а то и автономных его образов. Привычна становится недостижимость «последней правды» анархизма и непреодолимость расстояния между реалиями движе-

ния и формировавшимися литературными традициями их описания и анализа. Не вызывает сомнений опосредованность любых интерпретаций к тому анархизму, что предстал в сознании большинства его сторонников, воспитанных на устной пропаганде, листовках и расхожих брошюрах, кто усваивал идеалы безвластия и принципы борьбы скорее интуитивно, не вдаваясь в хитросплетения теоретических оснований. Любые исследовательские стратегии так и не раскроют того анархизма, каким он виделся массе обывателей начала века, что, по словам А.С. Глинки, были «замордованы всякой левизной». За редким исключением, как рядовые члены анархистского движения, так и обыватели оставались безмолвны, а те сведения о них, которыми оперируют сегодня исследователи, есть сведения из вторых рук. В свою очередь, «вторые руки» писали на ином языке, оперировали иными образами и опирались на иные схемы интерпретации событийного текста.

Отказывая в доступности некоего аутентичного анархизма вне сложившихся традиций его описания и анализа, вне представлений о нём исследователей, либо иных заинтересованных лиц, остается смириться с тем, что и прошлое его открывается лишь в свете его репрезентаций. И потому из того, что можно предложить сегодня по истории российского анархизма, максимально беспристрастным, как это ни странно, оказывается объединение интерпретаций со всеми «за» и «против», со всей контрастностью и полярностью

оценок. Именно здесь и вырисовывается значение принципа «pro et contra» в понимании столь многоликого и неоднозначного явления как русский анархизм. Одна из главных особенностей антологий «Русский путь», составленных по принципу «pro et contra», — не просто разнообразие имён и оценок, но качественная разнородность публикуемого материала. Множественность разнородных авторских позиций и порядков воспроизводства с расфокусированным вниманием авторов, действовавших в различных территориально-временных, социально-экономических и политических системах координат, умножается широчайшим спектром видов/жанров приводимой литературы и ее семиотических порядков. За редким исключением антологии «pro et contra» выгодно отличаются от ряда иных сборников статей, документов, материалов конференций и т.д. в силу своего разнообразия и, прежде всего, принципиальной противоречивости оценок. Ведь в книгах рассматриваемой серии нередко сталкиваются противоположные, а подчас и взаимоисключающие точки зрения, объединение которых трудно представимо в ином формате.

Возможно, то или иное обстоятельное исследование истории анархизма куда более систематизировано и выстраивается на основании большего числа материалов, но оно изначально ограничено конкретной авторской позицией, не менее конкретными задачами, целями и приоритетами анализа. Определённое исследование в любом случае выстраивается на одном, реже — на не-

скольких из всех возможных путей репрезентации отечественной либертарной традиции. Сборники статей и материалы конференций могут предложить уже целый ряд порой несхожих подходов и слабо связанных друг с другом стратегий анализа, но, как правило, они привязаны к относительно узкому периоду изучения той или иной проблематики и общим векторам рассмотрения темы. Антологии «pro et contra» даруют возможность не просто ещё раз обратиться, а, возможно, и познакомиться с оценками, обусловленными совершенно иными, уже недоступными импульсами и мотивами. В рамках одного-двух томов возможна разносторонняя и контрастная подборка оценок, как отдельных представителей русского анархизма, так и всего явления в целом. Именно столкновение репрезентаций на языке разных эпох, с разной экспрессией, столкновение, не отредактированное и приглаженное текущей исследовательской практикой, само по себе дарует уникальный аналитический опыт и содействует проблематизации устойчивых моделей восприятия.

Конечно, широчайший диапазон интерпретаций и оценок русского анархизма в одной книге не охватить, сколь объёмна бы она ни была. Неизбежно и вмешательство авторского начала при отборе и систематизации материалов, как неизбежно давление общих концептуальных оснований серии, ограничений формата, наличных границ понимания анархизма, но подобное вмешательство и давление, особенно при условии стремлений

составителей к отображению многоликости анархизма в России, может только усилить контрастность восприятия. К тому же исходные тексты в любом случае сохраняют свою независимость в отношении общей концепции и порядков систематизации. Тем самым они сохраняют потенциал преобразования наших представлений о русском анархизме.

REFERENCES

Arolovich A.V. Konceptija slova i jazyka u ruskikh anarhistov-universalistov nachala XIX v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2001. № 3. S. 99–115.

Berdjaev N. Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost'. Saint Peterburg, 1907.

Bugaev B. Na perevale: Mesto anarhicheskikh teorij v perevale soznanija i individualizm iskusstv // Vesj. 1906. № 8. S. 52–54.

Bulgakov F. Teorija i praktika novejshego socializma // Istoricheskij vestnik. 1884. T. 18. № 10. S. 201–222.

Cvetkov A. Anarhija non stop. Moscow, 1999.

Gorev B.I. Anarhisty, maksimalisty, mahaevcy: Anarhicheskie techenija v pervoj ruskoj revoljucii. Petrograd, 1918.

Grachjov A.V. Russkie anarhisty pervoj tretej XX v. o predtechah anarhizma v Rossii // Omskij nauchnyj vestnik. 2007. № 2 (54). S. 39–42.

Ermakov V.D. Portret rossijskogo anarhista nachala veka // Sociologicheskie issledovanija. 1992. № 3. S. 97–99.

Ermakov V.D. Rossijskij anarhizm i anarhisty. Saint Peterburg, 1996.

Kanev S.N. Revoljucija i anarhizm: Iz istorii bor'by revoljucionnyh demokratov i bol'shevikov protiv anarhizma (1840–1917 g.). Moscow, 1987.

Kornouhov E.M. Bor'ba partii bol'shevikov protiv anarhizma v Rossii. M., 1981.

Kriven'kij V.V. Anarhisty-individualisty // Politicheskie partii Rossii: Konec XIX – perv. tret' XX veka. Moscow, 1996. S. 35.

M.A. Bakunin: pro et contra, antologija. 2-e izd., ispr. / Sost., vstup. stat'ja, komment. P.I. Talerova. Saint Peterburg, 2015.

Radek K. Anarhisty i sovetskaja Rossija. Petrograd, 1918.

Rjabov P.V. Kratkij ocherk istorii anarhizma v XIX–XX vekah; Anarhicheskie pis'ma. Moscow, 2010.

Rusov N.N. Anarhicheskie jelementy v slavianofil'stve // Mihailu Bakuninu (1876–1926). Oчерki istorii anarhicheskogo dviženija v Rossii. Moscow, 1926. S. 37–43.

Vvedenskij A.I. Anarhizm i religija. Petrograd, 1918.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аролович А.В. Концепция слова и языка у русских анархистов-универсалистов начала XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 99–115.

Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.

Бугаев Б. На перевале: Место анархических теорий в перевале сознания и индивидуализм искусств // Весы. 1906. № 8. С. 52–54.

Булгаков Ф. Теория и практика новейшего социализма // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 10. С. 201–222.

Введенский А.И. Анархизм и религия. Пг., 1918.

Горев Б.И. Анархисты, максималисты, махаевцы: Анархические течения в первой русской революции. Пг., 1918.

Грачёв А.В. Русские анархисты первой трети XX в. о предтечах анархизма в России // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). С. 39–42.

Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала века // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 97–99.

Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты. СПб., 1996.

Канев С.Н. Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М., 1987.

Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981.

Кривенький В.В. Анархисты-индивидуалисты // Политические партии России: Конец XIX – перв. треть XX века. М., 1996. С. 35.

М.А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., вступ. статья, коммент. П.И. Талерова. СПб., 2015.

Радек К. Анархисты и советская Россия. Пг., 1918.

Русов Н.Н. Анархические элементы в славянофильстве // Михаилу Бакунину (1876–1926). Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 37–43.

Рябов П.В. Краткий очерк истории анархизма в XIX–XX веках; Анархические письма. М., 2010.

Цветков А. Анархия non stop. М., 1999.

В.А. Китаев

Рец.: *Кром М.М.* Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 248 с.

Разработка теоретико-методологических проблем не числится в приоритетах современной исторической науки в России. Поэтому каждая попытка продвинуться вперед на этом направлении не может не вызывать уважения и повышенного интереса. Это суждение напрямую относится к книге М.М. Крома. Перед нами первый в отечественной традиции опыт представления исторической компаративистики как научной дисциплины. Оговоримся сразу, что автор книги, имея в виду интересы преимущественно исторического цеха, не замыкается в его пространстве и видит в этой дисциплине не специальную отрасль исторического знания, а междисциплинарную область.

У М.М. Крома были все основания для того, чтобы начать свою книгу с констатации целого ряда парадоксов, которые рождаются при попытке описать феномен сравнения как в научно-историческом знании, так и в смежных с ним гуманитарных и социальных науках. Суть же проблемы, которая и заставила автора взяться за перо, заключается в неопределенности статуса сравнения и отсутствии общепринятой методологии компаративистских процедур при всем том, что историческая наука, прежде всего, не представима без такого инструмента как сравнение, а традиционные пособия по методологии истории уве-

ренно описывают феномен историко-сравнительного метода.

Компаративистская практика очевидно опережает компаративистскую теорию – вот еще один парадокс сегодняшней ситуации. Это превосходство «эмпирического» над «теоретико-методологическим», кстати, не могло не отразиться в содержательном наполнении книги и ее построении. Примерно три четверти объема материала – представление вершин мирового опыта использования сравнения в собственно исторической и обществоведческой литературе, и только четверть – размышления о чисто теоретической и методической сторонах дела. Последние составляют вторую, центральную часть книги. Первая и третья части знакомят читателя с основными достижениями исторической компаративистики. Здесь, естественно, находит свое место и «российская» тема. Последний структурный элемент книги – обширная и тщательно рубрицированная библиография.

Итак, читатель «вводится» одновременно в теорию и практику сравнительно-исторических исследований. Как оценить эту двуправленность? Думается, что она не просто уместна, а неизбежна в случае с исторической компаративистикой. Обратимся же сначала к теоретическому ядру книги, на-

ходящемуся в обрамлении историографических экскурсов.

М.М. Кром приводит здесь немало число аргументов в пользу того, чтобы отказаться от привычной категории «историко-сравнительный метод».

«Единого сравнительно-исторического метода как обязательного набора процедур, выполняемых в строго определенном порядке, конечно, не существует», — уверенно утверждает он (с. 130). В лучшем случае можно говорить лишь о «близости» исторического сравнения методу. К такому решению склоняет автора и тенденция к замене термина «сравнительный метод» «более “свободными”, но и более расплывчатыми категориями» (например, «подход»), которая наметилась в исторической компаративистике в конце XX в. Оставляя за сравнением только статус общенаучного метода, М.М. Кром предпочитает говорить применительно к современной исторической науке и ее «соседям» всего лишь о *методике исторического сравнения*. Тут, правда, сразу же возникает вопрос: если приговор историко-сравнительному методу столь строг и беспощаден, то стоило ли в таком случае давать второй, теоретической части книги название «Историческая компаративистика в поисках метода»?

Эта противоречивость до известной степени ступшевуется в тот момент, когда автор начинает подводить итоги своим наблюдениям и размышлениям. В «Заключении» он смягчает свой первоначальный

негативизм в отношении историко-сравнительного метода. Его не покидает надежда на то, что сравнение как общенаучный метод обязательно проявит свой «кумулятивный эффект», а дальнейшее развитие исторической компаративистики неизбежно приведет к рождению ее собственной, полноценной методологии (с. 222–224).

Автору, наверно, следовало обеспокоиться тем, чтобы у читателя не возникало впечатления о его непоследовательности в отношении сравнения как метода научно-исторического познания. Этого эффекта можно было избежать, четко артикулируя мысль о том, что он вовсе не против метода как познавательного инструмента в принципе, что пафос его неприятия относится исключительно к декларативности, приблизительности, характерных для современных представлений о сущности историко-сравнительного метода. Они-то и должны быть преодолены на путях развития историко-компаративистской практики, которая должна давать пищу для более глубокой теоретической рефлексии.

Но вернемся к той точке авторского повествования, где разговор о судьбе метода переходит в область характеристики функций сравнения и его специфики в историческом исследовании. М.М. Кром в целом соглашается с Ю. Коккой и Х.-Г. Хауптом, насчитывающими четыре функции: эвристическая, дескриптивная (описательная), аналитическая и парадигматическая. Критике со стороны автора подвергается лишь «описательная», которую он

предлагает заменить на «индивидуализацию (индивидуализирующее сравнение)» (с. 137). Подчеркивается при этом, что история по-прежнему остается преимущественной эмпирической дисциплиной, и служители музы Клио должны с опаской относиться к чересчур смелым генерализациям.

А далее начинается разговор о «едва ли не самой трудной и ответственной операции» – выборе объектов для сравнения и типах сравнения, который перетекает в советы начинающим компаративистам. Их всего три. Они, в сущности, просты. Но эта простота зачастую и не дается отнюдь не начинающим компаративистам! Итак, следует: 1) четко обозначить цель исследования и сформулировать проблему; 2) сравнивать «только в каком-то отношении (т.е. такие сложные системы, как общества и государства в целом, не могут служить объектами сравнения)»; 3) фокусироваться на каком-то одном процессе, явлении, институте (с. 155–162).

Теперь о начальной и завершающей частях книги.

В первой (самой значительной по своим размерам) предлагается панорама развития сравнительно-исторических штудий от античности до XX века включительно. М.М. Кром проявил себя здесь как зрелый мастер в таком редком и трудном жанре, как «методологическая» историография. Этот вид исследования требует, прежде всего, способности свободно преодолевать национально-государственные, тематико-хронологические

границы, а также языковые барьеры. Она, бесспорно, присутствует в творческом арсенале автора, иначе ему не удалось бы организовать впечатляющий своими размерами массив исторической и обществоведческой литературы. Завидная эрудиция дополняется еще одним привлекательным качеством – глубиной и ясностью анализа.

Читателя поджидают здесь интересное наблюдение о том, как историзм, заявивший о себе в XIX веке, стал серьезным препятствием для развития исторической компаративистики, анализ уроков Макса Вебера и Марка Блока, являющихся для автора, пожалуй, главными авторитетами в этой области. М.М. Кром приводит немалое число свидетельств подъема исторической компаративистики во второй половине XX в. Но констатируя определенный прогресс, он в то же время вынужден говорить о пока не преодоленном, недоверчивом отношении именно историков к сравнению. Так что получается далеко не благостная картина.

В третьей части книги автор знакомит с наиболее удачными, на его взгляд, примерами сравнительного анализа в современных исследованиях по экономической, политической, социальной истории, а также в работах о национализме, империях и колониализме. Особый интерес для историка-русиста (рецензент принадлежит к их числу) представляет здесь, конечно, финальная глава – «История России в сравнительной перспективе».

М.М. Кром вполне убедителен, когда говорит о причинах, серьезно за-

труднявших развитие практической компаративистики в России XIX–XX вв. и тормозящих ее прогресс сегодня. Это и официально одобренные представления об «особом пути» России вместе с культом национального государства до 1917 г., и догматические понятия марксистские идеи о единстве мирового исторического процесса. Сейчас же, в обстановке продолжающегося «методологического и концептуального хаоса», набирает силу «неоисторизм», «проявившийся в подчеркивании самобытности пути исторического развития России и недоверия понятиям “западного” происхождения» (с. 209).

Но вопреки всем помехам сравнительное изучение истории России продолжается. Здесь, как отмечает М.М. Кром, «происходят постепенное обновление “повестки дня”, смена исследовательских подходов» (с. 221). Так, с его точки зрения, изжила себя «абстрактная модель феодализма», и она уже не может служить основой сравнения средневековых обществ. В то же самое время становится все более очевидным, что в XIV–XVI вв. Московская Русь оформилась в «государство вполне раннемодерного толка, которое обнаруживает немало общих черт с государствами Западной и Центральной Европы периода позднего Средневековья и начала Нового времени» (с. 215).

Реагирует М.М. Кром и на попытки «нормализации» исторического опыта России Нового времени. Под критический обстрел попадает «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)»

Б.Н. Миронова. М.М. Кром не отказывает ей в «фундаментальности» и «богатом содержании», но констатирует провал попытки сравнительного анализа, предпринятой «европоцентристом»-автором. «Неизменной “парой” для сравнения России в монографии Миронова выступает некий абстрактный Запад, – пишет он, – но каким образом была построена эта идеальная модель, в книге не разъясняется; отдельные примеры, заимствованные из истории разных европейских стран, лишь иллюстрируют авторскую мысль. Неудивительно, что на таком абстрактном уровне сравнение не работает <...>» (с. 218).

М.М. Кром убежден в том, что такое «сложное общество» как Россия нельзя рассматривать в качестве целостной единицы сравнительного анализа. С его точки зрения, не актуален для исторической компаративистики и вопрос об отнесении России к «Востоку» или «Западу». Он готов разделить точку зрения американской исследовательницы Валери Кивельсон, которая видит задачу компаративистов в том, чтобы «изучить способы, которыми разные общества решали общие для них проблемы» (с. 221). Эта позиция требует неспешного осмысления.

Рецензенту приличествует опшенировать даже в том случае, если избранная им для отклика работа, что называется, «выше всяческих похвал». Вот и в данном случае выполнить эту часть миссии весьма затруднительно. Ограничимся всего лишь несколькими пожеланиями историкографического свойства, ведь не ис-

ключено, что книга будет переиздаться.

Единственным «монографическим» предшественником М.М. Крома является немецкий ученый Хартмут Кэлбле — автор книги «Историческое сравнение. Введение к XIX и XX вв.» (Франкфурт-на-Майне, 1999, нем. яз.). Автор российского «Введения» не раз ссылается на эту работу, вступает в диалог (в том числе и полемический) со своим коллегой из Германии. Однако М.М. Кром уходит от характеристики и оценки этого труда в целом. А это было бы вполне уместно и, может быть, даже необходимо для того, чтобы более точно и справедливо оценить вклад, внесенный самим М.М. Кромом.

В содержательной (как и все остальное в этой книге) главе, посвященной судьбам исторической компаративистики в России (часть I, гл. 7), не нашлось, к сожалению, места «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского. А ведь сравнительному методу в этом фундаментальном труде отведено немалое число страниц.

Лишь вскользь, в подстрочном примечании (с. 10) М.М. Кром упоминает об учебном пособии М.Ф. Румянцевой «Теория истории» (М., 2002). Между тем предпринятая здесь уникальная попытка раскрыть возможности сравнительного источниковедения, заслуживала, конечно, развернутого представления и оценки.

Думается, что компаративное источниковедение может претендовать на то, чтобы рассматриваться в качестве части (области) исторической компаративистики в целом.

Как бы скептически М.М. Кром ни относился к попыткам рассматривать Россию в качестве «целостной единицы сравнительного анализа», в общем-то небольшой ряд работ, фигурирующих в завершающей книге «российской» главе, мог быть, как нам представляется, дополнен трехтомником Александра Янова «Россия и Европа. 1462–1921 гг.» (М., 2007–2009). Его анализ и оценка выглядели бы вполне уместно в соседстве с критикой «Социальной истории России периода империи (XVIII — начало XX в.)» Б.Н. Миронова. Как бы ни относиться к тому, что пишет Янов, бесспорно одно: это — не рядовая фигура.

Автор определяет жанр своей работы как «учебное пособие». Адресуется оно, в первую очередь, студентам и аспирантам исторических специальностей. Думается все-таки, что реальный статус труда М.М. Крома гораздо выше. Для его коллег, читающих курс теории и методологии истории в российских вузах, «Введение» станет настольной книгой. И она, несомненно, будет работать на обострение интереса к методологическим вопросам исторической науки в нашем профессиональном сообществе.

А.И. Миллер

Рец.: История — поле сражений / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Собрание, 2013. 550 с.

Политика памяти, политизация истории, историческая политика — эти понятия обозначают сферу исследований политического использования прошлого, которая, как обычно с некоторым опозданием по сравнению с англоязычным миром, получила у нас в последние годы широкое распространение. Издано много переводной литературы, появилось немало российских оригинальных исследований. Возникают специальные магистерские программы, посвященные «публичной истории», политике памяти и т. д. Конечно, более всего внимания уделяется политике памяти в Европе. Однако постколониальные и постимперские ситуации, в том числе Африка и Азия, тоже являются важной частью этой растущей индустрии исследований коллективной памяти и публичной истории. У нас этот географический ареал получает сравнительно меньше внимания, так что появление сборника, посвященного именно этой части мира, вызывает интерес и большие ожидания. К сожалению, эти ожидания не вполне оправдываются...

Этот сборник статей издан по результатам исследовательского проекта «Политизация истории в постколониальном и постимперском мире», профинансированного из исследовательского гранта НИУ ВШЭ. Книга оставляет весьма противоречивое впечатление.

Академик Илья Урилов, написавший к ней краткое предисловие, сообщает, что Аполлон Борисович Давидсон подготовил сборник через 6 месяцев после того, как его об этом попросили «коллеги-историки». Наверное, Урилов имел в виду похвалить Давидсона, но на деле лишь подтвердил возникающее при чтении отчетливое ощущение, что сборник готовился в спешке. Это отразилось и на издательской подготовке книги — недопустимые для любого корректора ошибки встречаются слишком часто.

Представленные в сборнике статьи весьма разнородны по качеству. Они разделены на три блока. Первый посвящен Востоку, понимаемому весьма широко — от Кавказа до Вьетнама. Большие статьи В.А. Мельянцева о мирохозяйственных позициях развивающихся стран и З.Н. Галич о дискуссиях об истории восточного города, которые открывают сборник, представляют собой основательные исследования. Проблема в том, что они напрямую никак не связаны с темой сборника. Их место и роль в сборнике не объясняются и во Введении. Впрочем, интересное само по себе эссе Давидсона об афроазиатизации в современном мире, которое открывает сборник, вообще не выполняет функций Введения — оно ничего не говорит о структуре сборника, его задачах, его соотношении с уже существующей литературой

по проблемам политики памяти, не представляет отдельных статей.

В этом разделе выделяется основательностью и четкостью подхода статья С.А. Рагозиной о политизации истории халифата в VII в. Показаны мотивы политизации истории праведных халифов у суннитских и шиитских авторов. Рагозина использует широкий круг источников, концептуализирует ключевые понятия, вступает в диалог с зарубежной литературой вопроса. Статья Г.В. Лукьянова об освещении ливийско-чадского конфликта 1970–80-х гг. в советской и российской историографии рассматривает слишком частный сюжет в слишком узкой перспективе. Можно предположить, что это фрагмент будущей диссертации, посвященный анализу историографии. Статья З.В. Кананчева и Д.М. Тимохина о подходах к интерпретации истории Кавказской Албании написана поспешно и поверхностно. Заключительный вывод статьи о том, что все подходы к этой теме политизированы, должен был бы стать (но не стал) отправной точкой для дальнейшего анализа. Статья А.Ш. Кадырбаева о национальной истории как инструменте политической легитимации в Таджикистане и Узбекистане вполне беспомощна в аналитическом отношении и даже не предпринимает попытки сравнительного анализа двух рассматриваемых историографий. Две статьи А.Л. Рябинина, посвященные историографии ДРВ/СРВ, представляют собой подробный комментированный пересказ официальной версии истории Вьетнама, который снова приводит автора к банально-

му заключению о том, что эта концепция политизирована и отчасти фальсифицирована. Заключает раздел весьма информативная и четко структурированная статья Н.В. Тен о формировании образа России у китайских школьников. Тен приходит к выводу, что образ России, представленный в учебниках, амбивалентен. Представление о России как агрессивном государстве, владеющем землями, по праву принадлежащими Китаю, соседствует с образом России как великой державы, страны с большим творческим и научным потенциалом. В зависимости от политического контекста, заключает Тен, тот или иной мотив может быть актуализирован в китайском массовом сознании.

Второй блок статей посвящен Африке. Он открывается статья-ми И.И. Филатовой, М.С. Курбак, А.С. Балезина и А.В. Воеводского о различных аспектах политизации истории в Южной Африке. Филатова работает, можно сказать, методом «включенного наблюдения», используя свои собственные впечатления от работы в Южной Африке, но сохраняя должную аналитическую дистанцию, в то время как статья Балезина скорее напоминает «мемуар» о его личных впечатлениях. Интересная статья Курбак посвящена современным стратегиям африканеров в осмыслении истории эпохи апарtheidа. Не менее интересная и качественная статья Воеводского посвящена тому, как менялась и меняется до сих пор трактовка событий первой половины XIX в., когда происходила колонизация региона. В целом, только в этом блоке статей о Южной Аф-

рике должное внимание уделено институциональному аспекту политики памяти.

Следующие далее «статьи» Н.Е. Хохольковой, В.О. Черемисинова и А.Ю. Шипилова — это типичные студенческие работы, которым не место в академическом сборнике. Когда-то, в советские времена, издавались сборники аспирантских работ, которые помогали в решении вопроса о первых публикациях. Но и для этих сборников, насколько я помню, требовались более серьезные работы.

Интересна статья Т.М. Гавристовой о недавно скончавшемся выдающемся африканском историке Али Мазруи. Гавристова показывает, какие проблемы возникали у этого выдающегося ученого и «публичного интеллектуала», который смотрел на наследие колониального периода не через призму исключения и «очищения», но через понимание важности всех элементов культурной традиции.

Последняя статья раздела, написанная И.В. Кривушиным, рассматривает очень интересный пример Теонеста Багосоры, одного из главных виновников руандийской трагедии. Полковник написал собственную версию событий в эмиграции, когда он уже разыскивался международным трибуналом, который позднее сумел его арестовать и пригово-

рить к пожизненному заключению. В этой статье недоумение вызывает то обстоятельство, что она даже не упоминает, что сам обсуждаемый текст Багосоры напечатан в этой же книге в качестве приложения. Остается только догадываться, то ли решение о публикации приложения было принято уже после того, как статья написана, то ли это просто вопиющая небрежность автора и редактора.

Блок, посвященный Европе, включает четыре статьи. Они, вероятно, должны представить постколониальный аспект политики памяти в Восточной Европе. Эти статьи посвящены темам, весьма широко обсуждавшимся в специальной литературе, — но авторы это игнорируют. Есть даже случаи, когда сноски на труды самого автора встречаются чаще, чем на всех остальных авторов вместе взятых.

Подведем итоги. В сборнике есть ряд важных, качественных статей, использование которых позволит расширить географию множащихся университетских курсов по политике памяти. Однако далеко не все статьи соответствуют этому уровню. В сборнике нет обобщающих, концептуальных работ. Он написан, если можно так выразиться, на обочине обширной литературы по политике памяти и политизации истории.

П.В. Батулин

Рец.: *Берти Ф.* За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914–1919 / Под ред. К.В. Миньяр-Белоручева. М.: ГПИБ, 2014. 400 с.

Прошедший 100-летний юбилей начала Первой мировой войны вызвал не только издание новой литературы, но и переиздание старой. В ряду переизданий — мемуары и дневники участников, занимавших руководящие посты по обе стороны фронтов, причем в некоторых случаях дается новый перевод без купюр, характерных для советских изданий 20–30-х гг.¹ Новое издание дневника Ф. Берти, британского посла в Париже с января 1905 по апрель 1918 г., умершего вскоре после окончания Первой мировой войны, не относится к такому типу изданий: в нем воспроизводится опубликованный в 1927 г. текст перевода и комментарии Е.С. Берловича. Но все же это новое издание, так как К.В. Миньяр-Белоручевым тексту предпослано обширное предисловие с подробным изложением биографии автора дневника, чего в отечественной литературе до сих пор не было, а также даны новые комментарии, главным образом — краткие биографические сведения о всех лицах, упоминаемых в тексте (а их очень много), что безусловно

делает книгу более удобной для читателя.

Однако новое издание в итоге — не то, на что мог бы рассчитывать заинтересованный читатель (а интерес дневник определенно вызывает — недавно вышло переиздание английского оригинала, охватывающего, как и русский перевод, 1914–1919 гг. [Bertie, 2013]). Издание 1927 г. — крайне сокращенное, между тем во Всероссийской библиотеке иностранной литературы есть экземпляр, с которого, скорее всего, и делался этот крайне сокращенный перевод². В результате только

² [Bertie, 1924]. На экземпляре есть штамп библиотеки Госиздата в Ленинграде, а в тексте — многочисленные пометы, что включать в перевод, а что исключить (части пометы о числе выпущенных на странице строк), в конце 1-го тома на форзаце помета: «Сокращено 9 листов если считать в строке 50 знаков» (при том, что есть и общий подсчет объема обоих томов дневника: «701 стр. x 33 стрк x 55 зн. = 1272315 зн. = са 32 п. л.»). Выходит, только из 1-го тома в перевод не пошла половина текста!

С точки зрения книговедения интересны также и манипуляции, проделанные с самим этим экземпляром, — то ли при поступлении в ВГИБЛ, то ли при проставлении штампа о проверке в 1948 г., или (менее вероятно) еще раньше, в Госиздате. Во 2-м томе выскоблены строки и слова с характеристикой политического положения России

¹ Удачный пример такого рода — издания, подготовленные В.Л. Телицыным: [Николаи, 2015; Гофман, 2015].

отдельные дневниковые записи русского перевода дают представления о характере и содержании текста дневника, в большинстве случаев опущены обстоятельства получения автором тех или иных сведений и мнений (описания обедов, встреч, сведения о частных лицах, бытовые подробности), а также заметная часть сведений о французской политической жизни, и не только французской. В итоге русским переводом нельзя пользоваться как источником, так как важные события, к которым был причастен автор, получают меньшее освещение, чем в оригинале. Например, неудовлетворительна подборка русских переводов дневниковых записей о таком вопросе, как Константинополь и проливы: совсем отсутствует рассказ Берти от 20 января 1915 г. о его обеде с А. Брианом (многократным премьер-министром и министром иностранных дел Франции, однако не занимавшем в тот момент этих должностей) и послом России во Франции А.П. Извольским. На обеде Берти подсмеивался над Извольским, притворно предлагая послевоенный конгресс устроить в Константинополе, когда его возьмут русские войска, тогда как тот принимал это за чистую монету. Исключена часть записи от 8 мая 1915 г. с изложением русофильской программы У. Черчилля о передаче Константинополя России и критикой этой программы Берти (в

после Октябрьской революции (даже целиком вырвана с. 227–228 и обрезана наполовину с. 249–250 с фрагментами записей за декабрь 1917 и январь 1918 г.), видимо, также и с характеристикой отдельных лиц (например, Троцкий вымаран из указателя, хотя в ряде мест его упоминание оставлено в тексте).

русском издании для этого и ряда последующих дней оставлена лишь оценка им перспектив вступления в войну Италии и США на стороне Антанты) и т.п. Между тем, Берти — активный участник выработки британского внешнеполитического курса по вопросу о Константинополе и проливах, поскольку он мог выступать посредником в отношении французской стороны, особенно после назначения его друга Ч. Хардинджа (бывшего вице-короля Индии и тоже ветерана Восточного департамента) заместителем главы Форин Офиса в 1916 г.³

Таким образом, у нас появилось удачное издание историографического памятника 1920-х гг., каковым является первое русское издание дневника Берти, но не издание перевода источника по истории Первой мировой войны.

REFERENCES

Bertie F.L. The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. 2 vol. / Ed. by lady Algonon Gordon Lennox. London: Hodder and Stoughton, 1924.

Bertie F.L. The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. In 2 vol. Literary Licensing LLC, 2013. 380 + 358 p.

Gofman M. Glavnyj protivnik — Rossija. Moscow: Principium, 2015.

Nikolai V. Tajnye sily. Germanskaja razvedka i kontrrazvedka v gody Pervoj mirovoj vojny. Moscow: Principium, 2015.

³ Ср. переписку этих «Франка и Чарли», а также позицию Берти в переписке с главой Форин Офиса Э. Греем в Национальном архиве Великобритании (FO 800/177, FO 800/178), что находится в бесплатном удаленном доступе (по запросу) на сайте www.nationalarchives.gov.uk.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гофман М. Главный противник – Россия. М.: Принципиум, 2015.

Николаи В. Тайные силы. Германская разведка и контрразведка в годы Первой мировой войны. М.: Принципиум, 2015.

Bertie F. L. The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. In 2 vol. Literary Licensing LLC, 2013. 380 + 358 p.

Bertie F. L. The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. 2 vol. / Ed. by lady Algernon Gordon Lennox. London: Hodder and Stoughton, 1924.

А.С. Гладышева

СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1948–1973 гг. В СВЕТЕ ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ*

Рец.: Советско-венгерские экономические отношения 1948–1973: Сборник документов /
Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Международный фонд «Демократия», 2012

Фундаментальная публикация документов о советско-венгерских экономических отношениях в 1948–1973 гг. представляет собой результат многолетней архивной работы коллектива архивистов и историков двух стран (председатель редколлекгии – А.Н. Артизов, составители – Л.В. Борисова, Б.И. Гусев, К.А. Мержанова, Н.П. Мозжухина, О.В. Лавинская, Ю.Г. Орлова, Т.В. Сорокина, С.Д. Таванец, Е.А. Тюрина, В.Н. Шепелев, с венгерской стороны – Д. Фёлдеш, М. Барат, Е. Варга). Научное вступление к сборнику подготовил российский дипломат и историк В.Л. Мусатов, в 1973–1984 гг. являвшийся советником-посланником Посольства СССР в Венгрии, а в 2000–2006 гг. возглавлявший российскую дипломатическую миссию в Будапеште. Работа представляет собой первое систематизированное издание источников об экономических связях между

СССР и отдельно взятой страной «социалистического лагеря». В отличие от публикаций советского времени [Советско-венгерские отношения... 1945–1948, 1969; Советско-венгерские... 1948–1970, 1974], данный том более подробно и комплексно отражает состояние не только политических, но и экономических отношений и связей двух стран.

Научным коллективом были выявлены документальные материалы из 6 федеральных архивов России (АП РФ, АВП РФ, РГАЭ, РГАНИ, РГАСПИ) и Государственного архива Венгрии (ГАВ). Из 152 документов, представленных в сборнике, 149 опубликованы впервые, 63 из них – часть венгерской документальной коллекции. Основной массив представленных документов содержит конкретно-исторический материал, который отражает разные аспекты двусторонних экономических связей Венгрии и СССР, а также многостороннего экономического сотрудничества по линии СЭВ.

* Рецензия подготовлена при финансовой поддержке гранта президента РФ (проект № МД-6912.2015.6)

Сборник построен по хронологическому принципу, что позволяет читателю лучше представить последовательность формирования и особенности развития двусторонних экономических отношений на протяжении четверти века. Обоснованной является подача документального материала в трех разделах, рубежами которых выбраны знаковые даты — 1948 — ноябрь 1956 г. — от подписания двустороннего договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи до глубокого экономического и политического кризиса в Венгрии, результатом которого стала революция; декабрь 1956 — ноябрь 1964 г. — от урегулирования политического кризиса в Венгрии до смены политического руководства в Кремле в октябре 1964 г.; ноябрь 1964 — 1973 г. — от выстраивания новой стратегии экономического сотрудничества командой советских партийных функционеров во главе с Л.И. Брежневым до начала системного кризиса в «социалистическом лагере», связанного с фактической исчерпанностью экстенсивных факторов экономического роста.

Видовой состав документов, представленных в сборнике, весьма широк: межгосударственные договоры и соглашения, постановления и распоряжения высших правительственных и плановых органов двух стран, отчеты, справки, докладные записки министерств внешней торговли и иностранных дел, телеграммы и информационные письма посольств и торговых представительств по проблемам межгосударственных (особенно экономических) связей СССР и Венгрии. Многообразие аналитических мате-

риалов позволяет ретроспективно оценить состояние двусторонних отношений в первые послевоенные десятилетия. Несмотря на разную степень информативности документов, их обзор дает ответы на ряд дискуссионных вопросов: были ли отношения двух стран равноправными, препятствовал ли Советский Союз техническому развитию венгерской промышленности и сельского хозяйства, в чем заключались преимущества и недостатки сотрудничества, сложившегося между странами после Второй мировой войны и др.

Представленный в сборнике период вырван, как нам представляется, из более широкого контекста, начало которому было положено в 1945 г. С 1945 г. контакты между СССР и Венгрией выстраиваются по новой схеме при постепенном вовлечении последней в сферу политических и экономических интересов Москвы. Однако в первые послевоенные годы советская сторона выстраивала отношения с восточноевропейскими странами «народной демократии» только на двусторонней основе, заложив тем самым основы для образования в дальнейшем советского блока¹. Этот процесс дополнялся заключением двусторонних соглашений и между самими странами Восточной Европы. Послевоенные экономические связи Венгрии и СССР получили активное развитие с подписанием ряда соглашений — Соглашение о репарациях от 20 января 1945 г., О торговле и экономическом сотрудничестве от 27 августа 1945 г., Договор о торговле и мореплавании от 15 июля

¹ См. например: [Гибанский, 2003: 166–167].

1947 г. Договор от 27 августа 1945 г. был одним из серии соглашений, заключенных СССР с бывшими союзниками Германии и базировавшихся на принципах выплаты репараций и оказании помощи странам в восстановлении их экономик после Второй мировой войны. В свою очередь, СССР через систему подобных соглашений стал укреплять свои позиции в экономическом сотрудничестве со странами, которые вошли в сферу его влияния.

На фоне внутривластной борьбы в Венгрии в 1945–1947 гг. происходит ряд важных преобразований в экономической сфере, которые можно охарактеризовать как начало перехода от рыночной системы к командно-административным методам управления хозяйством, организованным по советской модели с акцентом на форсированную индустриализацию. Важную роль в решении экономических проблем и восстановлении хозяйства страны сыграла Союзная контрольная комиссия (СКК), решающие позиции в которой занимали советские представители. Под влиянием СКК 15 марта 1945 г. был принят декрет о земельной реформе [Волокитина и др., 1993: 185], в ходе которой было национализировано до 1/3 земельных угодий. В августе 1946 г. была проведена денежная реформа, стабилизовавшая валюту. Также в 1945–1947 гг. были национализированы банковский капитал и нерентабельные отрасли промышленности.

В сборнике не нашли отражение документы о внутриэкономическом положении в Венгрии и выстраивании новой системы советско-вен-

герских экономических отношений в 1945–1947 гг., в частности вопросы содержания СКК и Красной Армии на территории Венгрии, некоторые аспекты, связанные с выплатой репараций, переориентацией внешней торговли Венгрии на Советский Союз, деятельностью советско-венгерских акционерных обществ, которые с 1946 г. охватывали ряд компонентов венгерской экономики (судоходство, воздушное сообщение, нефтяная промышленность, добыча бокситов и алюминиевая промышленность). Подходы Советского Союза к вопросам реализации экономического сотрудничества с Венгрией в первые послевоенные годы зачастую негативно оцениваются в венгерской историографии. В силу данного обстоятельства, отражение в сборнике документальных материалов за 1945–1947 гг. было бы весьма актуальным и, возможно, в свете выявления новых архивных документов позволило бы с иных позиций подойти к оценке экономического сотрудничества двух стран в эти годы.

В 1948–1956 гг. венгерское правительство, продолжая выплачивать огромные суммы СССР, ЧССР и Югославии, возмещая нанесенный этим странам ущерб в годы войны, окончательно вступило на путь экономических преобразований в промышленности и сельском хозяйстве. О тяжелых нагрузках, с которыми столкнулась экономика страны, свидетельствуют документы первого раздела сборника. Проблема репарационных платежей усугублялась, согласно венгерским источникам, неграмотно составленным Репарационным соглашением,

которое двояко трактовалось СССР и Венгрией. Венгерской стороной вносились замечания и предложения по соглашению и его интерпретации, чтобы облегчить выполнение всех необходимых условий [Советско-венгерские..., 2012: 38–43; 51–53]. Другой важной стороной отношений, которую отражают документы этого периода, являлась деятельность советско-венгерских смешанных обществ. Помимо расширения их роли путем включения в работу новых венгерских предприятий соответствующих отраслей хозяйства, происходили и процессы слияния ряда обществ. Так в 1949 г. на базе акционерных обществ нефтяных заводов «Молай» и «Масовол» был создано общество «Масолай», на базе боксито-алюминиевых обществ «Мадьяр Боксит Банья» и «Алюминиумэрц Банья уйш Ипар» — «Масобал». Докладная записка начальника главного управления советским имуществом за границей В. Меркулова на имя И.В. Сталина от 30 мая 1949 г. свидетельствует о негативной оценке в Венгрии результатов работы акционерных обществ, о препятствиях, создаваемых ими развитию национальной промышленности.

Однако документ позволяет судить и о том, что венгерское правительство извлекало весьма существенные выгоды из подобного сотрудничества: СССР в 1947–1948 г. получил лишь 5,33 % от общего объема товарной продукции этих предприятий, ряд дефицитных в Венгрии товаров вообще не отгружался в счет прибылей советской стороны [Советско-венгерские... 2012: 57]. В 1952 г. СССР и Венгрия

пришли к соглашению о продаже последних 69 бывших немецких предприятий, находившихся на ее территории, а в ноябре 1954 г. доля участия СССР в акционерных обществах была окончательно передана венгерскому правительству [Советско-венгерские... 2012: 76–84; 101–102]. Оба мероприятия проводились с предоставлением Венгрии рассрочки платежей, что свидетельствовало о том, что СССР строил отношения на льготных условиях и не оказывал препятствий развитию хозяйства страны.

Документальные материалы сборника содержат сведения о товарообороте между странами, его расширении в 1948–1954 гг. на основании просьб венгерской стороны и его сокращении в 1955–1956 гг. в силу того, что страна оказалась не в состоянии предложить СССР достаточное количество необходимых ему товаров в качестве компенсации за советские поставки. Сократить задолженность Венгрии перед иностранными государствами и тем самым преодолеть экономические трудности, вызванные засухами 1950 и 1952 гг., инвестициями в оборонную промышленность, большими капиталовложениями в тяжелую индустрию, которые не приносили быстрого результата, правительства М. Ракоши и И. Надя надеялись путем получения кредитов от Советского Союза. Критической ситуация в экономическом развитии Венгрии стала в 1956 г. под влиянием низких показателей урожайности, кризиса в энергоснабжении, обусловленного спадом добычи нефти и дефицитом внешнего платежного баланса ВНР.

Первый блок документов завершает проект письма ЦК ВПТ в ЦК КПСС с просьбой об оказании экономической помощи Венгрии, подготовленный в сентябре 1956 г. Документ свидетельствует о крайней обеспокоенности венгерского руководства сложившейся в стране ситуацией [Советско-венгерские экономические... 2012: 114–116]. Ответ советского руководства на просьбу об экономической помощи пришел только в начале октября, 4-го числа было подписано соответствующее соглашение о предоставлении суммы в размере 100 млн рублей в 1957 г. Венгерская исследовательница М. Барат считает, что соглашение было подписано слишком поздно и не смогло быстро облегчить экономическое положение страны, а также помешать углублению внутривластного кризиса, результатом которого стало венгерское вооруженное восстание [Барат, 2010: 87–88].

Хотелось бы отметить, что в первом разделе сборника не нашли отражения материалы об участии Венгрии в экономическом сотрудничестве по линии СЭВ, одним из учредителей которого она стала в 1949 г. Несмотря на то, что организация не функционировала в полную силу до 1954 г., интересно было бы проследить степень вовлеченности Венгрии в систему многостороннего сотрудничества.

В.Л. Мусатов во вступительной статье справедливо отмечает, что после 1956 г. «вопросы подъема экономики и повышения уровня жизни наряду с восстановлением экономики имели решающее значение в нормализации обстановки в Венгрии».

В документах второго раздела (декабрь 1956 – ноябрь 1964) нашла отражение декабрьская переписка 1956 г. нового политического лидера Венгрии Я. Кадара и Н.С. Хрущева о предоставлении экономической помощи по урегулированию энергетического кризиса и кредита венгерскому правительству. Выявленные составителями сборника документы за 1957–1964 гг. содержат богатый аналитический материал, в том числе из фонда Госплана СССР, свидетельствующий о степени озабоченности советского руководства положением в Венгрии и поисках путей выхода из сложившейся ситуации. В 1957–1960 гг. правительство Я. Кадара получило от СССР кредитов на сумму 1230 млн руб. под 2% годовых, без учета кредитования разработок месторождений урановых руд и оборонной промышленности. Страна, находившаяся в условиях глубокого экономического кризиса, была освобождена и от уплаты задолженности за переданное ей бывшее немецкое имущество и советскую долю участия в акционерных обществах [Советско-венгерские экономические... 2012: 222].

Документы дают представление о расширении товарооборота между странами на основании долгосрочных соглашений от 13 января 1958 г., соглашения «О взаимных поставках товаров СССР и ВНР на период 1961–1965 гг.» от 6 мая 1960 г., а также о покрытии значительной доли потребностей Венгрии в сырье, оборудовании и ряде других товаров за счет импорта из СССР. Стремясь снизить социальную напряженность в обществе путем повышения уровня жизни населения,

венгерское правительство в начале 1960-х гг. столкнулось с экономической несбалансированностью, когда темпы повышения доходов граждан стали превышать темпы роста производительности труда [Советско-венгерские экономические... 2012: 236–237].

Внутриэкономические реформы Н.С. Хрущева обусловили в этот период экономическое сближение СССР со странами «социалистического лагеря» через развитие специализации и кооперации производства, как на двусторонней основе, так и в рамках многостороннего сотрудничества по линии СЭВ. С 1956 г. Венгрия принимала участие в работе по координации народнохозяйственных планов развития ряда отраслей промышленности в странах-членах СЭВ. Документы сборника дают представление о переговорах и консультациях венгерской стороны с представителями Государственного комитета по экономическим связям (ГКЭС), учрежденного в 1957 г. в результате реорганизации Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии (ГУЭС), и Госплана СССР, при котором в 1963 г. был учрежден специальный Отдел по координации народнохозяйственных планов. Переговоры эти касались не только координации планов, но и проекта 20-летнего плана развития народного хозяйства Венгрии. Позицию Венгрии по вопросам углубления многостороннего экономического сотрудничества характеризует публикуемая в сборнике запись выступления Я. Кадара на июньском Совещании представителей коммунистических и рабочих

партий стран-участниц СЭВ 1962 г., предметом обсуждения на котором стала записка «Актуальные проблемы развития экономического сотрудничества между странами-членами СЭВ», составленная В. Гомулкой и Ю. Циранкевичем. Выдвинутое польской стороной предложение о многостороннем согласовании перспективных планов и разработке единого народнохозяйственного плана стран-членов СЭВ, а также реформирования в этих условиях аппарата СЭВ было поддержано венгерским лидером [Советско-венгерские экономические... 2012: 269–276]. В углублении экономического сотрудничества социалистических стран Я. Кадар видел залог роста благосостояния своей страны.

Завершая обзор подборки документальных материалов конца 1956 – конца 1964 г., отметим, что, несмотря на предпринятые венгерской стороной при поддержке СССР меры по оздоровлению экономики после событий 1956 г., к середине 1960-х гг. сохранялись серьезные трудности в народном хозяйстве, обусловленные национальными особенностями его развития, среди которых были сохранение большого удельного веса малоемких производств, ограниченность сырьевой, в особенности топливно-энергетической базы, техническая отсталость некоторых отраслей промышленности, малосерийность производства и как следствие высокая себестоимость ряда товаров. Эти трудности планировалось преодолеть путем углубления экономических связей с социалистическими странами на базе кооперации и специализации производства.

Последний раздел сборника (ноябрь 1964 – 1973 г.) отражает развитие экономического сотрудничества между СССР и Венгрией после смены политического руководства в Москве в октябре 1964 г. Главным инструментом двустороннего сотрудничества в этот период становится Венгеро-советская межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, созданная в феврале 1964 г. В 1965 г. плановые органы двух стран завершают переговоры об экономическом сотрудничестве и взаимных поставках товаров на 1966–1970 гг. [Советско-венгерские экономические... 2012: 443]. Несмотря на снижение товарооборота в силу объективных обстоятельств², в целом документы подтверждают, что сотрудничество двух стран во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. продолжало носить благоприятный характер, в первую очередь для Венгрии, и оказывало плодотворное влияние на ее экономическую ситуацию. Первые ростки структурного кризиса, вызванного отставанием от НТР, СССР и Венгрия пытаются преодолеть путем налаживания более тесного научно-технического сотрудничества.

На базе экономической реформы А.Н. Косыгина, проводившейся в СССР во второй половине 1960-х гг., в 1968 г. началось и реформирование венгерской экономики путем ограниченного внедрения рыночных механизмов ее регулирования. Первые попытки отойти

от жесткого администрирования были предприняты в стране еще в 1957 г. предоставлением права на ведение розничной торговли [Нежинский, 1969: 309]. О роли советской помощи (кредитование, поставки сырья и оборудования) в осуществлении реформы ранее мало говорилось в литературе, ведь соответствующие документы лишь в последнее время вводятся в научный оборот³. Реформа позволила венгерским предприятиям получить более широкую автономию в вопросах продажи и сбыта продукции, что способствовало расширению торговых связей Венгрии с Западом. Однако, все больше ощущая ослабление государственного контроля над экономической ситуацией в стране, в конце 1972 г. Я. Кадар пошел по пути свертывания реформы и укрепления позиций центрального аппарата управления. Тяжелым бременем для Венгрии оставались большие военные расходы, задолженности по кредитам и необходимость участвовать в оказании помощи странам «социалистического лагеря» и развивающимся странам Азии и Африки под лозунгами социалистического интернационализма. Вопрос о том, какую роль сыграли в свертывании реформ внутренние трудности и противоречия, а какую советское давление в обстановке, сложившейся после августа 1968 г., нуждается в дальнейшем изучении, т. к. ясного представления об этом опубликованные документы пока не дают.

³ [Центрально-Восточная Европа..., 2000; Волотов, 2013; Мусатов, 1990; 2013]. О влиянии событий «Пражской весны» на реформирование экономики в Венгрии см. [Стыкалин, 2012].

² При продолжающемся увеличении доли сырья удельный вес в экспорте готовой продукции начинает снижаться.

Помимо того, что к началу 1970-х гг. Венгрия, наряду с другими странами-членами СЭВ, столкнулась с необходимостью интенсификации производства, обусловленной отставанием в научно-техническом развитии, в 1973 г. она попала под удар мирового экономического кризиса, вынудившего как ее, так и Советский Союз пойти на экономическое сближение с капиталистическими странами. Таким образом, завершение подборки источников об экономических связях СССР и Венгрии материалами из документальной коллекции за 1973 г. является предельно обоснованным, как с точки зрения международной ситуации, так и в свете развития экономических отношений в рамках «социалистического лагеря».

Документы свидетельствуют о том, что, несмотря на ряд ошибок советского руководства, экономические отношения между странами развивались на взаимовыгодной основе, а поддержка, оказываемая Венгрии советской стороной, стала основополагающей базой для развития национальной экономики, фактически лишенной собственного сырья. Советский Союз для сохранения политической стабильности в Центральной и Юго-Восточной Европе был вынужден компенсировать возложенные им и другими странами на Венгрию послевоенные финансовые обязательства, предоставляя ей большие кредиты. В этой связи выражаем согласие с позицией В.Л. Мусатова, который отмечает, что усилиями Советского Союза сохранялась экономическая стабильность и платежеспособность Венгрии [Мусатов, 2013: 29]. Нельзя отрицать,

что и Москва получала ряд выгод в процессе сотрудничества. Однако импорт венгерской промышленной продукции был ниже, чем поставки в СССР из Польши, ГДР и Чехословакии. Введенные в научный оборот источники позволяют по-иному взглянуть на экономические связи СССР с одной из стран «социалистического лагеря» и снять некоторые необоснованные претензии исследователей к тому, как советская сторона выстраивала свои отношения с союзниками.

Сборник документов снабжен богатым справочным материалом: примечаниями к содержанию, перечнем основных двусторонних экономических соглашений, биографическими справками, именованным указателем и списком сокращений. Комментарии к содержанию тома при этом не дают полноценного представления о ряде специфических особенностей экономических отношений двух стран, что в некоторой степени затрудняет работу с ними. Неясность заключается в том, получили ли дальнейшее развитие ряд планов и совместных проектов, обсуждавшиеся сторонами и нашедшие отражение в сборнике. Дополнительное разъяснение этих сюжетов существенно бы обогатило публикацию.

Выход в свет рецензируемого сборника позволил ввести в научный оборот серию новых документов, расширяющих представление о советско-венгерских экономических отношениях в 1948–1973 гг. Публикация будет интересна историкам, архивистам и послужит основой для проведения исследований в области экономической истории.

REFERENCES

Barat M. Vengersko-sovetskie otnoshenija v period ot smerti Stalina do nachala revoljucii 1956 goda // Vostochnyj blok i sovetско-vengerskie otnoshenija: 1945–1989 gody. Sb. statej / Otv. red. O.V. Havanova. Saint Peterburg, 2010.

Central'no-Vostochnaja Evropa vo vtoroj polovine XX veka. T. II. Ot stabilizacii k krizisu. 1966–1989 / Pod red. A.D. Nekipelova. Moscow, 2000.

Gibianskij L.Ja. Forsirovanie sovetской blokovej politiki // Holodnaja vojna. 1945–1963. Istoricheskaja retrospektiva. Sb. statej / Otv. red. N.I. Egorova, A.O. Chubar'jan. Moscow, 2003.

Musatov V.L. Istorija sovetско-vengerskih otnoshenij v 1945–1989 godah // Novaja i novejšhaja istorija. 2013. № 2.

Musatov V.L. Janosh Kadar i vremja reform v Vengrii // Novaja i novejšhaja istorija. 1990. № 3.

Nezhinskij L.N. Oчерки istorii Narodnoj Vengrii 1948–1962 gg. Moscow, 1969.

Sovetsko-vengerskie jekonomicheskie otnoshenija 1948–1973: Sbornik dokumentov / Otv. red. A.N. Artizov. Moscow, 2012.

Sovetsko-vengerskie otnoshenija: dokumenty i materialy. 1945–1948. Moscow, 1969.

Sovetsko-vengerskie otnoshenija. 1948–1970 gg.: dokumenty i materialy. Moscow, 1974.

Stykalin A.S. «Prazhskaja vesna» 1969 goda i pozicija rukovodstva Vengrii // Novaja i novejšhaja istorija. 2012. № 5.

Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F. Narodnaja demokratija: mif ili real'nost'? Obshhestvenno-politicheskie processy v Vostochnoj Evrope. 1944–1948 gg. Moscow, 1993.

Volotov O.G. Opyt vengerskih reform. K 100-letiju rozhdenija Janosha Kadara // Novaja i novejšhaja istorija. 2013. № 2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

Барат М. Венгерско-советские отношения в период от смерти Сталина до начала революции 1956 года // Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы. Сб. статей / Оtv. ред. О.В. Хаванова. СПб., 2010.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993.

Волотов О.Г. Опыт венгерских реформ. К 100-летию рождения Яноша Кадара // Новая и новейшая история. 2013. № 2.

Гибянский Л.Я. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива. Сб. статей / Оtv. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003.

Нежинский Л.Н. Очерки истории Народной Венгрии 1948–1962 гг. М., 1969.

Мусатов В.Л. История советско-венгерских отношений в 1945–1989 годах // Новая и новейшая история. 2013. № 2.

Мусатов В.Л. Янош Кадар и время реформ в Венгрии // Новая и новейшая история. 1990. № 3.

Советско-венгерские отношения: документы и материалы. 1945–1948. М., 1969.

Советско-венгерские отношения. 1948–1970 гг.: документы и материалы. М., 1974.

Советско-венгерские экономические отношения 1948–1973: Сборник документов / Оtv. ред. А.Н. Артизов. М., 2012.

Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1969 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. II. От стабилизации к кризису. 1966–1989 / Под ред. А.Д. Некипелова. М., 2000.

М.Н. Лукьянов

«ПЛАМЕННЫЙ КОНСЕРВАТОР» ВМЕСТО «ПЛАМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА»?

Рец.: *Бородин А.П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М.: Алгоритм, 2013. 448 с.

В советское время биографические работы, тем более книги, посвящались далеко не всем крупным деятелям отечественной истории. В знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» еще при советской власти нашлось место для книги Н.И. Павленко о Петре I, однако только в постсоветское время в ней могла появиться книга о Николае I. Среди политиков и идеологов, о которых появлялись книги, революционеры явно преобладали; значительно реже появлялись монографии о либералах и уж совсем редко — о консерваторах.

Исключением из этого правила всегда оставался Н.М. Карамзин, однако он интересовал, главным образом, как историк и литератор, но не как основоположник отечественного консерватизма. Монография С.Л. Эвенчик о К.П. Победоносцеве была запрятана в очередной том вузовских «Ученых записок» [Эвенчик, 1969]. И подлинный фурор произвел выход

в свет в издательстве «Наука» книги Л.А. Твардовской о М.Н. Каткове [Твардовская, 1978]. Хочется подчеркнуть, что дело было отнюдь не в трактовках взглядов и деятельности вышеупомянутых персонажей, которая по определению не могла отклониться от действовавшего канона, а в самом факте обращения к данной проблематике. К тому же нельзя не отметить, что отечественные книги о Победоносцеве и Каткове появились уже *после* того, как их деятельность стала объектом монографических исследований на Западе¹.

В случае П.Н. Дурново первые сколько-нибудь основательные очерки о нем также появились за рубежом — и по-английски: первый принадлежал перу эмигранта Марка Алданова [Aldanov, 1942: 31–45], второй — известного британского историка-русиста Д. Ливена [Lieven, 1983: 391–402].

¹ См., например: [Katz, 1966; Byrnes, 1968].

Естественно, в советское время взгляд исследователя отечественной истории рубежа XIX–XX вв. чаще всего фокусировался на революционерах, в крайнем случае — на тех, кто критически оценивал и стремился усовершенствовать российскую действительность. Однако уже на рубеже 1980–1990-х гг. отечественная историография начала стремительно избавляться от «равнения налево». Кумирами и, одновременно, наиболее подходящими объектами для изучения начали казаться реформаторы-государственники, вроде С.Ю. Витте или П.А. Столыпина. Похоже, в новом тысячелетии маятник пошел еще дальше вправо; за два последних десятилетия сформировался новый запрос и новая историографическая мода — на жестких консерваторов-охранителей и даже правых радикалов. Историки стали проявлять склонность к более внимательному изучению и выявлению позитивных аспектов в деятельности тех, кого прежде характеризовали как примитивных охранителей и реакционеров².

Ярким проявлением указанной тенденции является рецензируемая книга А.П. Бородин — первое в отечественной историографии капитальное исследование о П.Н. Дурново. Эта ситуация чем-то напоминает автору, в свое время начинавшему как англовед, ситуацию в англо-американской историографии конца

1970–1980-х гг., когда сдвиг консервативного мейнстрима вправо совпал с усилением внимания к праворадикальным тенденциям в британском консерватизме начала XX в.³

С самого начала хотелось бы подчеркнуть, что книга Бородин опирается на солидную источниковую базу, включающую документы из центральных архивов Москвы и Петербурга (ГАРФ, РГАДА, РГАН, РГИА, рукописных фондов РГБ и РНБ и др.) и широкий круг опубликованных материалов (периодики, стенографические отчеты Государственного Совета, воспоминания, документальные издания советского и постсоветского времени). Автору удалось использовать практически всю доступную современному историку документацию, касающуюся его героя.

Бородин начинает с рассказа о предках Дурново и его семье (с. 15–32). Отдельная глава описывает состояние Морского кадетского корпуса в 1850–1860-е годы (с. 33–66). При этом в следующей главе «Кадет Петр Дурново» (с. 67–81) автор подробно описывает обстоятельства пребывания его героя в МКК, что оставляет в недоумении, почему бы два этих раздела не объединить?

Рассказывая о деятельности Дурново в Департаменте полиции, автор подчеркивает его работоспособность, доброжелательное отношение к многочисленным просителям и готовность идти им навстречу

² Крайне показателен в этом смысле подзаголовок, появившийся в третьем издании, в целом, вполне академичной книги С.А. Степанова о черносотенцах. См.: Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013. Подчеркну, что в предыдущих изданиях (1992 и 2005 гг.) этот подзаголовок отсутствовал.

³ См., например, [Phillips, 1979; Kennedy, Nicholls, 1981; Hutcherson, 1989].

(с. 107–125). Согласно Бородину, на посту товарища министра внутренних дел Дурново заслужил репутацию деятеля, сознававшего необходимость реформ (с. 132–134).

Возглавив министерство внутренних дел в последних числах октября 1905 г., Дурново не сразу приступил к решительному подавлению революции. «В октябре-ноябре 1905 г. власть была растеряна, правительство не прибегало к арестам, опасаясь ухудшить ситуацию, осторожничал и П.Н. Дурново», — констатирует его биограф (с. 155).

Лишь столкнувшись «непрактичностью» общественных деятелей на фоне роста революционных настроений, он скорректировал свою линию поведения (с. 196–197). Автор полагает, что значительную роль в этом сыграла инициатива подчиненного Дурново — А.В. Герасимова, настоявшего на аресте Петербургского совета рабочих депутатов 3 декабря (с. 156–157). Перелом в настроениях самого Дурново наступил позже — 7 декабря; тогда, получив информацию о призыве к всеобщей забастовке и превращении ее в вооруженное восстание, он добился аудиенции у царя и его согласия на решительные действия (с. 193–194).

Автор подробно описывает деятельность министра внутренних дел, который сыграл ключевую роль в подавлении революции (с. 158–187, 201–203). Занятый непосредственным противодействием революционным выступлениям, Дурново увидел необходимость заручиться массовой политической

поддержкой, использовать «народное движение в борьбе с революцией» (с. 188). Своими решительными действиями по подавлению революции он содействовал активизации сторонников самодержавия, создавших Союз русского народа, сыгравший большую роль в борьбе с революцией (с. 189–190). В отличие от Дурново, Столыпин оказался не в состоянии должным образом оценить и использовать черносотенное движение (с. 190).

Характеризуя отношения Дурново с Витте, Бородин, отмечая их общее стремление противостоять революции, указывает, что их «развело различное представление о способах подавления революции» (с. 197). При этом Витте, принимая насильственные меры как должное, часто был некорректен в отношении министра внутренних дел и в кругу общественных деятелей даже мог им возмущаться (с. 198). Приводя оценки деятельности Дурново современниками, автор акцентирует позитивные суждения о нем и в конце концов заключает, что именно его жесткость и решительность зимой 1905–1906 г. спасли российское государство от разрушения (с. 201–203).

После ухода из правительства Дурново сосредоточился на работе в Государственном Совете, где он создал и возглавил Правую группу (с. 204). Оппонируя столыпинскому правительству справа, он руководствовался «интересами страны, государства, как он их понимал...» (с. 206). Сопоставляя Дурново и Столыпина, автор оценивает их как политических оппонентов, предлагавших

различные политические стратегии.

По мнению Дурново, Столыпин слишком часто шел навстречу общественному мнению (с. 277). Глубоко антипатичной Дурново была нацеленность Столыпина на политический компромисс с «системной оппозицией», как бы сказали сегодня. По его разумению, нужен был не компромисс, а твердость и руководящая роль правительства. Он говорил, что власть должна действовать «прямо, открыто, твердо и честно», а попытки договориться, достичь компромисса воспринимались, как «признаки слабости» (с. 279).

Другая ошибка Столыпина заключалась в том, что он видел в крестьянине-собственнике потенциальную опору власти. Между тем крестьянин оставался угрозой, устранить которую с помощью уступок было невозможно. «Мужик воспринимался как враг, удовлетворить требования которого было немислимо; заключить соглашение с ним — невозможно» (с. 279).

Именно это соображение обусловило позицию Дурново в вопросе о законопроекте о земстве в Западном крае, которое привело к жесткой конфронтации между двумя политиками в марте 1911 г. По мнению Бородина, правые, голосовавшие против законопроекта о земстве в Западном крае, опасались усиления влияния в органах местного самоуправления крестьян в ущерб помещикам (с. 207–208). Поэтому провал законопроекта о Западном земстве был продуктом не интриги

против Столыпина, а принципиальной установки его консервативных оппонентов (с. 209–210). Сравнивая двух политических деятелей, автор приходит к выводу, что как государственный деятель Дурново превосходил Столыпина (с. 287).

Не приняла Правая группа и сменившего его В.Н. Коковцова. «П.Н. Дурново и его правые единомышленники были недовольны внутренней политикой правительства; в ней они не видели ни ясной программы, ни определенного направления, считали, что она неправильно понимает государственные нужды и политические задачи данного времени; осуждали они и внешнюю политику» (с. 210).

Царь также проигрывал на фоне Дурново. Отношениям между ними Бородин посвятил специальную главу (с. 253–257). Подобно многим другим правым, Дурново невысоко оценивал государя, не видя в нем качеств, необходимых для руководства страной в реально существовавших условиях. «<...> Царь ни в каком отношении не мог возвыситься в его глазах, но вызывал лишь недоумение, обиду, раздражение и негодование», — пишет Бородин (с. 252). Ни Дурново, ни его единомышленники «не находили в царе того же, что позже, в канун второй революции настойчиво требовала императрица, — быть властью, уметь приказывать» (с. 253).

Подобно другим правым, Дурново стремился избежать втягивания в войну против Германии, чреватой для России тяжелейшими последствиями. Главным из них стало бы

ослабление консервативного начала в мировой политике и социальная революция в проигравшей стране, которая, начавшись в побежденной стране, с неизбежностью перекинулась бы и на победительницу. Эти взгляды Дурново изложил в своей знаменитой записке, посмертно принесшей ему славу «русского Нострадамуса». К сожалению, самой записке и связанным с нею событиям автор посвятил лишь восемь страниц своего труда, вероятно, полагая, что она и так хорошо всем известна (с. 293–300). Между тем, этот текст продолжает привлекать внимание историков, и можно предположить, что обращение к нему в контексте биографии автора могло бы раскрыть некоторые новые аспекты известного документа и его восприятия современниками и потомками⁴.

В условиях начавшейся войны правая группа и ее лидер продолжали критиковать правительственный курс справа, выражая сомнения в целесообразности уступок оппозиции (с. 222–224). Бородин высоко оценивает знаменитую речь Дурново в Государственном Совете 19 июля 1915 г., в которой тот доказывал, что «умение приказывать» и исполнительская дисциплина являются условием политического успеха и победы в войне как «<...> единственно верный в той обстановке призыв» (с. 232). «Можно ли было в той ситуации сказать более разумные слова?!» — задает риторический вопрос Бородин (с. 227).

⁴ См., например, [Свет и тени Великой войны... 2014: 51–73; McDonald, 1996: 481–502]. О Записке П.Н. Дурново см. также: [Олейников, 2015: 215–231].

Стремясь проанализировать ситуацию в России через анализ взглядов на нее правых, автор предлагает нетривиальный подход к этой проблематике. Он очевидным образом противоречит как доминирующей в западной русистике традиции смотреть на нее глазами либералов, так и присущей советской историографии тенденции оценивать эти события с точки зрения неизбежности прихода к власти большевиков. Корректируя устоявшиеся историографические стереотипы, работа Бородина представляет несомненный интерес для читателя как с точки зрения приводимого им фактического материала, так и попытки нового осмысления «вечных» проблем русской истории начала XX в.

Вместе с тем, похвальное стремление к преодолению стереотипов и естественное для биографа погружение в мир своего героя зачастую приводит его к потере объективности. Бородин склонен постоянно соглашаться с Дурново и принимать его оценки российской действительности за истину в последней инстанции. Насильственные действия, связанные с подавлением революции, интерпретируются как самооборона против революционного террора, благоприятную атмосферу для которого создавала либеральная печать (с. 163–164). Основной причиной крестьянских волнений в период революции выступает «революционная агитация» (с. 177). Диалог государства и общества, поиск социально-политического консенсуса в условиях Первой мировой войны оценивается как путь к гибели (с. 223). Автор полагает, что единственная

реальная перспектива преодоления трудностей, вызванных войной, состояла в реализации предложений правых. «Правое правительство» было бы способно на большее: приостановить все реформы, прихлопнуть всякую оппозицию (уже при А.Ф. Трепове она присмирела!), сосредоточить все ресурсы на достижении военной победы» (с. 224–225).

Стремясь усилить собственную аргументацию, Бородин иногда теряет чувство меры и злоупотребляет цитированием или пространным изложением источников, иногда не имеющих прямого отношения к делу. В частности, это относится к излагаемой на двух страницах «Записке националистов», относящейся в марту 1915 г. (с. 227–229). Крайне странным на этом фоне выглядит присутствие в книге удивительно кратких глав. Три из них занимают по две (фактически – по полторы) страницы: «П.Н. Дурново: имущественное положение» (с. 308–309), «П.Н. Дурново и новая редакция Основных законов» (с. 266–267), «Болезнь и смерть» (с. 307–308).

Вообще структура работы не кажется достаточно продуманной, что приводит к многочисленным повторам. Уже проанализировав политические воззрения Дурново в специальной главе «П.Н. Дурново: политический облик» (с. 233–253), автор возвращается, в сущности, к тому же самому в разделах «П.Н. Дурново и Николай II» (с. 253–257), «П.Н. Дурново и Государственная Дума» (с. 255–265), «П.Н. Дурново и новая редакция Основных законов» (с. 266–267). Наконец, стоит

посоветовать на отсутствие в книге указателя, который был бы особенно полезен, учитывая хаотичное изложение материала.

Подводя итог, нельзя не отметить, что многие из высказанных к книге претензий касаются специфики авторского взгляда, стиля и политических симпатий, на которые он, безусловно, имеет право. К тому же многие недостатки искупаются его добросовестностью и толерантностью. Приводя иногда кажущийся избыточным фактический материал, автор зачастую подталкивает читателя к выводам, отличным от его собственных. В общем, знакомство с новой книгой А. Бородина будет весьма полезным для всех интересующихся историей российской правой начала XX в. и шире – политической историей России этого периода.

REFERENCES

- Aldanov M. P.N. Durnovo: Prophet of War and Revolution // Russian Review. 1942. Vol. 2. N. 1. P. 31–45.*
- Byrnes R. F. Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington; London, 1968.*
- Hutcheson J.A. Leopold Maxse and the National Review, 1893–1914: Right Wing Politics and Journalism in Edwardian Era. New York, 1989.*
- Jevenchik S.L. Pobedonoscev i dvorjansko-krepostniceskaja linija samodержavija v poreformnoj Rossii // Uchjonye zapiski MGPI im. V.I. Lenina. 1969, № 309.*
- Katz M. Mikhail N. Katkov: A Political Biography, 1818–1887. The Hague, 1966.*
- Kennedy P., Nicholls A. (eds.) Nationalist and Racialist Movements in Britain and Germany before 1981. London, 1981.*

Lieven D. Bureaucratic Authoritarianism in Late Imperial Russia: the Personality, Career and Opinions of P.N. Durnovo // *Historical Journal*. 1983. Vol. 26. N. 2. P. 391–402.

McDonald D.M. The Durnovo Memorandum in Context: Official Conservatism and the Crisis of Autocracy // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. Nr. 4. S. 481–502.

Olejnikov D.I. Proročestvo: vperjod ili nazad? // *Vasilij Fjodorovich Antonov. Pamjati učitelja: vospominanija i stat'i* / pPod red. V.M. Koz'menko. M., 2015.

Phillips G. D. The Diehards. Aristocratic Society and Politics in Edwardian England. Cambridge; London, 1979.

Svet i teni Velikoj vojny. Pervaja mirovaja vojna v dokumentah jepohi / sost. A.V. Repnikov, E.N. Rudaja, A.A. Ivanov. M., 2014.

Tvardovskaja V.A. Ideologija poreformenogo samodержavija (M.N. Katkov i ego izdanija) M., 1978.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Олейников Д.И. Пророчество: вперёд или назад? // Василий Фёдорович Антонов. Памяти учителя: воспоминания и статьи / Под ред. В.М. Козьменко. М., 2015.

Свет и тени Великой войны. Первая мировая война в документах эпохи / Сост. А.В. Репников, Е.Н. Рудая, А.А. Иванов. М., 2014.

Эвенчик С.Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // *Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина*. 1969, № 309.

Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.

Aldanov M. P.N. Durnovo: Prophet of War and Revolution // *Russian Review*. 1942. Vol. 2, N 1. P. 31–45.

Byrnes R. F. Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington; London, 1968.

Hutcheson J.A. Leopold Maxse and the National Review, 1893–1914: Right Wing Politics and Journalism in Edwardian Era. New York, 1989.

Katz M. Mikhail N. Katkov: A Political Biography, 1818–1887. The Hague, 1966.

Kennedy P., Nicholls A. eds. Nationalist and Racialist Movements in Britain and Germany before 1914. London, 1981.

Lieven D. Bureaucratic Authoritarianism in Late Imperial Russia: the Personality, Career and Opinions of P.N. Durnovo // *Historical Journal*. 1983. Vol. 26. N. 2. P. 391–402.

McDonald D.M. The Durnovo Memorandum in Context: Official Conservatism and the Crisis of Autocracy // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. Nr. 4. S. 481–502.

Phillips G. D. The Diehards. Aristocratic Society and Politics in Edwardian England. Cambridge; London, 1979.

Н.М. Романова

Рец.: *Иванова Н.И.* Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии.
СПб.: Нестор-История, 2015. 368 с.

Книга издана в рамках проекта «К 250-летию манифеста Императрицы Екатерины Второй о переселении немцев в Россию. Немецкие колонии Петербургской губернии». Презентация книги прошла в Российской национальной библиотеке 23 сентября в числе мероприятий этого проекта, который был инициирован и реализовывался под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга» и при содействии Генерального Консульства Федеративной Республики Германии в Санкт-Петербурге в соответствии с программой по поддержке немецкого меньшинства.

На приглашение Екатерины II откликнулись выходцы из германских государств, некоторые из них поселились на территории Санкт-Петербургской губернии. Таким образом, в Российской империи возникли немецкие сельскохозяйственные и промышленные колонии. Колонисты внесли огромный вклад в освоение прежде бесплодных и запущенных земель. Они превратили их в образцовые цветущие, высокодоходные поселения с развитой в современном понимании инфраструктурой (хорошие дороги, добротные дома, общественные здания, школы и т.д.), население которых в основной своей массе было зажиточным. Колонии снаб-

жали качественными продуктами близлежащие города, например, в Петербургской губернии – столицу и уездные города Царское Село, Петергоф, Кронштадт, Ямбург. Благополучие и устоявшийся жизненный уклад немецких колоний разрушили революция, войны XX в. и политика властей по отношению к этническим немцам Российского государства.

История и культура немцев-колонистов в советское время не изучались, что было обусловлено политическими соображениями. Длительное время даже вклад немецких колонистов в развитие сельского хозяйства, применение ими передовых агротехнических методов ведения его в непростых климатических условиях Северо-Запада замалчивались. Уникальная история и культура немецких колонистов постепенно предавались забвению. Впрочем, в исторической литературе не освещались многие важные аспекты истории жизнедеятельности немцев на территории России, в том числе и участие немцев-колонистов в русско-японской и Первой мировой войнах, а также жестокие репрессии, направленные против жителей немецких колоний в 1937–1938 гг. и в период Второй мировой войны. Несправедливо были забыты и многие факты и события, характеризующие участие советских немцев в Великой Отечественной войне, а также их ра-

бота в далеком тылу, куда они были депортированы на основании этнического признака.

Изначально в России отношение к немецким переселенцам базировалось на законодательных актах царского правительства, предоставлявших им режим наибольшего социально-экономического благоприятствования, но который уже с конца XVIII в. начал корректироваться введением системы налогообложения, затем административными мерами ужесточения урегулирования имущественных прав, землепользования и т. д. Этому в немалой степени способствовали, с одной стороны, недоимки по уплате в казну налогов, а с другой — успешность хозяйственной деятельности колоний, особенно в XIX в. Оказали влияние и изменение общественно-политической ситуации в мире, антигерманские настроения в обществе спровоцировала и Первая мировая война.

Хотя немецкие колонисты и составляли значительную группу жителей Петроградской губернии (их численность достигала 7,5 тыс. человек, или 7,1 %), в 20-х гг. XX в. жизнь немецких поселков, обезлюдевших после революции и Мировой и Гражданской войн, практически не привлекала внимание советской власти. И если среди национальных секций Губкома РКП(б) существовала секция немецких коммунистов, которую в основном интересовали вопросы международного коммунистического движения, то в структуре первого советского государственного исполнительного органа власти по национальным

вопросам — Петроградском Комиссариате по делам национальностей — никогда не было структуры, в компетенцию которой входили бы вопросы обустройства жизни этнических немцев на Северо-Западе. Период 1920–1937 гг. малоизучен и еще ждет своих исследователей.

Только в 70-е гг. стали появляться первые научные труды, посвященные поселениям немецких колонистов Петербургской губернии, их роли в развитии экономики и культуры многонационального города и региона. Первенство в изучении различных аспектов жизни немецких колоний принадлежит петербургскому историку и этнографу Т.А. Шрадер.

Новая книга известного петербургского историка Н.И. Ивановой является продолжением ее многолетней научной темы о немцах Санкт-Петербурга и немецких колонистах Петербургской губернии. Этой теме посвящено более 70 статей и несколько книг автора. В 2008 г. Наталья Ивановна опубликовала монографию «Немцы в Санкт-Петербургской губернии XVIII–XX вв.», которая включала главу о немецких колонистах.

Более подробно эта тема исследована в «Путеводителе по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии», изданном в 2015 г.

Хронологические рамки исследования охватывают период более чем в два с половиной столетия истории существования немецких колоний на территории Петербургской губернии с момента их осно-

вания во второй половине XVIII в. до 1940-х гг. XX в. При этом следует отметить несколько моментов. Во-первых, фактически хронологические рамки значительно шире, поскольку автор, прослеживая судьбы депортированных из Петербургской губернии и репрессированных, расстрелянных в конце 30-х гг. и в годы Второй мировой войны колонистов, доводит их жизнеописание до 50-х гг., когда они были реабилитированы. В некоторых случаях история колоний затрагивает и современность. Например, одна из глав посвящена реализации проекта возрождения одной из старейших немецких колоний в пос. Стрельна Ленинградской области — «Нойндорф-Стрельна», который начиная с 1996 г. осуществлялся при финансовом участии российской и германской сторон.

Во-вторых, немецкие колонисты за прошедшее время, несмотря на неоднократное изменение административных границ Петербургской — Петроградской губерний — Ленинградской области, в основном жили на изначально выделенной им царским правительством территории, а если и уезжали с неудобных для выращивания сельскохозяйственных культур земель, то недалеко — преимущественно в Новгородскую губернию (исключение составило переселение небольшой группы колонистов в Новороссийский край). Перемена места жительства обуславливалась экономическими причинами, например, когда приобретали землю в собственность или уходили в города на заработки из-за сохранявшейся в обществе традиции наследования.

Для любого научного издания важен вопрос об источниковой базе исследования. Данная работа опирается на солидную базу разных видов источников. В первую очередь это письменные источники Российского государственного исторического архива и Российской национальной библиотеки. Автор изучила громадный объем источников и литературы за более чем два века истории немецких колоний, ввела в оборот новые ранее не используемые и не публиковавшиеся по теме архивные материалы, в том числе из личных собраний потомков колонистов, этнографические источники.

Значительно расширили границы исследования и содержания книги материалы официальных периодических изданий «Санкт-Петербургские ведомости» за 1914–1918 гг., которые прежними исследователями не использовались. Материалы «Петроградских губернских ведомостей» позволили автору составить список немецких колонистов (с указанием чина, вероисповедования, семейного положения, местожительства), убитых, раненых и без вести пропавших на фронтах Первой мировой войны.

Книга содержит девять глав и пять приложений.

Четкая структура работы, хронологическая и логическая последовательность раскрытия обозначенных в названиях каждой главы тем позволило Н.И. Ивановой охарактеризовать процесс сельскохозяйственного освоения территории Петербургской губернии переселенцами из Германии за такой

длительный исторический период в контексте общероссийских событий. При этом автор не только выделил основные этапы этого процесса и постарался их разграничить, охарактеризовать особенности и основные параметры экономического развития в динамике, но и на общеисторическом фоне представил серию очерков об отдельных колониях.

Для выделения этапов истории немецких колоний исследователь определила аналогичные структурные маркеры, характеризующие социально-экономические аспекты жизни колонистов, векторы которых определялись национальной политикой правительства России, функционирующего в условиях разных общественно-политических систем, выделив соответственно дооктябрьский и советский периоды.

Н.И. Иванова выделяет четыре основных этапа в становлении и развитии немецких колоний Петербургской губернии: первый – с манифеста Екатерины II в 1763 г. до середины XIX в.; второй – вторая половина – начало XX в.; третий – с Первой мировой войны до 1917 г.; четвертый – советский период, характеризующийся началом репрессий против этнических немцев и суровыми условиями жизни после депортации и высылки их из родных мест в годы Второй мировой войны.

В целом выделение этапов в развитии немецких колоний ученый обосновывает совокупностью причинно-следственных связей исторических, общественно-политических

событий и состояния экономики России и ее отдельных территорий, в частности Северо-Запада.

Национальная политика царского правительства создавала для переселенцев наиболее благоприятные и льготные условия проживания и ведения хозяйственной деятельности, а также для сохранения и развития национально-самобытной культуры, общественного и семейного уклада, религиозных верований. Этот процесс, имевший позитивный характер, достиг высокого уровня в XIX в., который поистине являлся временем достатка и житейского благополучия для этнических немцев, и, что было очевидно, и для немцев Германии, многие из которых в поисках лучшей жизни стремились в Россию. В конце концов, это вынуждало самодержавие в какой-то мере сдерживать их намерения.

После начала Первой мировой процесс пошел по нисходящей линии и окончился началом репрессий против населения немецких колоний, которые ужесточились в годы Второй мировой войны.

Основанием для поэтапной группировки Н.И. Ивановой истории немецких колоний Петербургской губернии явились не только политика царского правительства по отношению к колонистам, изменения границ и статуса административно-территориальных образований, регламент проживания немецких переселенцев и другие факторы, но также и материалы государственных ревизий хозяйственной деятельности колонистов, которые

регулярно проводились с фискальными целями. Эти материалы предыдущими исследователями темы использовались фрагментарно, хотя данные объективно и наглядно отражали социально-экономические показатели немецких колоний и их жителей в разные промежутки времени.

Многие выводы об условиях жизни колонистов, характере их хозяйственных занятий, культуре автор делает на основании материалов ревизий, которые приводятся практически в каждой главе книги, а также более подробно в Приложении. Это статистические таблицы, которые содержат сведения о размерах владения колонистами недвижимости (дома, постройки, амбары), земли (пахотная, пастбища, приусадебная, лес), сельскохозяйственного инвентаря, скота (лошади, коровы, овцы, куры и т.д.), о величине урожая по видам агрокультур (пшеница, рожь, горох, картофель, морковь, репа и др.). Важно, что ученый не ограничилась изучением только информации об экономических показателях, а изучила и другие аспекты деятельности ревизий. Во время ревизий проводилась и перепись населения колоний, половозрастной состав, количество семей, а также наличие школ, церквей, богоугодных заведений и др. Эти сведения также нашли отражение в таблицах, которые сделали сюжеты книги достоверными, а выводы автора убедительными благодаря конкретным цифровым данным.

Сравнительный анализ статистических показателей позволил Н.И. Ивановой представить развитие хозяй-

ственной деятельности в динамике, что удалось достичь благодаря тому, что структура и содержание каждой следующей главы является логическим продолжением предыдущей. Для того чтобы выдержать эту линию канвы повествования, были определены общие маркеры, характеризующие изменения основных показателей экономической и социально-культурной жизни практически всех немецких колоний Петербургской губернии. Такой же принцип изложения сохранился и в очерках по отдельным колониям, что в совокупности способствовало созданию представления о происходивших процессах в целом по губернии.

Особенно ценно в книге Н.И. Ивановой, что повествование не обезличено, и перед читателем предстает не сухой формализованный обзор, а воссозданы судьбы конкретных семей, людей, жизнь которых подверглась суровым испытаниям. Можно отметить подчас чрезмерную перегруженность фактическими данными Приложения, но они имеют особую значимость как собственно для краеведения, так и истории немецких колоний Петербургской губернии, а также свидетельствуют об увлеченности автора разработкой темы, ее бережном отношении к любым, даже малозначительным историческим фактам.

Большое количество документальных материалов позволило автору рассказать в целом об истории немецких колоний Петербургской губернии в хронологическом порядке. Девятая глава содержит исто-

рико-краеведческие очерки по отдельным колониям, очередность размещения материалов о которых обусловлена временем их возникновения, близостью территориального нахождения, а также образованием новых поселений на основе тех, от которых они отпочковались. Таким образом, автор группирует колонии, объединенные рубрикой «Старые» («Материнские»): Ижорские (Колпинские) – Новосаратовская, Среднерогатская; Приморские – Петергофская, Стрельнинская, Александровская, Кронштадская, Знаменская; Ямбургские – Луцкая, Порховская, Франкфуртская и Крупино, и «Дочерние»: Веселый Поселок, Гражданка, Каменка, Кипенская, Новое Парголово, Овцыно, Уткинская, Янинская и др. В этой же главе приведены краткие сведения об исчезнувшей колонии Изварский обреш, жители которой из-за плохого качества земли переселились в другие районы губернии. Завершает главу краткая информация о шести малоизвестных колониях.

В очерках по истории отдельных колоний, помимо большого объема справочно-информационных сведений о разных аспектах жизнедеятельности колонистов, значительное место уделяется конкретным семьям, отдельным персонам. Читатель может проследить родословную практически каждого жителя колонии.

Автору удалось отразить причинно-следственную взаимосвязь государственной национальной политики и ее результатов не только в исторической протяженности и по-

следовательности диаметрально противоположных общественных систем, но и показать на примере небольших по численности колоний этнических немцев Петербургской губернии, как они жили. Наиболее подробно раскрыты аспекты жизни немецких поселян в главе «Успешный XIX век, век благосостояния немецких колоний». Сюжеты, затронутые автором в этой главе, свидетельствуют о её желании всесторонне охарактеризовать жизнь поселян, сделав акцент на их хозяйственных занятиях и ремеслах, материальном достатке и росте благосостояния. Автор анализирует организацию общественной жизни и школьного обучения, особенности семейного и бытового уклада, борьбу за сохранение родного языка, культуры и народных традиций, вероисповедования и т. д.

Об этих темах автору удалось подробно и интересно рассказать благодаря привлечению нового вида источников – этнографических. В последние годы внимание историков все больше привлекает изучение темы «повседневность», которая теснейшим образом сопрягается с предметными зонами научной дисциплины этнографии. Это письменные источники, изобразительные материалы и фотоснимки, чертежи и архитектурные планы, внешний вид строений разного назначения: общественных и жилых, хозяйственных построек и т. д.; топографические карты местности; разносюжетные фотографии и т. д. Привлекают внимание и материалы книги о распределении общественных средств на строительство и содержание церкви

и ее служителей, школ и учителей, благоустройство поселений, а также оказание помощи бедным односельчанам, особенно попавшим в трудную жизненную ситуацию по случаю потери кормильца, пожара и другим причинам.

Мы неоднократно отмечали научную и документальную ценность материалов Приложения. Особо следует признать заслугу Н.И. Ивановой в публикации «Списка репрессированных в советское время немцев колонистов Ленинградской области», который был составлен на основании монографии петербургского историка И.В. Черказьяновой (И.В. Черкизянова. Ленинградские немцы. Судьба военного поколения 1941–1955. СПб., 2011. С. 71–397).

В списке полностью указаны фамилия, имя, отчество и год рождения, время ареста и место высылки, статья, по которой человек был осужден, год расстрела, а в ряде случаев и год реабилитации. Данные таблицы являются ужасающим доказательством беззакония сталинской политики репрессий, когда поголовно в начале войны из Ленинградской области были выселены практически все этнические немцы. Мартиролог содержит почти 800 имен немцев, среди которых и 80-летние старики, и дети 5–6 лет. Все они были репрессированы «как социально опасные» элементы в конце 30-х и начале 40-х гг., часть расстреляна, а высланные в Сибирь, Казахстан, на Север работали, способствуя тем самым победе советского народа над фашизмом. Эти краткие биографические справки репрессированных жите-

лей немецких колоний представляют ценную справочную информацию не только для историков, но и, может быть, для живущих в настоящее время потомков колонистов.

В заключение хочется отметить, что «Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии» является еще одним шагом к изучению истории уникального сообщества немцев-колонистов, сохранившего на протяжении столетий свою национальную культуру, традиции и язык. Содержание книги обозначает новые направления и сюжеты в дальнейшем изучении темы, например, отношения колонистов с другими этническими группами, проживавшими на территории Петербургской губернии; период 20–30-х гг. в жизни немецких поселков; современное состояние населенных пунктов в Ленинградской области, в которых раньше жили немцы и где сохранились памятники культуры и другие вопросы.

При чтении книги Н.И. Ивановой стараешься определить ее жанр. Что это — справочник, монография или обозначенный в названии «Путеводитель»? Но содержание издания гораздо шире, оно не укладывается в понятие и рамки стандартного историко-краеведческого описания мест, событий, персон. Очевидно, это было первое рабочее название книги. Такое название не слишком удачно, так как «Путеводитель...», скорее всего, не привлечет внимание исследователей, которые могут отнестись к книге как к популярному изданию, в лучшем случае — справочнику краеведческого характера.

Содержание работы многопланово по тематике, источниковой базе, богатству и разнообразию привлеченных архивных материалов, хронологии, масштабу затронутых проблем и их анализу и интерпретации. Помещенные в текст и приложения статистические данные содержат обширную информацию. Все вместе позволяет отнести историческое исследование Натальи Ивановны к научной монографии, написанной на базе глубокого изучения и ответ-

ственного аналитического осмысления большого массива документальных источников, многие из которых впервые были введены в научный оборот. Это позволило Н.И. Ивановой всесторонне по-новому осветить жизнь немецких колонистов Петербургской губернии (Ленинградской области) более чем за два века. Монография, бесспорно, представляет интерес не только для историков и краеведов, но и для всех лиц, интересующихся этой темой.

А.А. Тесля

КОММЕРЦИЯ И ПРОПОВЕДЬ

Рец.: *Шабанов А.Е.* Передвижники: между коммерческим товариществом и художественным движением / Науч. ред. И.А. Доронченков. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 336 с.: ил.

Есть темы, о которых сложно писать, поскольку вроде бы о них сказано всё, что возможно, — и в то же время есть потребность, вследствие чувства не столько недосказанности, сколько вообще — «несказанности». «Всё сказано», «много раз говорено» — и вместе с тем кажется, что большой разговор еще едва только начался. Подобных тем довольно много в истории русской литературы. Достаточно вспомнить М.Е. Салтыкова-Щедрина. Его часто переиздают, охотно цитируют. И в то же время в восприятии образованной публики место писателя в литературе, в истории общественной мысли, его влияние на стилистику современников и потомков остается до сих пор недостаточно определенным. Впрочем, можно привести и пример совсем другого рода, со сходным эффектом — более чем вековой разговор о Достоевском превратил последнего в публичном пространстве в другое имя «духовности», «русской идеи» и чего-то еще столь же неопределенного и эмоционально-напряженного, для одних служа точкой притяжения, для других — отталкивания, уже как «имя», не только без чтения текстов самого Достоевского, но и, что гораздо любопытнее,

независимо от чтения. Или «народничество» — предмет скорее «запылившийся», чем исследованный, зачастую не вызывающий любопытства уже на первом шаге, кажется, что «уже все сказано» и, одновременно, что «в сущности — сказать нечего» (не считая чисто фактических подробностей, интересных специалистам).

В истории русской живописи одной из подобных тем являются «передвижники» — о них вроде бы «всё известно», их имена и репродукции их картин мы знаем настолько, что не способны вспомнить, где и когда впервые их увидели — они «всегда», «уже были» в нашем сознании. Иными словами, здесь затруднительно само эстетическое переживание, выстраиваемое на контрасте, они — та первичная рамка, тот «эстетический опыт», который выступает как основание для иного — и определяется уже в этой, обратной перспективе. Чтобы как-то отнестись к «передвижникам», мы должны сначала отнестись к чему-то иному — к К.П. Брюллову или Д.Г. Левицкому, к «мирискусникам» или авангардистам — и не важно, как именно, с принятием или отвержением, поскольку только затем у нас

получится осмысленно отнести к «передвижникам», они станут «видимым», различимым «опытом». Впрочем, этим «иным» способны стать и сами «передвижники» — когда из слитой массы, того изначального недифференцированного восприятия выступают отдельные авторы, удивляя/обращая на себя внимание расхождением с ожиданиями.

Подход, предложенный автором, в общем-то предсказуем — это попытка дать комплексный анализ первого двадцатипятилетия деятельности «передвижников», не выбирая между двумя подходами — «идейным» (или, как именует его автор, «идеалистическим») и «социально-экономическим», а совмещая их. Собственно, противоречия между этими подходами самими по себе — нет, ведь если в рамках «идейного» подхода речь идет о «передвижниках» как движении художников-реалистов, стремящихся реализовать свою эстетическую программу (в свою очередь или производную от, или связанную с общественно-политическими взглядами), то «социально-экономический» подход задается иным вопросом — каким образом, например, если даже допустить, что «идейные» цели являются исходными, они смогли быть реализованы, как выстраивалось взаимодействие в группе, каким образом она смогла найти свою аудиторию и т. п. Соответственно, в рамках исследования возникают две группы вопросов, актуализирующие разницу подходов:

— во-первых, вопросы эмпирические: чем изначально являлось Товарищество передвижных ху-

дожественных выставок, было ли оно коммерческим проектом, ограниченным преимущественно или исключительно целями экономическими, или же выступало как художественное движение («в перспективе»). Подчеркнем, что с точки зрения теоретических подходов здесь нет ситуации взаимоисключения — вопрос лишь о том, какая реконструкция подтверждается фактическим материалом;

— во-вторых, вопросы теоретического плана. В данном случае речь идет именно о конфликтующих способах интерпретации: исходя из «социологии искусства» (В.М. Фриче, А.А. Федорова-Давыдова), «социально-экономическая» интерпретация выступает в качестве «подлинной», отсылающей к существу дела, тогда как «идейное», «идеалистическое» обоснование — лишь «превращенная форма», социально-приемлемое в данном контексте, в данном месте и времени выражение подлинных стремлений. В теоретическом плане Шабанов отказывается от подобного противопоставления — наблюдения Федорова-Давыдова используются им как эмпирический материал, не включающий общетеоретической схемы: иначе говоря, речь не идет о возврате к интерпретации передвижников в рамках социологии искусства 1920-х гг., а именно о постановке вопроса, чем являлось Товарищество передвижных художественных выставок.

Шабанов демонстрирует, что на оценку и восприятие Товарищества повлияла его последующая история — иными словами, то, что

начиналось как коммерческое товарищество, стало восприниматься как художественное движение, при этом полученный результат оказался отброшен в прошлое: позднейшая интерпретация определила привычное описание изначальных целей. Таким образом, «передвижники» оказываются исторически изменчивым объектом — «идеалистическая» интерпретация, наиболее распространенная и авторитетная, не случайна, но исторически неточна. «Передвижники» осмысляют себя как художественное движение — и с этим исследователь не спорит, основной аргумент его иного плана — они начинают осмыслять себя подобным образом достаточно поздно, во второй половине 1880-х гг. Данный тезис основывается на разнообразном материале, начиная с анализа переписки членов товарищества, совместных фотографий и вплоть до газетных объявлений о передвижных выставках, каталогов и отчетов (примечательно, что впервые «Товарищество...» как эстетическое объединение будет заявлено лишь в отчете за первые пятнадцать лет деятельности).

Следует отметить, что некоторые формулировки автора избыточно заострены — ведь тезису об исключительно «коммерческом» характере Товарищества в 1870-х гг. противоречит демонстративный его демократизм, отказ во всех исходящих от самого Товарищества текстах использовать существующую академическую «табель о рангах», расположение и в рамках каталога, и в объявлениях исключительно по алфавитному порядку, аналогичным образом — фиксируемое исследова-

вателем отсутствие тех или иных родов живописи, в первую очередь на мифологические или античные исторические сюжеты.

Иначе говоря, Товарищество не возникало как художественное движение — с ясно выраженной эстетической программой, здесь с автором можно согласиться — и преследовало коммерческие цели, но при этом оно выступало как группа авторов с достаточно близкими художественными и общественными представлениями, что и позволило ему, во-первых, в дальнейшем перерасти в художественное движение, и, во-вторых, быть переинтерпретированным подобным образом ретроспективно.

Наиболее любопытен и обстоятельно изложен тезис, согласно которому становление «передвижников» художественным движением — процесс, инициированный извне: текст работы делится на две части, первая из которых посвящена саморепрезентации Товарищества, а вторая — образам Товарищества в глазах современников. Из массы проанализированных источников следует, что саморепрезентации Товарищества оставались достаточно стабильными, тогда как для современников обособление Товарищества и осмысление его как отдельного художественного феномена протекает в несколько этапов, из которых важнейшие — V выставка, впервые прошедшая в Петербурге не в залах Академии художеств, а в арендованных помещениях Академии наук (данное территориальное перемещение стимулировало публику к противопоставлению

академическим выставкам), и затем серия скандалов на XI, XII и XIII выставках, связанных с экспонировавшимися картинами И. Репина, — соответственно «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали» и «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», которые одновременно воспринимаются единодушно как высокие художественные достижения и в то же время прочитываются как острые полемические, публицистические высказывания. В результате уже к XV выставке Товарищество начинает определять себя как единое движение с художественной программой.

В самом конце своей работы Шабанов пишет: «<...> постоянный приоритет целей выставочного предприятия над реалистическими принципами может дать ключ к предварительному пониманию, если не к полному объяснению, еще одной проблемы, намеченной в этой книге: ключевым элементом коммерческого “бренда” передвижников был не столько реализм, сколько “русскость”. Не исключено, что художники подняли национальный стяг, дабы сделать свой реализм менее проблематичным, но все свидетельствует о том, что русская тема была способна

вместить больший спектр эстетических подходов, и реализм стал лишь одним из них» (с. 272). Таким образом, автор ставит весьма интересную новую исследовательскую задачу, поскольку и сами «передвижники», и наиболее известные из их современников — художественных критиков определяли движение как «национальную», «русскую школу живописи», а Г.Г. Мясоедов в отчете за первые пятнадцать лет деятельности Товарищества прямо связывал реализм и национальное, утверждая: «Это *реальное направление* мало-помалу проникло почти всюду, не только в сознание художников, но также в сознание публики, которая начала относиться к искусству с меньшей легкостью и предъявлять более серьезные требования. *Подъем национального чувства в России* создал новые точки опоры и дал доступ новому искусству на все выставки <...>» (выд. нами, с. 288). Остается надеяться, что в обозримом будущем этот намеченный аспект, побуждающий к плодотворному сочетанию понятийного и эстетического анализа, языков описаний и самоописаний, получит не менее вдумчивое и тонкое рассмотрение, чем история первых пятнадцати лет Товарищества передвижных художественных выставок.

С.А. Экштут

ДОГОРЕВШИЕ СВЕЧИ

Рец.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.: ил.

Рецензия посвящена обзору монографии А.В. Ганина о последних годах существования Николаевской академии Генерального штаба в эпоху Первой мировой и Гражданской войн 1914–1922 гг.

Ключевые слова: Николаевская академия Генерального штаба, русский офицерский корпус, Первая мировая война, Гражданская война.

В узком кругу продуктивно работающих отечественных военных историков, с завидной регулярностью выпускающих свои новые научные труды, доктор исторических наук Андрей Владиславович Ганин, вне всякого сомнения, считается одним из лидеров изучения отечественного офицерского корпуса первой четверти XX в. Его многочисленные книги, обширные и тщательно фундированные, основанные на изучении многообразных архивных источников и снабженные впервые публикуемыми редчайшими документальными приложениями и иллюстрациями, — эти тяжелые тома в течение последних десяти лет неизменно обращают на себя внимание специалистов.

За каждой из этих книг стоит напряженный, целенаправленный и квалифицированный научный поиск. Новая 768-страничная монография «Закат Николаевской военной академии: 1914–1922» не составляет исключения из этого правила и представляет зрелый плод

усиленных изысканий. В книге содержится масса драгоценных подробностей давно ушедшей эпохи. Мы узнаем, что были генштабисты из крестьян (с. 499, 526), из сословия потомственных почетных граждан (с. 508), из хуторян (с. 531), из семей священников (с. 512, 527). В академии учили многому, даже тому, как правильно чинить карандаш (с. 559), но не учили разбираться в политических реалиях эпохи, в которую будущим офицерам Генштаба довелось жить.

Автор скрупулезно, буквально по дням, реконструирует последовательность событий, связанных с последним периодом существования главного высшего военно-учебного заведения Российской империи — Императорской Николаевской военной академии. Мы медленно читаем эту книгу и зримо, в мельчайших деталях и бытовых подробностях, представляем себе, как в годы Первой мировой и Гражданской войн в ней осуществлялась ускоренная подготовка офицеров на курсах

военного времени. Как было непросто в тыловом Петрограде жить и учиться этим офицерам, уже прошедшим испытание в боях мировой войны и заслужившим боевые отличия. Наряду с военной стратегией они осваивали и азы стратегии выживания в большом городе. Один из таких курсовиков написал в дневнике: «Живи, как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать...» (с. 115). Ситуация осложнялась тем, что большинство членов замкнутой и чрезвычайно щепетильной корпорации офицеров Генштаба высокомерно смотрели на курсовиков и трактовали их как недоучек и «недоносков».

После Февральской революции академии предстояло пережить невиданное для русской армии событие – выборы начальника академии. А.В. Ганин обстоятельно разъясняет современному читателю, какую психологическую ломку должны были пережить кадровые офицеры, впервые столкнувшиеся с этой демократической процедурой. Как отмечал профессор М.А. Иностранцев, «первоначально это казалось диким и даже невозможным, как всякое применение выборного начала в военных организациях» (с. 76).

Офицеры Генштаба ощупью искали наиболее эффективную для себя лично и в то же время безупречную с точки зрения корпоративной морали линию поведения в условиях начинавшейся русской Смуты. Однако вскоре профессора академии и офицеры Генштаба примирились с идеей выборов начальника и убе-

дили сами себя, что ничего криминального в этой процедуре нет: ведь избирают же университетские профессора своего ректора. На кону стоял вопрос о будущем «мозга армии». Разгорелись нешуточные страсти, развернулась ожесточенная борьба и беззастенчивая агитация. «Неизбежная при введении выборного начала политизация Генерального штаба порождала конфликты, корпорация утрачивала свою сплоченность. Итоги выборов оказали влияние и на дальнейшие взаимоотношения между соперниками» (с. 77).

В итоге начальником академии стал Генштаба полковник Александр Иванович Андогский, чьи личные качества – поразительная дальновидность, житейская мудрость, умение дипломатично лавировать в постоянно меняющейся политической обстановке, уникальная способность налаживать отношения с политическими лидерами противоборствующих лагерей – все это позволило сохранить академию в условиях Смуты как уникальную научную и культурную единицу. Благодаря энергичной деятельности Андогского, академия эвакуировалась из Петрограда в Екатеринбург и Казань, затем в Томск и Владивосток, а после Гражданской войны была возвращена в Москву. Андогский трудился «ради великой идеи – спасения академии» (с. 266). Однако сам он не только не дождался признания со стороны недалеких членов корпорации, стремившихся к сохранению «чистоты риз», но и понес серьезные и, к сожалению, невосполнимые репутационные потери, имевшие для него

тяжелые служебные и жизненные последствия. Андогский в итоге так и не смог занять предлагавшийся ему высокий пост начальника штаба верховного главнокомандующего при адмирале А.В. Колчаке. Один из его противников нелицеприятно заявил: «Генерал Андогский обладает слишком гибкой совестью, способен отлично устроиться при всяком режиме <...>» (с. 275). Назначение не состоялось... На примере драматической судьбы этого незаурядного человека, добровольно ушедшего из жизни, в возрасте 54 лет в условиях не прекращавшейся и ожесточенной травли, автор книги показывает роковую безысходность Белого дела, суровыми красками рисуя косность лидеров Белого движения, постоянное сведение ими личных счетов, дразги и интриги, царившие в белом лагере, напоминавшим «какой-то взбудораженный муравейник» (с. 267). Вердикт автора книги вполне обоснован, хотя и суров. Оказавшись в рядах армии Колчака, «академия не повысила

боеспособность колчаковских войск — для этого были нужны новые энергичные организаторы, которых трудно было отыскать в старом Генштабе» (с. 481). Всё это вместе взятое, наряду со слабой проработанностью программных вопросов и узостью социальной базы, в значительной степени предопределило крах Белого дела.

Автор написал грустную книгу о последних годах существования «alma mater» отечественных генштабистов и ее выпускниках. Как очень точно заметил один из героев этой книги: «Многие угасали как догоревшие свечи — лютые годы безвременья ускорили этот процесс горения, иные умерли почетной смертью храбрых на поле чести, иные погибли в большевистских застенках, иные доживают безрадостный остаток своей доблестной жизни на чужбине, в изгнании, но сохранившие свою солдатскую честь и незапятнанной свою шпагу <...>» (с. 542).

А.Ю. Суслов

Рец.: *Кокоулин В.Г.* Демократическая контрреволюция: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск: Общевоинская академия вооруженных сил Российской Федерации, 2014. 548 с.

Решение откликнуться на монографию доктора исторических наук, профессора Новосибирского государственного университета В.Г. Кокоулина, посвященную демократической контрреволюции в 1918 г., пришло не сразу. Первое знакомство с этой работой — после первоначального живого интереса, вызванного самим фактом обращения автора к столь важной теме, — привело к полному разочарованию. Писать рецензию и привлекать внимание к книге, которая, несмотря на свой приличный объем, не представляет научной ценности, никакого желания не было.

Однако история получила продолжение. В журнале «Вестник Томского государственного университета. История» (2015. №2 (34)) была опубликована рецензия известного томского историка профессора Н.С. Ларькова на монографию В.Г. Кокоулина с характерным названием «Количество без качества, или Снова “в кроссовках по истории”» [Ларьков, 2015: 125–128]. В рецензии Н.С. Ларьков спокойно и профессионально разобрал работу В.Г. Кокоулина, придя к обоснованному выводу, что «намере-

ние В.Г. Кокоулина создать некий обобщающий научный труд о “демократической контрреволюции” обернулось очередной его скоропелой и поверхностной интеллектуальной поделкой» [Ларьков, 2015: 127]. Мысленно присоединившись к мнению Н.С. Ларькова, однако с удивлением обнаружил через некоторое время в том же журнале оперативно опубликованное редакцией письмо В.Г. Кокоулина с ответом на рецензию [Кокоулин, 2015: 131–133]. Согласившись с буквально парой замечаний, В.Г. Кокоулин отвергает принципиальную критику в свой адрес, попутно высказывая несколько соображений, тон и логика которых вынуждают меня взяться за перо.

Фактически речь идет о понимании В.Г. Кокоулиным профессиональной культуры историка, которая, как известно, состоит из методологической, источниковедческой и историографической компонент. Методологические рефлексии в книге В.Г. Кокоулина просто отсутствуют. Автор не потрудился подвести под беспорядочное нагромождение фактов хоть какой-то теоретический фундамент (чего стоит

отсутствие в работе заключения). Более того, в ответе на рецензию Н.С. Ларькова он выдает это за особый подход: «есть и другие методологии, в некоторых из них вообще требуется, чтобы автор не излагал собственную позицию, а приводил только факты без каких-либо комментариев», и чуть ниже: «в монографии можно рассказать о каком-то историческом периоде, о событиях и людях, не становясь в ряды защитников или противников той или иной точки зрения» [Кокоулин, 2015: 132–133]. Отнюдь не отрицая право В.Г. Кокоулина на собственную точку зрения, хочется задаться вопросом – в чем же ценность такого рода исследований? Что нового в понимание феномена демократической контрреволюции в России в 1918 г. вносит работа, автор которой не удосуживается даже сформулировать свои выводы, как по отдельным разделам, так и по монографии в целом?

Странно выглядит отсылка к зарубежному опыту. В.Г. Кокоулин сокрушается, что «<...> в нашей стране не было принято так писать монографии. Как правило, это скучный занудный текст, прочитать который даже специалисту по теме зачастую не под силу. На Западе существует такой жанр научных монографий, как документальное повествование, когда исследователь излагает тему, используя текст подлинных (!? – А.С.) источников» [Кокоулин, 2015: 132]. Насколько скучна та или иная монография – зависит от литературных способностей автора (не все обладают ярким даром писать научные работы хорошим русским языком, живо и увлекательно),

но главное в любой книге – поиск истины, нахождение новых способов разрешения сложных проблем. К сожалению, автор не приводит примеры зарубежных публикаций, написанных в подобном стиле (в монографии вообще не фигурируют работы иностранных авторов, за исключением книги канадского историка Н.Г.О. Перейры, опубликованной на русском языке в 1996 г.). Что касается «занудства», то работа В.Г. Кокоулина, представляющая собой набор массивных цитат, даст в этом плане фору любому бухгалтерскому отчету.

Историографическое введение к монографии оставляет желать лучшего. Не повторяя замечаний Н.С. Ларькова, заметим, что В.Г. Кокоулин в принципе не замечает историографических изысканий своих предшественников, прямо посвященных демократической контрреволюции (работы А.Л. Литвина [Литвин, 1982: 111–119], А.А. Коробкина [Коробкин, 2002: 140–156; 2003], И.В. Скипиной [Скрипина, 2004: 24–41], В.А. Лапандина [Лапандин, 2006]). Проигнорирован целый ряд специальных исследований (коснусь только истории Комуча) – это труды В.А. Лапандина [Лапандин, 2003], Б.А. Елатомцева [Елатомцев, 2009], А.В. Калягина и В.Н. Парамонова [Калягин, Парамонов, 1995], Л.Г. Протасова, Г.А. Трукана и многих других. Недоумение вызывает уже отмеченное почти полное отсутствие работ зарубежных авторов (С. Берка, П.С. Доценко, В. Бровкина, С. Раши и др.). Завершая историографический обзор и не делая внятных выводов, В.Г. Кокоулин оставляет

читателя в недоумении: какие же проблемы были поставлены и решены его предшественниками? Что осталось за кадром и нуждается в дополнительном исследовании?

Отдельного разговора заслуживает источниковая база монографии. Во введении она вообще не охарактеризована, за исключением упоминания двух сборников документов с весьма любопытными комментариями: первый из них – сборник документов Комуча [Журналы заседаний... 2011] – не анализируется в силу того, что в нем нет «документов, противоречащих концепции данной книги» (с. 35). Второй же сборник, посвященный Временному всероссийскому правительству (Уфимской Директории) [Временное..., 2010], не использован В.Г. Кокоулиным из-за многочисленных недостатков, «которые препятствуют его использованию в научных целях» (с. 35). Оба аргумента не выдерживают критики. Никакой системной концепции истории Комуча в книге В.Г. Кокоулина, с которой совпадают либо не совпадают документы из сборника, просто нет. Что касается второго сборника, то доводы автора поражают. Обозначив лишь несколько «мелочных придинок», как точно подметил Н.С. Ларьков, В.Г. Кокоулин объясняет свой отказ от дальнейшего анализа тем, что «имея печальный опыт работы с другим сборником данного составителя (Сибирская Вандея. Новосибирск, 2007), в котором пришлось столкнуться с небрежностью, недобросовестностью составителя при помещении документов в сборник, а также и с прямыми фальсификациями доку-

ментов <...> и, не имея ни времени, ни желания заниматься утомительной проверкой материалов данного сборника и их соответствием архивным делам, я сознательно отказался от его использования в своей работе» (с. 505). Таким образом, по логике В.Г. Кокоулина, если он нашел ошибки (допустим!) в какой-либо работе В.И. Шишкина, то это автоматически означает, что все, что теперь появится из-под его пера, является фальсификацией и не заслуживает никакого внимания.

Разумеется, дело по большому счету не в том, использовал ли автор в своей работе какие-либо сборники документов или нет; проанализировал в полном объеме историографию проблемы или ограничился пересказом отдельных исследований (хотя и указанные моменты, по моему глубокому убеждению, характеризуют профессиональную культуру историка). Любая работа имеет недочеты – однако от автора исторической монографии хотелось бы получить результаты собственных научных исследований или оригинальный анализ проблемы, а не перечисление общеизвестных фактов и компиляцию из чужих работ.

Рассмотрим подробнее один, но весьма важный сюжет монографии В.Г. Кокоулина. Речь идет об истории Комуча – Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, государственного образования, возникшего в июне 1918 г. в Самаре. Комучу посвящены специально параграф 2.2 «Самарский Комуч» (с. 145–163), параграф 3.3 «Ликвидация Комуча», а также определенное место в разделах ра-

боты, рассматривающих крестьянский вопрос, национальные и иные проблемы эсеровских правительств (глава 2 «Эсеры у власти (июль-август 1918 г.)»).

В параграфе 2.2. «Самарский Комуч» затронут сразу несколько аспектов функционирования этого государственного образования – экономическая политика, военная сфера, комплектование Комуча, взаимоотношения с Временным Сибирским правительством. Первое, что бросается в глаза – бессистемность изложения материала. Автор перескакивает с одной темы на другую, ограничиваясь приведением нескольких цитат по каждому вопросу. Так, анализ экономической политики Комуча занимает одну страницу (с. 145–146) и сводится к приведению четырех цитат (трех приказов Комуча и воспоминаний И.М. Майского); не делая никаких выводов, В.Г. Кокоулин сообщает, что «точно так же действовал Комуч и в политической сфере» (с. 146). Однако и изложение политических проблем Комуча сводится к трем цитатам, которые автор никак не комментирует – об арестах и обысках в рабочих организациях (с. 146), о необходимости ограничения избирательных прав служащих советских учреждений и красных частей (с. 146), о военно-полевых судах (с. 146–147). Затем автор переходит к иностранным делам Комуча, военным проблемам и др. На протяжении всего параграфа ни разу не приведена точка зрения хоть какого-нибудь исследователя на рассматриваемые проблемы, а цитаты из работ советских историков Л.М. Спирина (1967 г.)

и В.В. Гармизы (1970 г.) сводятся к заимствованию у них архивного материала. Выводы по параграфу, как и по всей книге, отсутствуют.

Касаясь организации власти Комуча (с. 153–154), В.Г. Кокоулин делает, наконец, самостоятельный вывод, что «меньшевики в состав Комитета не входили. Однако их платформа полностью совпадала с позицией эсеров» (с. 154). В качестве подтверждения используется цитата из статьи А. Кравченко в самарской меньшевистской газете «Вечерняя заря», где речь идет о том, что меньшевики отвергают гражданскую войну, о необходимости демократической республики и защите интересов пролетариата. О прямой поддержке Комуча и эсеров в данной цитате нет ни слова. Дело, однако, не в этом. Во-первых, меньшевик и член ЦК РСДРП И.М. Майский вошел в состав Комуча и занял должность управляющего ведомством труда (В.Г. Кокоулин, кстати, на с. 3 своей монографии ошибочно называет его «министром» – в Комуче министров не было, а были управляющие ведомствами). Это было сделано при поддержке местной партийной организации. Во-вторых, за свой поступок Майский был осужден ЦК РСДРП, выведен из его состава, а затем вообще исключен из партии [Меньшевики в 1918... 1999: 50]. Таким образом, участие отдельных социал-демократов в Гражданской войне наталкивалось на официальную позицию ЦК меньшевистской партии о недопустимости какого-либо участия меньшевиков в любом вооруженном свержении советской власти, равно как и в прави-

тельствах, создаваемых в результате этих процессов [Меньшевики в 1918..., 1999: 51]. Поэтому краткая реплика В.Г. Кокоулина по поводу участия меньшевиков в Комуچه как минимум неточна и нуждается в серьезном дополнительном анализе.

Аграрная политика Комуча (с. 163–166), одна из ключевых проблем всех антибольшевистских правительств, рассматривается В.Г. Кокоулиным в том же ключе. Весь текст состоит из семи цитат (три – на воспоминания И.М. Майского, две – на работу современного российского историка В.В. Кондрашина «Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма» (М., 2009) и др.). Авторский анализ отсутствует.

Подобные примеры можно множить. Главные вопросы, которые волнуют исследователей при анализе истории Комитета членов Учредительного собрания: каковы причины возникновения Комуча? Какой характер носили его программные принципы? В чем причины поражения Комитета? – в монографии В.Г. Кокоулина отражения не нашли. В лучшем случае текст В.Г. Кокоулина можно рассматривать как подготовительные материалы, набор выписок из источников, нуждающихся в дальнейшем тщательном исследовании. Что касается других разделов работы, посвященных Временному Сибирскому правительству и иным сюжетам, – о них достаточно подробно сказано в уже упомянутой рецензии Н.С. Ларькова. Его вывод о пренебрежительном отношении В.Г. Кокоулина к методологии и методам

научного исследования, иллюстративности и цитатничестве, поверхностном анализе источников, игнорировании выводов в конце глав и разделов, отсутствии в целом итогового заключения, наличии фактических ошибок [Ларьков, 2015: 127] – является полностью обоснованным.

Ученая степень и должность В.Г. Кокоулина, солидный объем книги могут ввести в заблуждение неподготовленного читателя. Как писал по схожему случаю А.А. Зимин, «ведь неспециалист не разберется, а специалист связываться не будет» [Судьбы творческого наследия... 2015: 132]. Однако такие работы подрывают доверие ко всему российскому историческому сообществу и не должны оставаться без внимания.

REFERENCES

Elatomcev B.A. Jeserovskaja politiko-pravovaja koncepcija razvitija obshhestva i gosudarstva: problema formirovanija i realizacii. Samara, 2009.

Kokoulin V.G. Pis'mo v redakciju «Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija» (Otvet na recenziju N.S. Lar'kova «Kolichestvo bez kachestva, ili Snova "v krossovkah po istorii"») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2015. №4 (36). S. 131–133.

Korobkin A.A. Otechestvennaja istoriografija «demokraticeskoi kontrevoljucii» (leto – osen' 1918 g.) v Rossii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2003.

Korobkin A.A. Sovremennaja istoriografija «demokraticeskoi kontrevoljucii» vostochnoj chasti Rossii // Rossija v XX v.: istorija i istoriografija: Sb. nauch. st. Ekaterinburg, 2002.

Lapandin V.A. Jeserovskie politiko-gosudarstvennye obrazovanija v Rossii v gody grazhdanskoj vojny: istoriko-bibliograficheskoe issledovanie otechestvennoj literatury 1918–2002 gg. Samara, 2006.

Lapandin V.A. Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobranija: struktura vlasti i politicheskaja dejatel'nost' (ijun' 1918 – janvar' 1919 g.). Samara, 2003.

Lar'kov N.S. Kolichestvo bez kachestva, ili Snova «v krossovkah po istorii» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2015. № 2 (34). S. 125–128.

Litvin A.L. Sovetskaja istoriografija kraha «demokraticeskoj» kontrrevoljucii v Rossii // Voprosy istorii. 1982. № 1. S. 111–119.

Men'sheviki v 1918 godu / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 1999.

Skipina I.V. Rossijskie istoriki o porazhenii «demokraticeskoj kontrrevoljucii» na Uralskij osen'ju 1918 goda // Tjumen'skij istoricheskij sbornik. Вып. 6. Tjumen', 2004. S. 24–41.

Sud'by tvorcheskogo nasledija otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka / Sost. A.L. Horoshkevich. M., 2015.

«Tretij put'» v grazhdanskoj vojne (Opyt dejatel'nosti Samarskogo Komucha) / Uch. posobie. A.V. Kaljagin, V.N. Paramonov. Samara, 1995.

Vremennoe Vserossijskoe pravitel'stvo (23 sentjabrja – 18 nojabrja 1918 g.): Sb. dokumentov i materialov / Sost. i nauch. red. V.I. Shishkin. Novosibirsk, 2010.

Zhurnaly zasedanij, prikazy i materialy Komiteta chlenov Vserossijskogo Uchreditel'nogo sobranija: (Ijun' – oktjabr' 1918 goda) / Отв. ред. В.Ф. Додонов. М., 2011.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010.

Елатомцев Б.А. Эсеровская политико-правовая концепция развития общества и государства: проблема формирования и реализации. Самара, 2009.

Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь – октябрь 1918 года) / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2011.

Кокоулин В.Г. Письмо в редакцию «Вестник Томского государственного университета. История» (Ответ на рецензию Н.С. Ларькова «Количество без качества, или Snova “в кроссовках по истории”») // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 131–133.

Коробкин А.А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето – осень 1918 г.) в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

Коробкин А.А. Современная историография «демократической контрреволюции» восточной части России // Россия в XX в.: история и историография: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002.

Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.). Самара, 2003.

Лапандин В.А. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1918–2002 гг. Самара, 2006.

Ларьков Н.С. Количество без качества, или Snova «в кроссовках по истории» // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 125–128.

Литвин А.Л. Советская историография краха «демократической» контрреволюции в России // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 111–119.

Меньшевики в 1918 году / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 1999.

Скипина И.В. Российские историки о поражении «демократической контрреволюции» на Урале осенью 1918 года // Тюменский исторический сборник. Вып.6. Тюмень, 2004. С. 24–41.

Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины

XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015.

«Третий путь» в Гражданской войне (Опыт деятельности Самарского Комуча) / Уч. пособие. А.В. Калягин, В.Н. Парамонов. Самара, 1995.

В.В. Тихонов

«ЭТО — НОВОЕ В ИСТОРИИ ВОЙН. СТАЛИНГРАД!»

Рец.: Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / Под ред. Йохена Хелльбека. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 672 с.

«<...> Линия обороны проходит здесь через сердца русских людей. Что это значит, — немцы узнали за шестьдесят дней боев. Они бормочут: Верден. Это не Верден. Это — новое в истории войн. Сталинград!», — писал журналист Е. Кригер в октябре 1942 г. Образ грандиозной битвы давно стал неотъемлемым компонентом исторической памяти русских и немцев.

О Сталинградской битве написаны сотни научных монографий и статей, опубликовано множество мемуаров и художественных произведений, и все же такой книги еще не было. Издание, подготовленное известным специалистом по советской истории Й. Хелльбеком и его сотрудниками (в подготовке книги участвовали К.С. Дроздов, Д.Д. Лотарева, С.В. Маркова, Д. Файнберг) и довольно громоздко озаглавленное как «Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны)», безусловно, станет важной вехой в изучении не только самой битвы, но и войны в целом. Сыгра-

ет она и большую роль в популяризации нового исследовательского ракурса на, казалось бы, уже хорошо известные события. Уже сейчас книга вызвала значительный интерес средств массовой информации.

Ее уникальность заключается даже не в концептуальных новациях, которых тоже немало, а в специфике источников, ставших ее основой. Базисом книги являются стенограммы интервью участников Сталинградской битвы, сохранившиеся в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны, работавшей под руководством историка И.И. Минца (поэтому также известной как Комиссия И.И. Минца) и являвшейся последним из череды советских проектов по инициативному документированию текущей эпохи. Фонд хранится в Научном архиве Института российской истории РАН и включает около 16 тысяч дел. Примерно четверть документов фонда представляют собой записи бесед с непосредственными участниками событий, сделанные сотрудниками Комиссии по горячим следам

[Вклад историков... Гл. 2, 2015; Лотарева, 2014: 123–166].

После войны собранный материал оказался невостребованным. Причина заключалась в том, что рассказы, записанные непосредственно во время войны, плохо вписывались в заданные позднее социальные рамки памяти (если использовать термин М. Хальбвакса) и выпадали из героического мифа о ней.

Среди собранных материалов многие стенограммы интервью касались Сталинградской битвы. Сотрудники Комиссии работали в Сталинграде с конца декабря 1942 до начала января 1943 г. Всего было опрошено 215 свидетелей. По возможности (с учетом ограниченности сил самой Комиссии) был охвачен самый широкий круг респондентов, начиная от советского командования и заканчивая немногочисленными мирными жителями, оставшимися в городе. Множество застенографированных бесед с участниками событий позволяют объемно, глазами самих свидетелей, взглянуть на величайшую битву столетия. Кроме того, были собраны некоторые материалы, связанные непосредственно с противником (например, протоколы допросов немцев).

Но собранные интервью мало соответствовали уже тогда складывавшемуся канону описания грандиозной битвы, поэтому стенограммы практически не использовались в последующих исследованиях. Даже после конца советской эпохи историографическая инерция продолжалась довольно долго. Появившиеся историко-антропологические

исследования, посвященные войне, по каким-то причинам игнорировали стенограммы Комиссии. Поэтому обращение к этим документам и введение хотя бы их части в научный оборот следует признать несомненным прорывом.

Книга имеет сложную композицию: она включает исследовательские (посвященные в первую очередь историографическим и источниковедческим сюжетам) и документальные разделы. Большое введение (почти на 150 страниц!) включает оценку сложившейся историографической ситуации в изучении Сталинградской битвы. Авторский коллектив постулирует свою приверженность такому исследовательскому ракурсу как изучение «советской субъективности», когда в центре внимания оказывается внутренний мир советского человека и его отношение к окружающей действительности. При изучении феномена «советской субъективности» особый интерес вызывают практики психологического «встраивания» человека в советское общество [Kotkin, 1995; Halfin, 2003; Hellbeck, 2006]. Для изучения указанного феномена стенограммы Комиссии оказались крайне интересным и информативным источником. Кроме того, дается подробная история Комиссии, научный и политический контекст ее деятельности.

Второй раздел – «Солдатский хор», содержит свидетельства очевидцев о Сталинградской битве. Он составлен из отрывков интервью, дающих описания одних и тех же событий разными людьми. В результате получается живая и объемная картина.

Третий раздел — «Девять рассказов о войне» — предлагает опубликованные полностью рассказы свидетелей. Наконец, четвертый раздел — «Говорят немцы» — включает протоколы допросов немецких военнопленных, а также дневник неизвестного немецкого ефрейтора. Пятый — «Война и мир» — повествует о послевоенной судьбе Комиссии.

Авторы-составители предоставили возможность говорить самим документам, занимая позицию их комментаторов. В этом смысле издание можно назвать документальной монографией, включающей как разделы, в которых исследовательский текст тесно переплетается с большими отрывками из первоисточников, так и разделы, в которых стенограммы бесед с участниками событий, надлежащим образом откомментированные, публикуются полностью. Такой подход следует признать удачным, поскольку это позволило максимально полно представить сами интервью, показать весь их колорит и продемонстрировать информационный потенциал.

По признанию самого автора-составителя и руководителя проекта Й. Хелльбека, при структурировании материала его вдохновил фильм Акиры Куросавы «Расёмон», построенный на показаниях свидетелей одного и того же события. Так и в этой книге по возможности были представлены рассказы всех тех, кого удалось опросить сотрудникам Комиссии. Не все стенограммы вошли целиком из-за понятных ограничений в объеме издания. Тем не менее, одни и те же события, благодаря привлечению разных сви-

детельств, авторам-составителям удалось показать с разных ракурсов. «Уплотненные в разноголосое повествование события, мысли и чувства не только читаются с большим интересом, но и выглядят убедительно — именно потому, что сменяющие друг друга собеседники подтверждают и дополняют рассказы друг друга» (с. 143), — отмечает Й. Хелльбек.

В книге дается нарезка из рассказов об эвакуации Сталинграда, неудачном Латошинском десанте. Особый интерес должны вызвать описания пленения фельдмаршала Фр. Паулюса. На страницах издания помещены стенограммы интервью командующих В.И. Чуйкова, А.И. Родимцева, простой медсестры Веры Гуровой, знаменитого снайпера Василия Зайцева и др. В них предстают различные аспекты военных будней: повседневная жизнь, боевые операции, образ врага, взаимоотношения людей и т. д.

Особо можно выделить интервью историков Николая Аксенова и в будущем знаменитого специалиста по истории России XIX в. П.А. Зайончковского. Их уникальность заключается в яркости описания процесса «переживания» истории, когда Сталинградская битва осмысливалась в контексте исторической памяти о героических страницах русской истории, в первую очередь войны 1812 года. Таким образом, стенограммы фиксируют рождение мифа о Сталинграде.

Опубликованные материалы обладают несомненным обаянием достоверности. Тем не менее, в книге не был однозначно решен ряд важ-

ных проблем: насколько искренне интервьюируемые отвечали на вопросы, насколько соотносится язык стенограмм с реальным повседневным солдатским языком. Именно на эти вопросы делают основной акцент скептики, считающие, что интервью не передавали реальных настроений, а интервьюируемые говорили то, что от них хотели услышать. Не вдаваясь в источниковедческую дискуссию, все же подчеркну, что исследовательская практика позволяет довольно оптимистично смотреть на информационный потенциал стенограмм [Вклад историков... Гл. 3, 2015]. Но важно подчеркнуть, что перед нами эго-документы, поэтому вопрос о репрезентативности должен решаться на индивидуальном уровне по отношению к каждому интервью и при обязательном привлечении известных документов, касающихся затронутых в нем сюжетов, фактов и проблем.

Первоначально книга вышла на немецком [Hellbeck, 2012] и английском языках и только сейчас появилась на русском. Ее «зарубежное» происхождение бросается в глаза сразу. Она адресована в первую очередь западноевропейскому читателю, в особенности немецкому, и направлена на развенчание сформировавшихся у него мифов о Сталинграде. Во-первых, это миф о жертвенности немецких солдат, в котором просто не находилось места тем страданиям, которые испытали жители города, и героизму советских бойцов. Во-вторых, это миф, запечатленный на страницах книг Э. Бивора и в фильме «Враг у ворот», о рабской покорности советского солдата, идущего в бой под прицелом политрука и заградотрядов.

В противовес этому на основе интервью участников показываются страдания местных жителей в первые дни битвы за Сталинград. Встречаются поражающие своей сюрреалистичностью случаи: «Выбили немцев из одного блиндажа, уничтожили эту огневую точку, но в этот блиндаж не зашли в этот день. На второй день к вечеру вошли в этот блиндаж. Там оказалась девочка семи или восьми лет, которая лежала между трупами. Как только зашли туда, она закричала – возьмите меня, мне холодно с ними. Мать ее была убита» (рассказ коменданта Сталинграда майора В.Х. Демченко) (с. 197).

Касаясь вопроса о мотивации советского солдата, Й. Хелльбек показывает высокую мобилизующую роль политического воспитания. Он обосновывает огромную роль политруков в формировании сознательного героизма солдат. Особое внимание уделяется мотиву искупления вины, культивировавшемуся в советских войсках (отсюда и знаменитые штрафбаты). Тем не менее, в книге наглядно демонстрируется, что фронт держался не только на сознательной воле людей, но и на жесткой военной дисциплине и отчасти репрессиях, хотя и масштабы их часто чрезмерно преувеличиваются.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что документальность книги превращает ее чтение в увлекательный и напряженный процесс. Свидетельства непосредственных участников передают и оживляют страшные дни сталинградской эпопеи. Стоит отметить и широкое привлечение фотографий в качестве иллюстративного материала,

что позволяет дополнить эффект погружения. Удачным дополнением являются и карты Сталинградской битвы, позволяющие увидеть топономику сражений и их динамику.

Выпущенная книга станет не только объектом подражания (в чем лично я не сомневаюсь) и предметом дискуссий (в чем тоже не сомневаюсь), но и останется важным источником ресурсом для исследователей Великой Отечественной войны, в особенности тех, кого волнует проблема человека на войне. Также можно надеяться, что издание привлечет внимание исследователей к уникальному архиву Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В ее фонде сохраняется колоссальный массив стенограмм интервью с участниками битвы под Москвой (в том числе посвященных подвигу панфиловцев); материалы, связанные с Героями Советского Союза, их интервью и рассказы очевидцев (уже опубликованы стенограммы интервью летчиков-покрышкинцев [Марчуков, 2014]). Большой объем стенограмм посвящен Курской битве, штурму Берлина и т.д. Отдельные разделы фонда посвящены партизанскому движению и оккупированным территориям. Изучение и введение в научный оборот этих документов позволяет пересмотреть множество исторических мифов.

REFERENCES

Halfin I. Terror in My Soul. Cambridge, 2003.

Hellbeck J. Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a/M., 2012.

Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006.

Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Lotareva D.D. Komissija po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny i ejo arhiv: rekonstrukcija dejatel'nosti i metodov raboty // Arheograficheskij ezhegodnik za 2011 g. Moscow, 2014. S. 123–166.

Marchukov A.V. Geroi-pokryshkincy o sebe i svojom komandire. Pravda iz proshlogo. 1941–1945 gg. Moscow, 2014.

Vklad istorikov v sohranenie istoricheskoj pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne (na materialah Komissii po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny AN SSSR, 1941–1945 gg.) / Otv. red. S.V. Zhuravlev. Moscow, 2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне (на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.) / Отв. ред. С.В. Журавлев. М., 2015.

Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и её архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 г. М., 2014. .

Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941–1945 гг. М., 2014.

Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Halfin I. Terror in My Soul. Cambridge, 2003.

Hellbeck J. Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a/M., 2012.

Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006.

В.А. Шнирельман

ИНОСТРАННЫЕ АГЕНТЫ: ЗАПАДНЫЕ ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КОНСПИРОЛОГИИ*

Ровно сто лет назад известный русский философ В.Ф. Эрн провозгласил: «Время славянофильствует». Сегодня можно было бы сказать: «Время конспиродействует». Действительно, когда власть (да и только лишь власть?), не желающая признать своей ответственности за происходящее вокруг, без устали ведет поиск коварных внешних врагов («мировую закулису»), вкупе с «пятой колонной» подрывающих устои, уместно поставить вопрос о том, кто же на самом деле является теми «иностранными агентами», которые помогают ей поддерживать такие настроения. Парадокс заключается в том, что, чем шире распространяются антизападнические взгляды, тем с большим пиететом «патриоты» опираются на западную конспирологическую литературу. И «властители дум» действительно оказываются иностранными агентами, но вовсе не теми, кото-

рых вот уже два года предъявляют обществу органы прокуратуры. Поэтому посмотрим повнимательнее, какие идеи приносят нам западные конспирологи, что представляют собой эти люди, кто занимается переводом и популяризацией их произведений. В настоящей работе я не буду касаться истории отечественной конспирологической традиции, насчитывающей не менее двухсот лет [Хлебников, 2012]. Не будет речи и о том, как именно современные русские конспирологи используют западные наработки. Все это еще впереди. Здесь я рассмотрю лишь основные изданные в России в течение последних десятилетий труды, многие из которых относятся к классике западной конспирологии.

Западная конспирология развивается в основном вокруг двух комплексов идей. Одни конспирологи делают акцент на тайных обществах, тесно связанных с экономикой и политикой эпохи модерна (заго-

* Исследование проведено при поддержке РНФ, грант № 15-18-00143.

вор политиков, финансистов, спецслужб и пр.), и в своих рассуждениях стремятся приводить рациональные доводы (см., например [Peet, 2003]). Других больше волнуют эзотерические основы заговора, и их идеи включают религию, тайные эзотерические знания, неизвестные культы и пр. Поэтому, обсуждая проблему тайных организаций, первые ограничивают свои поиски эпохой Нового и Новейшего времени, а вторые ищут их корни в глубинах средневековья, если не в первобытности. Иррациональная подоплека заговора интересует вторых больше, чем рациональная. Наконец, те организации, которые для первой группы авторов строятся на рациональных основах, для вторых видятся оккультными формированиями. Мало того, по сути конспирология стала секуляризованной версией «Апокалипсиса», сохранив многие представления о нем, веками развивавшиеся в русле христианского мировоззрения [Hagemester, 2006: 249–252]. Поэтому, как мы увидим далее, в конспирологических произведениях временами встречается эсхатологическая лексика — отсылки к «последним временам», упоминание «удерживающего», предсказания о приходе антихриста и пр., что особенно увлекает конспирологов-эзотериков. Правда, сегодня все это более характерно для русской конспирологии, чем для западной [Хегемейстер, 2003].

Западная конспирология начала проникать в Россию на излете советского периода. В 1975 г. на русском языке была издана брошюра, содержащая компилятивное изложение четырех конспирологических ра-

бот, вышедших на Западе, — книг генерала А.И. Череп-Спиридовича, румынского принца М. Струдца, англичанина А.К. Честертона и Ж. Кнюпффера. На титуле брошюры значилось, что она вышла одновременно в Москве и Нью-Йорке, но ни издательства, ни типографии, ни тиража указано не было¹. В этой брошюре главной тайной организацией рисовался Бильдербергский клуб. Речь шла о группе международных банкиров, возникшей в 1971 г. и, по словам автора, контролирующей Совет по международным отношениям. Другой такой влиятельной группой он называл Трехстороннюю комиссию. Он заявлял, что эти три группы управляют всеми правительствами в Европе и в США, но сами подчиняются мировому правительству, находящемуся в руках сионизма [Кей, 1975]. Правда, он спешил сделать оговорку, что речь шла не обо всех евреях, а лишь о «сионистах (талмудистах)», не обо всех масонах, а только о европейских, не обо всех крупных фондах, а лишь о некоторых из них. Здесь, разумеется, показателен термин «сионисты (талмудисты)», показывающий, как мало автор знал о предмете своих исследований.

В основе его рассуждений лежали сведения, вычитанные им из книги русского генерала А.И. Череп-Спиридовича (1858–1926) «Скрытая рука», вышедшей в 1926 г.² Там-то

¹ Генерал О.Д. Калугин вспоминал, как в те годы в КГБ готовились и публиковались провокационные материалы, призванные доказать «разгул антисемитизма» в США. См. [Калугин, 1995: 120–121].

² Книга переиздана [Череп-Спиридович, 2006]. Когда-то служивший в петербургской

и говорилось о «сионистах (талмудистах)», стремившихся к захвату власти над миром. Якобы за всем этим стояло семейство Ротшильдов, родоначальник которого Майер Амшель (1744–1812) будто бы находился в тесных связях с «еврейским мировым правительством». Разумеется, не обошлось и без «Протоколов сионских мудрецов», инструкции которых в этих кругах якобы усердно выполнялись. В лучших традициях XIX в. Ротшильд в брошюре всячески демонизировался — он якобы устраивал все войны и революции, безмерно на этом наживаясь³. Мало того, утверждалось, что вся европейская политика находилась под его контролем, причем верными ее проводниками служили масоны. Брошюра содержала бесконечный набор подобных нелепиц, и, тем не менее, кому-то понадобилось опубликовать ее в России в 1993 г.

Автором брошюры был русский эмигрант первой волны, родившийся и проведший детство в Новочеркасске, а затем волею судьбы оказавшийся в 1923 г. в Нью-Йорке. В соответствии с православно-монархической традицией, которой тогда придерживалась зарубежная Русская Православная Церковь, автор утверждал, что «Россию нельзя закабалить, пока не уничтожатся традиционная христианская монар-

полиции, этот автор был известен изготовлением провокационных фальшивок. См. [Ростов, 1930: 57].

³ Как отмечал американский исследователь Д. Пайпс, в контексте конспирологии Ротшильд стал «архетипом еврейского могущества и наднациональной власти». См. [Пайпс, 2008: 129–130].

хия и православная церковь» [Кей, 1993: 99]. Иными словами, здесь сохранялось понятие «удерживающего», и тем самым делалась отсылка к «последним временам».

В начале 1980-х гг. в СССР появилась книга бывшего сотрудника испанских спецслужб Л.М. Гонсалеса-Маты, участвовавшего в некоторых операциях ЦРУ. Она познакомила широкого читателя с такими «зловещими» организациями как Трехсторонняя комиссия и Бильдербергский клуб, стоявшими, по словам автора, за государственными переворотами, смещением или даже убийствами видных государственных деятелей и терактами в разных странах мира⁴. Речь шла также о деятельности транснациональных корпораций, стимулированной ими коррупции, а также об использовании продовольственной проблемы как мощного инструмента контроля за населением. Автор публиковал пространные списки членов «тайных обществ», причем среди них неизменно преобладали американцы и видное место занимали масоны. Автор также глухо сообщал о присутствии там «окультистских сил». Впрочем, из контекста книги следовало, что вся эта деятельность в конечном счете контролировалась ЦРУ. Поэтому жанр книги можно отнести к «заговору спецслужб». Но в те годы в глазах советского читателя власть «сверхправительства» должна была простирается только на капиталистический мир

⁴ Все это безмерно преувеличивало роль указанных организаций, которые при всем желании были не способны выполнять функции «мирового правительства». Об этом см. [Рейнольдс, 2007: 321–328].

[Гонсалес-Мата, 1983]⁵. В книге рассматривались конкретные тайные операции спецслужб, но о всеохватывающем мировом заговоре там речи всё же не было. Зато инициатор советского издания журналист Л. Замойский в своем послесловии подчеркивал роль масонства, называя его «инструментом американского диктата в Европе». По его словам, все диверсии и теракты в мире планировались в США [Замойский, 1983: 213–214]⁶. Советскому человеку все это виделось странной и далекой экзотикой.

Одной из первых в постсоветской России была опубликована книга британского журналиста, писателя и политического памфлетиста Дугласа Рида (1895–1976). Его журналистская карьера была долгое время связана с известной газетой «Таймс», где он проработал до конца 1930-х гг. Начав с критики нацизма, Рид стал затем одним из первых ревизионистов Холокоста, а закончил антисемитской книгой «Спор о Сионе» [Thurlow, 1984], о которой здесь и идет речь. Эта книга имела непростую судьбу. Она была написана в 1951–1956 гг. и более двадцати

лет ждала своего часа в доме автора в Дурбане (ЮАР). Она вышла в Йоханнесбурге в 1978 г., т. е. после его смерти, а в 1986 г. была переиздана там же на русском языке. Еще два года спустя она попала в Россию, но ей пришлось дожидаться распада СССР, прежде чем появиться на страницах краснодарского журнала «Кубань»⁷. Затем в 1993 г. она вышла в Москве отдельным томом [Рид, 1993].

Будучи ярким антикоммунистом, Рид выступал в этой книге против заговора «сионистов», якобы всеми силами стремившихся к мировому господству. Он делил евреев на западных (сефардов), к которым относился с уважением, и восточных (ашкеназов), которых изображал потомками хазар, т. е. «дикарей из отдаленных глубин Азии», не имевших никакого отношения к семитам. Он также с уважением относился к Дизраэли, неоднократно цитируя его фразу о том, что миром управляют «тайные силы». По словам Рида, сефарды вышли из-под влияния «талмудического иудаизма» и поэтому не поддерживали революционные настроения, которыми якобы были заражены все ашкеназы. Но так как ассимилированные западные евреи, по мнению Рида, отказывались от своей былой идентичности, то почти всех евреев на Земле он связывал с ашкеназами.

Несмотря на все свои оговорки, Рид всячески демонизировал евреев, доказывая, что Тора и Талмуд якобы навечно противопоставляли

⁵ Первое издание вышло в Париже в 1979 г.

⁶ Связанный со Службой внешней разведки Л. Замойский позднее опубликовал свои собственные книги с разоблачениями политической роли масонства. Опираясь на дело итальянской ложи «П-2», он стремился обвинить масонов сначала в сотрудничестве с нацистами, а затем в работе на американские спецслужбы. Он также подхватывал миф об их активном участии во всех революциях. При этом он черпал свои знания из вторичных источников весьма разного качества, в результате чего подхватывал сомнительные идеи и вносил путаницу в итак весьма непростую проблему. См. [Замойский, 1990; 2001].

⁷ Об обстоятельствах ее публикации и ее использовании русским националистами см. [Шнирельман, 2012б: 153–154].

их всему остальному человечеству, обрекали на изоляцию, загоняли в гетто и навязывали им стремление к мировому господству. Якобы эти зловещие планы были выработаны жрецами-левитами, а затем перешли по наследству к фарисеям, талмудистам Испании, раввинам России и Польши и, наконец, современным сионистам, которых Рид сближал с коммунистами. Он писал, что «раввинский директорат еврейства, с его чисто азиатским упрямством, мобилизовал этих иудаизированных хазар из России против эмансипированных западных евреев и против всего Запада» [Рид, 1993: 173]. И далее: «Так властная тайная секта, действовавшая в мало известных миру областях России, перешла в наступление, мобилизовав сплоченную массу для уничтожения христианства в Европе» [Рид, 1993: 175].

Фактически его гневные тирады были направлены против евреев в целом. Он доказывал, что смысл Священного Писания был прямо противоположен тому, что там написано: якобы иудеи были не создателями, а отрицателями идеи единого Бога; якобы идея Бога перечеркивалась представлением о «господствующей расе», призванной его заменить; якобы заповеди были внесены в текст лишь для того, чтобы их отвергнуть; якобы, попадая в чужую страну, евреи сами искусственно объявляли себя «пленниками» и стремились к уничтожению местного населения и его религии. Автор был убежден в том, что в течение последнего столетия этим равным образом занимались и коммунисты, и сионисты.

Примечательно, что в книге, посвященной истории последних двух тысячелетий, не нашлось места даже для упоминаний о вековых гонениях, которым евреи подвергались в средневековой Европе. А о Холокосте там говорилось лишь то, что людские потери евреев в годы второй мировой войны были якобы чудовищным образом преувеличены сионистами, преследовавшими свои цели. Стоит ли говорить, что Рид неодобрительно относился к Нюрнбергскому процессу, называя его «местью талмудистов»? [Рид, 1993: 412–418]

Еврейского Бога автор называл не иначе, как «Богом расизма, ненависти и мести». Он настаивал на том, что жрецы устраивали «кровавые жертвоприношения», причем якобы вплоть до недавнего времени. Он, разумеется, демонизировал Талмуд, доказывая его «человеконенавистнический» характер. Жестокости инквизиции и колонизаторов он также приписывал евреям. Единственной миссией евреев в мире он называл разрушение всего, построенного другими. В этой связи он вспоминал об английской, французской и русской революциях, видя в них один и тот же «заговор секты талмудистов», и предупреждал о подготовке теми же силами «мировой революции». При этом он делал красноречивую оговорку об отсутствии каких-либо документов, подтверждавших участие евреев в английской и французской революциях [Рид, 1993: 115, 157].

То же самое относилось и к «Протоколам сионских мудрецов». Настаивая на их связи с «сионистами»,

Рид признавал, что никаких доказательств этому обнаружено не было [Рид, 1993: 207, 209, 211, 219]. Мало того, обращаясь к конкретным фактам, он соглашался с тем, что евреи вовсе не составляют какую-либо консолидированную массу. Ведь среди западных евреев было немало тех, кто не разделял взгляды сионистов, причем среди несогласных были и раввины, и евреи-ортодоксы, и просто «ассимилированные евреи». В довоенный период не собирались ехать в Палестину и советские евреи. Были среди несогласных и религиозные сионисты. Так рассыпался аргумент, выводящий «мировой заговор» напрямую из религиозного учения. Несмотря на все это, Рид упорно настаивал на том, что история развивается по плану, изложенному в «Протоколах». Но конкретных фактов того, что якобы «талмудический раввинат» руководил «еврейским заговором», он привести так и не смог.

В своих рассуждениях Рид опирался не на доказательную силу реальных фактов, а на сомнительные параллели между программой баварских иллюминатов⁸, «Протоколами сионских мудрецов», марксизмом и некоторыми положениями Пятикнижия Моисея, откуда он выводил идею разрушения всех нацио-

нальных государств и религий. Примечательно, что, противопоставляя христианство иудаизму как «светлую» силу «темной», Рид всеми силами пытался отрицать еврейское происхождение Иисуса Христа. Зато он неоднократно апеллировал к идеям Апокалипсиса и, в частности, вспоминал, что, поддерживая планы сионистов по организации «национального очага» в Палестине, некоторые западные политики считали, что следуют Писанию, предрекавшему возвращение евреев на историческую родину [Рид, 1993: 182, 189, 245, 268–270].

Книга Рида отличалась всеми особенностями, типичными для конспирологии. Ее автор придерживался откровенно метафизического подхода: он верил в неизменность социальной структуры и постоянство «национального характера». Допуская модернизацию, он писал о «племенном национализме». Описывая историю, начиная с глубокой древности, он ее актуализировал, постоянно проводя неправомерные параллели с современностью. Например, он заявлял, что «падение Вавилона и события наших дней после двух мировых войн столь разительно схожи между собой, что это сходство невозможно объяснить простой случайностью и, наоборот, нетрудно показать, что эти события были сознательно направлены. В XX в. народы Запада сознательно или бессознательно подчинялись не своему закону, а иудейскому, управляясь силой, которая руководила их правительствами» [Рид, 1993: 38]. И далее: «Прямая и основная линия причин и следствий тянется от падения Ва-

⁸ Орден иллюминатов, основанный Адамом Вейсхауптом (1748–1830), существовал в Баварии в 1776–1786 гг. и в своей деятельности ограничивался чисто теоретическими рассуждениями и сторонился насильственных методов. Он был разгромлен баварской полицией и с тех пор никогда не возрождался. Вопреки утверждениям многих современных конспирологов, этот орден не ладил с масонами. См. [Портер, 2007; Биберштейн, 2010: 79–88].

вилона к событиям нашего века» [Рид, 1993: 41]⁹.

Пытаясь сделать читателя своим единомышленником, Рид с необычайным упорством повторял одни и те же мысли и, прежде всего, то, что якобы иудаизм настраивал евреев на уничтожение всех остальных народов, причем по расовым причинам. Он верил не только в призрачное всемогущество евреев, но и в то, что, благодаря их тайной деятельности, мир в течение последних двадцати веков развивается по разработанной ими программе¹⁰. Стоит ли говорить, что его книгу отличали постоянные передергивания и искажения истории евреев, в которой он плохо разбирался? Однако еще хуже то, что он проводил жесткую селекцию исторических фактов и отбирал лишь то, что шло на пользу его априорной концепции, причем часто давал фактам свою интерпретацию, способную лишь вызвать улыбку у профессиональных историков. Мало того, что сам Рид стремился снять с Гитлера вину за развязывание Второй мировой войны, анонимный составитель примечаний к его книге делал все для подкрепления и усиления этих его аргументов. Кроме того, он обогащал их новыми фантазиями: если Рид вел историю «заговора» от иллюминатов, то он прибавлял к ним средневековых рыцарей-там-

плиеров¹¹, а также находил «тайные организации» среди современных клубов политиков и бизнесменов [Рид, 1993: 497]¹².

Одновременно с книгой Рида в России вышла брошюра Дж. К. Уорнера «Страна СОВ», из которой читатели узнавали, что в США установлена тайная «сионистская оккупационная власть»¹³, играющая беспрецедентную роль в СМИ, экономике, демографии, праве, культуре и политике. В частности, евреи обвинялись в развязывании мировых войн и убийствах «истинных патриотов», что трактовалось как «человеческие жертвоприношения». Им также ставилось в вину стимулирование массовой иммиграции якобы для нанесения ущерба «белой Америке» пу-

¹¹ Миф о тамплиерах, сложившийся в XVIII – начале XIX в., надолго стал классическим примером конспирологии и паранойи. Об этом см. [Partner, 1982; Bara, 2007].

¹² Примечательно, что ссылка давалась не на документы, а на художественный роман М. Дрюона! Действительно, легенда об участии тамплиеров в учреждении масонских орденов основана частично на фальшивках, а частично на художественном вымысле. Как писал Е.Б. Черняк, «ирония истории заключалась в том, что тамплиерская легенда, родившаяся как плод чисто дворянского мировоззрения (а также поиска алхимических тайн Востока) и превратившаяся в дополнительный причудливый реквизит собраний и красочных наименований высших степеней, впоследствии стала выдаваться за доказательство мнимых “разрушительных”, антимонархических и антикапиталистических замыслов ордена». См.: [Черняк, 1987: 65]. Об ордене тамплиеров и связанных с ними мифах см. также [Bara, 2007; Рейнольдс, 2007: 44–67].

¹³ Аббревиатура СОВ (Zionist Occupational Government) получила широкое распространение у американских ультраправых в последние десятилетия XX в. См. [Пайпс, 2008: 172–173].

⁹ Убедительную критику такого рода подхода еще в 1923 г. дал Д.С. Пасманик. См. [Пасманик, 1923].

¹⁰ Российский автор, не отличавшийся симпатиями к евреям, упрекнул Рида за преувеличение их исторической роли. Примечательно, что он усмотрел в этом «еврейский взгляд» и «рекламу антихристианским силам». См. [Василенко, 1993: 212–214].

тем экспорта преступности и СПИ-Да. Не забывал автор и религиозный фактор и со ссылкой на папу Бенедикта XV упрекал евреев как «носителей беззакония» в стремлении к созданию «всемирной республики». Надо ли говорить о том, что он отрицал нацистский Холокост, зато доказывал, что «сионисты» якобы проводят «расовый геноцид», способствуя уменьшению доли «белого населения» в мире [Уорнер, 1994]¹⁴? Издатели скромно назвали автора «бизнесменом», и действительно он занимался продажей книг. Но не было сказано о том, что речь шла о продаже литературы «белого национализма», т. е. расистской. Мало того, Уорнер был одним из основателей Американской нацистской партии, а затем главой праворадикальной Лиги по защите христианства. Он также входил в группу Ку-клукс-клана, руководимую американским неонацистом Дэвидом Дюком.

Еще большей известностью в США славился Юстас Маллинз (1923–2010), автор нескольких конспирологических книг с откровенным антисемитским подтекстом [Eustace Mullins, 2010]. Он был неутомимым критиком Федеральной резервной системы США, в которой видел плод «еврейского заговора», и с его подачи этот сюжет, правда, очищен-

ный от антиеврейских инвектив, стал одним из любимых у американской конспирологии.

В числе прочих праворадикальными издательствами были изданы книги американского экономиста Э. Саттона (1925–2002), попытавшегося выявить закулисную сторону мировой политики, связанную с интересами и деятельностью крупных финансистов. Он доказывал, что всей своей технологической и индустриальной мощи СССР был обязан помощи Запада, пришедшей, главным образом, из США. Другая его идея состояла в том, что якобы узкий круг мировой элиты стремится к построению «нового мирового порядка», при котором будет навсегда покончено с демократией и правами человека.

Эти идеи Саттон и развивал в своих популярных книгах. В одной из них, вышедшей в 1974 г. и посвященной революции 1917 г. в России, он доказывал, что, как он осторожно выражался, «некоторые международные банкиры» оказывали существенную помощь большевикам. Отвечая на вопрос о странном союзе большевиков и крупного капитала, он приводил парадоксальный довод о том, что обе стороны были заинтересованы в монополизме и тотальном контроле и тем самым были противниками индивидуальной свободы. И он выдвигал конспирологическую идею о том, что якобы революционеры и финансисты совместно задумали какую-то новую невиданную ранее мировую систему [Саттон, 1998]¹⁵.

¹⁵ В 2005 г. в том же издательстве «Русская идея» М. Назарова вышло второе издание книги.

¹⁴ Первое русское издание книги вышло в том же издательстве «Палей» в 1991 г. Издательство специализировалось на издании антизападной литературы, а также на прославлении диктаторских режимов исламистского Ирана, Саддама Хусейна, Сталина и, в особенности, Северной Кореи (к последнему приложил руку сам директор издательства Н. Мишин). Оно оказывало идеологическую поддержку КПРФ и выступало против рыночных реформ.

Существенно, что Саттон не сообразился идеей «международного еврейского заговора» и, опираясь на реальные документы, показал, что, например, известный банкир Я. Шифф был противником большевиков и поддерживал их врагов. Но издатель книги М. Назаров в своем пространном послесловии поспешил «исправить» этот недостаток. Он воспроизводил там расхожие стереотипы, рисуя всех евреев без исключения завзятыми материалистами, питающими неизбывную любовь к золоту и мечтающими о мировом господстве. Разумеется, не забыл он вписать в эти планы и масонов. Весь западный мир представлялся ему «масонско-демократическим». Свое послесловие Назаров закончил тривиальными рассуждениями об антихристе, путь которому якобы и открывает «масонская демократия», мечтающая окончательно погубить Россию как «удерживающего».

Разумеется, есть доля правды в том, что крупные бизнесмены опираются в своих действиях не на идеологию, а на прагматизм, и способны поддерживать режимы, чьи методы и взгляды они не разделяют, или же одновременно вести дела со сторонами, находящимися в войне друг с другом. Вполне можно поверить в то, что ряд американских и европейских бизнесменов видели в революции удачный момент для получения доступа к российским природным ресурсам (но для этого вовсе не обязательно было быть «противниками индивидуальной свободы»).

Однако книги Саттона были построены на догадках, опирающихся

не на строгие документальные подтверждения, а на отдельные вырванные из контекста сообщения людей разной компетенции, причем иной раз не допускающие однозначной трактовки. А некоторые его предположения и вовсе противоречат как имеющимся данным, так и его собственным рассуждениям. И вовсе не случайно серьезные американские специалисты обычно обходят его книги молчанием. Еще менее компетентными выглядят комментарии М. Назарова, добавляющие к рассуждениям Саттона новую порцию домыслов.

Другая книга Саттона, вышедшая в 1985 г., появилась в русском издании чуть ранее той, о которой шла речь. Она была прямо посвящена конспирологии, и в ней говорилось о масонском Ордене, который якобы и руководит основными событиями в мире [Саттон, 1995]. В начале 1990-х гг. в России, дезориентированной обрушением СССР, политико-экономическим кризисом и дискредитацией прежней идеологии, возник острый спрос на такого рода произведения. Ведь они обещали внести порядок в возникший хаос. Книга Саттона с лихвой оправдала эти ожидания, и неслучайно во введении к ней отмечалось, что «разоблачая тайны международного заговора, Саттон объективно защищает русские интересы». Действительно, автор доказывал, что мировыми событиями искусно манипулируют «международные банкиры» в целях создания «нового мирового порядка» во главе с «единым мировым правительством». Он раскрывал тайны некоего Ордена «Череп и кости», нашедшего

приют в Йельском университете. В книгах Саттона этот Орден фактически заменил «масонов», роль которых в XX в. резко снизилась. По Саттону, теперь именно Орден объединяет элиту, поддерживающую в своих тайных целях и «правые», и «левые» движения, чтобы в результате конфликта между ними прийти, наконец, к поставленной цели. Поэтому Орден стоит за всеми войнами и революциями. Для этого элита использует ряд тайных и явных международных организаций – Совет по международным отношениям, ООН, ЮНЕСКО, Общий рынок, Трехстороннюю комиссию. Той же цели служат ряд ведущих банков, торговых организаций, корпораций, юридических фирм. Как утверждал Саттон, вся эта финансовая и экономическая мощь была направлена на то, чтобы оказать действенную помощь как СССР, так и нацистской Германии, а затем их столкнуть, чтобы добиться исполнения своих тайных замыслов. По тому же сценарию Орденом были якобы созданы коммунистический Китай и социалистическая Ангола¹⁶.

Издатели книги дополнили ее рядом приложений, написанных русскими авторами, чтобы показать актуальность идей, высказанных Саттоном. Ведь с их помощью можно было самым простым образом объяснить всё, что угодно, – разрушение СССР и Югославии, войну в Чечне, создание «великого Тура-

на» и расширение НАТО на Восток. Правда, в отличие от Саттона, издатели не сочли нужным опустить масонский фактор – он им казался по-прежнему очень актуальным. Поэтому они включили в книгу обзор литературы по масонству, включая ряд печально известных антисемитских произведений.

Третья книга Саттона, вышедшая в США в 1995 г. и затем изданная в России, была посвящена деятельности частной Трехсторонней комиссии, созданной в 1973 г. банкиром Д. Рокфеллером и политологом З. Бжезинским из нескольких сотен представителей элит США, Западной Европы и Японии [Саттон, 2002]. Члены Комиссии хорошо понимали, что в условиях глобализации господство транснациональных корпораций резко снижает возможности проведения какой-либо независимой национальной политики и сужает рамки компетенции отдельных правительств. Поэтому они и пытались выработать рекомендации по проведению политики в новых условиях. Но, по мнению Саттона, это шло вразрез с интересами американских граждан. Он пытался доказать, что, будучи закрытым клубом, Комиссия служила механизмом установления «нового мирового порядка», пытаясь с помощью аналитических докладов воздействовать на политиков, прежде всего американских. Он публиковал пространный список американских университетов и фондов, а также ведущих информационных изданий, сотрудники которых были связаны с Трехсторонней комиссией. Входили в нее также некоторые члены американского правитель-

¹⁶ О более правдоподобной роли этого Ордена, который объединял группу студентов Йельского университета и готовил американскую элиту, см. [Рейнольдс, 2007: 256–287].

ства, сенаторы и конгрессмены, из чего Саттон делал вывод, что комиссия не только занимается аналитической работой, но и реально осуществляет внедрение своих наработок в практику. В последнем издании этой книги доказывалось, что и президент Клинтон служил «новому мировому порядку». Иными словами, в устах Саттона Комиссия превращалась в некий орган глобальной власти и глобального контроля. Саттон утверждал, что, помимо рассмотренной Комиссии, в построении «нового мирового порядка» тайно участвовали и другие организации, среди которых он называл Королевский институт по международным делам в Лондоне и Совет по международным отношениям в США, а также, разумеется, Орден «Череп и кости».

Эту книгу Саттона российские издатели также снабдили приложениями, призванными показать, какое место в этих политических хитросплетениях играет Россия. Подборка венчалась утверждением о том, что «новый мировой порядок» является ничем иным, как «зданием антихриста».

Примечательно, что две из рассмотренных книг Саттона вышли в переводе и с предисловиями П. Тулаева, известного неоязычника, любителя арийской идеи и яркого сторонника «белого интернационала»¹⁷. Обе они вышли под редакцией праворадикального журналиста, основателя издательства «ФЭРИ-В» И. Дьякова. Все это дает представление о том,

кто именно испытывает жгучий интерес к такой литературе.

В 1985 г. в США вышла книга борца с масонами и тайными обществами, политолога и писателя Э. Р. Эпперсона «Невидимая рука», где история показывалась процессом, искусно направляемым некими заговорщиками с целью достижения мирового господства. Автор был связан как с Р. Уэлчем (1899–1985), основателем праворадикального Общества Джона Берча, так и с креационистами. Его книга моментально стала бестселлером и была более десятка раз переиздана. Заметили ее и в России, где в 1996 г. появилось русское издание [Эпперсон, 1996], вышедшее по инициативе Внутреннего предиктора СССР, группы коммунистов-неоязычников (КОБР), к тому времени уже известных своими замысловатыми конспирологическими построениями [Мороз, 2005; Шнирельман, 2012а: 161–163]. Во введении к книге было отмечено, что американские политологи ее проигнорировали. Однако самим издателям она показалась поучительной, ибо давала «альтернативный взгляд» на историю, показывая ее не игрушкой в руках слепых экономических и политических сил, а продуктом целенаправленной деятельности конкретных людей. Впрочем, увидели они и слабость книги, которая, на их взгляд, заключалась в том, что автор обошел вниманием «предысторию библейской цивилизации», которой сами они придавали основополагающее значение, обнаруживая именно там ключ к пониманию «заговора» [Шнирельман, 2012б: 129–131, 202–203]. Тем не менее,

¹⁷ О нем см. [Шнирельман, 2011. Т. 2: 232, 234].

«взгляд на историю как на заговор», а не на случайность, издателям, безусловно, понравился. Больше всего им пришлось по вкусу мысль о связи заговора с «финансовой тиранией мировых банкиров на основе ссудного процента», корни чего сами они обнаруживали в Ветхом Завете.

Действительно, Эпперсон разоблачал планы построения «нового мирового порядка», образования «мирового правительства» и концентрации власти в руках небольшой, но могущественной группы людей, стремящихся втайне управлять миром. Он утверждал, что власть развращает, и стремился выступать против этого, опираясь на христианскую мораль. Путеводной звездой ему служили основатели конспирологической школы — Н. Уэбстер [Webster, 1921] и К. Квигли [Quigley, 1966], чьи построения сделались образцом для многих их последователей и подражателей. Примечательно, что, отстаивая права человека, свободное предпринимательство и принципы частной собственности, Эпперсон считал целью заговора построение коммунизма. Он понимал его как жесткую диктатуру, допускающую любую монополию, что, на его взгляд, делало такой строй привлекательным для богатейших людей мира. Именно поэтому коммунизм виделся ему «заговором богатых», прикрытием неких тайных обществ, начиная с Ордена иллюминатов.

Иллюминаты страшили богобоязненного Эпперсона, ибо они превозносили разум и отстаивали способность человека самостоятельно навести порядок на Земле. Он и сам

высоко ценил свободу, но не мыслил ее без Бога. Ему не нравился призыв иллюминатов к единству человечества под эгидой мирового правительства, ибо это разрушало национальные государства. Он был убежден в том, что иллюминаты принимали участие в Великой французской революции и других подобных переворотах, и это его пугало. Коммунизм приводил его в трепет, и он зачислял К. Маркса в секту сатанистов, а корни «Союза коммунистов» искал у тех же иллюминатов, впрочем, не приводя в пользу этого никаких доказательств.

Методика автора раскрывается на примере его трактовки деятельности большевиков и революции 1917 г. в России — он пользовался сомнительными источниками, прибегал к необоснованным домыслам и распространял недостоверную информацию, чтобы доказать, в частности, всемерную помощь большевикам со стороны американского правительства и американских банкиров. Так, вопреки фактам, он заявлял, что РСДРП была создана Лениным и Троцким в 1895 г., что якобы Ленин начал революцию 1 мая 1905 г. в связи с годовщиной основания Ордена иллюминатов. Он также возрождал миф о большом участии масонов в русской революции, утверждая, что «правительство Керенского служило временным прикрытием для большевиков», доказывал (со ссылкой на некоего полковника М. Голоневского, выдававшего себя за выжившего царевича), что царская семья не была убита, а благополучно переехала в Европу. Он настаивал на том, что за деятельностью боль-

шевики якобы стояло Фабианское общество и т.д. Наконец, со ссылкой на сенсационную книгу американского автора он называл Генри Киссинджера «советским агентом». Аналогичным был и его анализ кубинской революции и Карибского кризиса 1962 г. Когда автор доходил до самой сути «заговора», речь его становилась вялой, неуверенной; он прибегал к таким терминам как «очевидно», «вероятно». Ничего твердо доказать он не мог.

Подобно Саттону, Эпперсон верил в «заговор международных банкиров» и считал, что его можно обнаружить только методами «альтернативной истории». Он не признавал профессиональных историков и всецело доверялся «историкам-ревизионистам», которые, на его взгляд, ищут «подлинные причины исторических событий», изучая источники, «скрытые от широкой общественности». Он доказывал, что американская революция была осуществлена масонами, которые с тех пор получили в США значительное влияние, и многие президенты были членами лож. Однако, описывая последующие события, он, похоже, в конец запутался в том, кого следует винить в инфляции и депрессии — банкиров или иллюминатов. Тем не менее, он оставался в убеждении, что над Америкой нависла масонская угроза, от которой следует постоянно защищаться. Дошло дело и до Ротшильдов, которые, захватив финансовые рычаги в ведущих странах Европы, якобы умело управляли действиями национальных правительств. Якобы и гражданская война в США была тайно спровоцирована банкирами. Если

верить автору, то речь шла не столько о столкновении Севера с Югом, сколько о борьбе президента Линкольна с международными банкирами, которую тот, по сути, проиграл.

В последующем изложении банкиры то и дело оказываются масонами, а масоны — банкирами, и все вместе постепенно захватывают контроль над мировыми финансами. Для этого якобы создается Федеральная резервная система, вводится прогрессивный подоходный налог, а также организуются биржевые паники и великая депрессия, в результате чего народ разоряется, а банкиры богатеют.

Эпперсон давал в своей книге список обществ, которые, по его словам, подготавливали приход социализма и вместе с ним мирового правительства. В списке значились Фонд Сесилия Родса, Фабианское общество, Лондонская школа экономики, Совет по международным отношениям, Орден «Череп и кости», Бильдербергский клуб, Международный институт тихоокеанских проблем, Трехсторонняя комиссия, многочисленные частные фонды и даже Национальный совет церквей и Вселенский церковный совет. Особую роль Эпперсон отводил масонству, которое якобы хочет быть «властителями хозяев мира». Для этой цели якобы вводилось «управление рождаемостью». Стоит ли говорить, что в поисках тайных пружин обеих мировых войн Эпперсон и там обнаруживал «невидимую руку»?

При этом речь шла не просто о «новом мировом порядке», а о порядке

«коммунистическом» в том смысле, что «мировое правительство» получало контроль над всем населением мира, и при этом власть доставалась узкой группе богатых и влиятельных людей. Именно так Эпперсон представлял себе «коммунизм». Вслед за Саттоном он утверждал, что США постоянно помогали «коммунистической России» восстанавливать и развивать промышленность, в чем и следует видеть «заговор». Неудивительно, что он разделял все подозрения сенатора Маккарти и оправдывал его «расследования». Примечательно, что в доказательство своих идей он не раз ссылаясь на рассуждения, взятые из художественной прозы. Не брезговал он и фальшивками. Например, он пользовался текстом «Дюссельдорфских правил для Революции», якобы найденных в Дюссельдорфе сразу после Первой мировой войны. По своему духу эти правила чем-то напоминали «Протоколы сионских мудрецов». Кроме того, многие данные он брал из изданий праворадикального Общества Джона Берча.

Под конец Эпперсон не находил ничего лучше, чем пропагандировать креационизм, доказывать несовершенство теории эволюции и выступать против преподавания «светского гуманизма» в школе. Он не только делал из этого вывод о «заговоре ученых», но и называл их «верными последователями дьявола». Это, разумеется, помогает понять особенности мышления автора и его мотивы. Похоже, над ним довлело представление о «последних временах», и он с горечью заявлял, что идея мирового прави-

тельства, лишаящего людей основных привязанностей, включая традиционную религиозность, близка к осуществлению. И если мистик Сергей Нилус когда-то заявлял: «Близ есть при дверях», то Эпперсон вещал: «Новый Международный Порядок уже рядом». Правда, Эпперсон писал не об антихристе, а о «коммунистическом заговоре», в который плавно перешли «заговор банкиров» и «заговор масонов». Он предупреждал, что этот «заговор» мог реализоваться во второй половине 1980-х гг.

Еще одна книга вышла из-под пера южноафриканского журналиста-рассиста А. Бенсона (1907–1993), и ее русский перевод был издан газетой «Русский вестник» в 2001 г. [Бенсон, 2001]¹⁸. Примечательно, что первое издание книги публиковалось в известном американском ревизионистском издательстве журнала «Барнз ревью», а предисловие к ней написал основатель этого журнала, патриарх американского антисемитизма Уиллис Карто, создатель и бессменный глава антисемитского «Лобби за Свободу». Бенсон всемерно использовал идею Саттона о циничном союзе денег и политики, но, если Саттон мало интересовался этническим происхождением банкиров и даже отмежевывался от антисемитизма, то Бенсон спешил его поправить, подчеркивая, что все финансовое могущество на-

¹⁸ Примечательно, что, будучи близким другом Д. Рида, именно Бенсон написал предисловие к русскому изданию его книги, доказывая его правоту. Вслед за Ридом он верил во всемогущие «талмудического сионизма» и доказывал, что после 1956 г. события в мире развивались именно так, как об этом писал Рид.

ходится в руках евреев. При этом он заранее отводил обвинение в антисемитизме и отмечал, что его критика направлена не против евреев, а против сионистов с их упрямым «сепаратизмом», препятствующим ассимиляции евреев [Бенсон, 2001: 14–15].

Между тем, далее автор писал именно о евреях, исходя из сложившихся стереотипов, — он подчеркивал страсть евреев к финансовым операциям и «златолюбие», их групповую сплоченность и взаимовыручку, а также «особый менталитет». И во все не случайно свое повествование он начинал с обсуждения пьесы Шекспира «Венецианский купец», где все эти стереотипы ярко обозначены. Тем самым, подчеркнув необычайную «расовую сплоченность» евреев, автор логически выводил из этого их якобы естественную ненависть к окружающему большинству, угрожающему их единству. Сам же он, следуя Риду, спешил развеять их веру в единство своего происхождения и утверждал, что лишь малая их часть может претендовать на связь с древними израильтянами, тогда как большинство имеют тюркские (хазарские) корни.

Затем со ссылкой на известную книгу английского журналиста-антисемита Р. Уилтона (1868–1925)¹⁹ он доказывал, что евреи не только совершили «русскую революцию» и убили царя, но и осуществляли «геноцид русского народа». А после Второй мировой войны они якобы мечтали перенести эту практику

¹⁹ Британский исследователь назвал эту книгу «антисемитским мусором». См. [Стар, 2002: 55].

на весь остальной мир в виде «нового мирового порядка». При этом, соглашаясь, что у коммунистов и сионистов были совершенно разные цели, Бенсон, тем не менее, настаивал на том, что якобы ими руководят из единого центра.

Так наступала очередь конспирологических построений. Высоко ценя работы Саттона, Бенсон пытался внести коррективы в его построения. Он доказывал, что в XIX в. финансовая олигархия, которая тогда только возникла, не имела отношения к евреям. Но в XX в. ей якобы пришлось, хотя и не без сопротивления, подчиниться международным финансистам, представленным евреями, мечтающими об установлении «нового мирового порядка», где не будет никаких наций и культур, кроме их собственной.

Разоблачив цели «международного еврейства», Бенсон, наконец, переходил к вопросу о расе. Он придавал ей основополагающее значение и сетовал на то, что господствующая власть не заинтересована в изучении ее политической роли. Впрочем, его интересовал не столько вопрос о расе как каком-либо общем феномене, сколько о расе в применении к евреям. Для оценки его стиля мышления показательным, что он, с одной стороны, отрицал наличие какой-либо особой «еврейской расы», но, с другой, приписывал евреям «сильные расовые характеристики». Он также соглашался с американским конспирологом К. Квигли в том, что вся финансовая деятельность веками находилась в руках евреев, и тут же, как мы видели, утверждал, что финансовая

олигархия в XIX в. не была еврейской. Таких противоречий в его книге немало, ибо овладевшая им идея требовала любых аргументов, даже если они расходились с логикой и фактами. Так, он утверждал, что речь шла о конфликте между индустриальным («европейцы») и банковским («евреи») бизнесом. Якобы первый поддерживал ультраправых, в том числе фашистов, а второй — левых. Но в книгах того же Саттона было убедительно показано, что и те, и другие олигархи нередко находили возможным цинично поддерживать обе стороны, чтобы сохранить хорошие отношения с будущим победителем. Тем не менее, именно эту борьбу двух олигархических групп Бенсон предпочитал описывать как борьбу нацистов с сионистами, или, иначе, борьбу «цивилизованного Запада» против «чужеродного засилья» [Бенсон, 2001: 117–119]²⁰. Стоит ли говорить, что его симпатии были на стороне первого, который для него ассоциировался с Гитлером?

Что же касается понятия «антисемитизм», то, не считая евреев семитами, Бенсон находил его лишеным смысла. Зато он видел в нем психологическое оружие, призванное помешать народам Запада сопротивляться «новому мировому порядку». Для демонстрации коварства «чужаков», он, разумеется, ссылаясь на «Протоколы сионских мудрецов». Он заявлял, что своим нежеланием ассимилироваться и открыто проявляя «расизм», евреи сами вы-

зывают враждебность у окружающих народов. Обвинив евреев, он набрасывался на ученых, выступавших против расизма, и защищал расистский тезис о том, что расы якобы различаются своими умственными способностями. Не удивительно, что он также выступал против «мифа о Холокосте». Примечательно, что, подтверждая свою веру в особенность «расового менталитета», противников расизма он отождествлял с евреями, а защитников — с неевреями. Иными словами, спорам о научных и моральных проблемах он придавал расовый смысл. Борцов с расистским режимом в ЮАР он тоже отождествлял с евреями и оправдывал репрессивные меры против них стремлением к «наведению порядка». Наконец, все основные поворотные моменты XX в. — революцию 1917 г., Вторую мировую войну, распад колониальной системы, создание ООН и пр. — он рассматривал как результаты тайной подрывной деятельности евреев против «европейской цивилизации». Он предсказывал, что рано или поздно народы прозреют и произойдет «катастрофа беспрецедентного масштаба». Якобы, чтобы не допустить этого, евреи провели через ООН Конвенцию о геноциде. Бенсон не упоминал Апокалипсиса, но все его пророчества, связанные с деятельностью тайных сил, с их стремлением к мировому господству и с будущей мировой катастрофой, хорошо вписывались в эсхатологическую картину мира, выработанную в рамках христианства.

Почти одновременно с книгой Бенсона в скандально известном издательстве «Витязь» вышла книга

²⁰ Примечательно, что книга Бенсона получила высокую оценку у публициста и президента Фонда национальных перспектив России Ю. Козенкова. См. [Козенков, 2005: 397].

Дж. Коулмена²¹ «Комитет 300» [Коулман, 2000]. Ее автор называет себя бывшим кадровым офицером британской разведки МИ-6, когда-то работавшим в Анголе. С 1969 г. он живет в США и, по его словам, отслеживает тайную жизнь мировых олигархических сообществ. Все это отражается в его публицистике, разоблачающей «мировой заговор». Данная книга была опубликована в Англии в 1992 г. В ней не говорилось об Апокалипсисе, но этот недочет был исправлен переводчиком во введении, где суть книги толковалась как выступление против «враждебных человечеству сил», мечтающих о «порабощении людей во всемирном масштабе» путем введения глобального управления и установления системы тотального контроля. Там говорилось также о том, что якобы Западное общество уже попало под контроль тайных организаций, руководимых из одного центра. Якобы именно в этом состоит цель «демократии» — вот почему русским патриотам следует ее, безусловно, отвергнуть.

Что же привлекло переводчика в этой книге? Коулмен утверждал, что еще со студенческих лет интересовался деятельностью закрытых или полужакрытых обществ, среди которых были «Тавистокский институт человеческих отношений», «Королевский институт международных дел», «Совет по международным отношениям», «Бильдербергский клуб», «Трехсторонняя комиссия», сионисты, масонство и «большевизм-розенкрейцерство»,

²¹ Переводчики ошибочно транскрибировали фамилию автора, назвав его Колеманом.

а также «Орден Св. Иоанна Иерусалимского», «Римский клуб», «Германский фонд Маршалла», «Фонд Чини», «Круглый стол», «Фабианское общество», «Венецианская Черная аристократия», «Общество Монт Пелерин», «Клуб адского пламени» и многие другие. Якобы все они обслуживают некий тайный «Комитет 300», созданный еще в 1897 г.²² Правда, позднее автор эту дату забывал и доказывал, что Комитет существует не менее 200 лет. Коулмен утверждал, что ставил своей целью разоблачение тайного правительства, управляющего Великобританией и США. Но временами он и об этом забывал и заявлял, что Великобритания сама управляла Соединенными Штатами через «Комитет 300»²³. А в конце книги оказывалось, что сам «Комитет 300» находится под контролем британского монарха.

Коулмен давал детальную характеристику деятельности организаций, входивших в «Комитет 300», и списки их членов. Все это было призвано создать у наивного читателя впечатление достоверности и конкретности. Примечательно, что автор приписывал большинству этих организаций левые настроения и социалистические идеи, а одной из их задач называл борьбу с правыми. Выходило, что якобы

²² В этом отразилось странное смешение высказанного В. Ратенау в 1909 г. соображения о том, что якобы Европой правят 300 человек, и информации о Первом сионистском конгрессе, происходившем в Базеле в 1897 г.

²³ Это звучит особенно пикантно после разоблачений Эд. Сноудена, показавшего, что именно американские спецслужбы ведут слежку как за своим собственным населением, так и за населением Европы, включая Англию.

именно левые заинтересованы в построении «нового мирового порядка» и установлении «мирового правительства». В то же время автор называл врагом США «либеральный истеблишмент» восточного побережья, где якобы и находится «иерархия заговорщиков». Он вменял им в вину большевистскую революцию и последующий террор в России, развязывание обеих мировых войн, последующие бесчисленные войны и революции во всем мире и даже разгул уличных банд в Нью-Йорке в 1950-х гг. Якобы молодежные субкультуры с рок-музыкой и наркотиками тоже были результатом этого тайного заговора, «заговора Водолея». Стоит ли удивляться словам автора о том, что «Комитет 300» развалил в 1991 г. СССР и одновременно создал Европейский Союз?

Коулмен уверял, что впервые опубликовал результаты своего расследования в 1981 г., но тогда речь шла исключительно о «Римском клубе» как инструменте «Комитета 300». Однако на самом деле его амбиции шли много дальше, и его книга начинается рассуждениями о «заговоре против Бога и человека», который осуществляется «новым мировым порядком» и «мировым правительством» с целью порабощения всех обитателей планеты. Якобы речь идет о внешне вполне благопристойных людях, парламентариях и членах национальных правительств, но, как утверждал автор, под внешней благопристойностью скрываются «чудовища», связанные, разумеется, с «масонами» и «иллюминатами». А все свои идеи «Комитет 300» черпал, по словам автора, из дьявольских культов.

Автор утверждал (правда, без лишних доказательств), что «единое мировое правительство» существует уже сотни лет. Он предупреждал, что готовится массовое истребление людей ради сокращения населения планеты до численности, нужной тайным властителям. Параллельно осуществляются подрыв христианской морали, ослабление и упразднение национальных государств, устранение противящихся этому лидеров, введение единой религии, установление тотального контроля над людьми, проведение деиндустриализации и сокращение научных исследований, пропаганда наркотиков и порнографии, ведение локальных войн для сокращения народонаселения, подготовка мира к приходу диктатора и т.д. Не была забыта и тема «сионизма»: по утверждению автора, происходит «усиление сионистского государства Израиль посредством идентификации приверженцев культа с евреями через миф о «боготранском народе», а также путем значительных денежных пожертвований».

Якобы все это входит в замыслы мировой элиты, собравшейся в «Комитете 300» и являющейся «наследниками иллюминатов». Именно в них автор видел «пятую колонну» и именно их называл врагами Соединенных Штатов. При этом для него «внутренний враг» был много опаснее любого внешнего. Он также доказывал, что многие локальные войны, в частности, Фолклендская, были развязаны по инициативе «Комитета 300». Якобы тот занимается свержением отдельных правителей и возведением во власть дру-

гих, а также решает, каким странам позволить развиваться, а каким нет. Автор заявлял, что против США уже давно ведется невидимая информационная война с целью промывки мозгов и изменения «американского образа жизни», и это тоже осуществляет «Комитет 300». Коулмена также пугала неограниченная иммиграция, с которой он связывал наплыв «чужаков» и «раскол единой христианской нации». Он с ужасом ожидал, что они «подавят Белую Америку», и сожалел, что «расовая гордость» больше не поощряется.

Особое значение он придавал «Круглому столу», учрежденному Сесилем Родсом (1853–1902) в Южной Африке при поддержке Ротшильдов. Якобы с его помощью «Комитет 300» установил финансовый контроль над всем миром. Фантазия автора разгоралась настолько, что он смешивал в кучу аристократов, финансистов, масонов, коммунистов, журналистов, британских разведчиков и даже европейских монархов, — якобы все они вместе работали ради одной зловещей цели. И перо автора сводило вместе людей, которые иначе никогда бы не встретились, например, респектабельного американского политика Г. Киссинджера и лингвиста-левака Наума Хомского. Он также утверждал, что «Комитет 300» держал под контролем президентов США и убивал их или заставлял уйти со скандалом, если они не подчинялись.

Нередко автор описывал реальные факты, но искажал их по своему усмотрению и давал им фантастическое объяснение, чтобы они укладывались в его концепцию.

Достаточно упомянуть, что, по его словам, польская оппозиционная организация «Солидарность» была якобы создана З. Бжезинским из «потомков евреев-большевиков из Одессы». Он также заявлял, что Антидиффамационная Лига напрямую управляется британской разведкой, и что под покровом АДЛ находится «группа бесстрашных антисемитов». Он настаивал на том, что якобы именно британская разведка готовила Хомейни к захвату власти в Иране. Он упоминал и якобы находящийся в Брюсселе гигантский компьютер с кодовым названием «666»²⁴, который фигурирует во многих современных эсхатологических построениях. Коулмен утверждал, что при «мировом правительстве» люди утратят свою идентичность и на них будут нанесены индивидуальные номера. Не была забыта и Россия, и автор утверждал, что Б. Ельцин превратил ее в экспериментальную площадку, где отработывались советы «Комитета 300». Впрочем, автор признавал, что многие из приведенных в книге фактов подтвердить невозможно, так как они якобы были взяты из закрытых разведывательных источников.

Другой американский автор С. Сора предпочел сфокусироваться на масонах. Русское название его книги «Тайные общества, которые правят миром» искажает его замысел, ибо в оригинале книга называлась «Тайные общества американской элиты». Действительно, она

²⁴ Примечательно, что книга Коулмена была издана в России на волне кампании протестов против введения ИНН. Подробно об этой кампании см.: [Верховский, 2003: 77–94].

была почти целиком посвящена истории американского масонства [Сора, 2008]. Правда, автор делал экскурс в историю «Ордена тамплиеров», послужившего, по его мнению, основой для развития мирового масонства. Это утверждение, оставшееся на его совести, он дополнял не менее сомнительными рассуждениями о том, что якобы остатки тамплиеров расселились по Европе и в течение нескольких столетий действовали в подполье, ухитрившись при этом учредить банки в Швейцарии²⁵.

Однако основное содержание книги сводилось к тому, как масоны добились власти и богатства в США, играя там роль «скрытой элиты». Сора показывал, что эта роль была неоднозначной. С одной стороны, масоны участвовали в войне за независимость (при этом в обоих лагерях), в составлении американской Конституции и в строительстве новой столицы. Но с другой, они поддерживали пиратов, активно занимались работоторговлей, а затем — торговлей наркотиками. Они же стояли у основ Ку-клукс-клана, и на их совести было убийство нескольких президентов США. Наконец, автор не забыл напомнить об Ордене «Череп и кости», через который, по его словам, прошли многие представители американской элиты. Короче говоря, книга раскрывала сложный путь американского масонства, но она не являлась обвинительным документом. И никакой речи о мировом господстве в ней не было.

В России была также издана книга французского публициста Анри Костона (1910–2001). Хотя во Франции она вышла еще в 1955 г., до русского читателя она дошла лишь в 2007 г. В ней речь шла о финансовых спекуляциях и денежно-кредитных махинациях, к которым веками прибегали известные банкиры для наращивания своих капиталов [Костон, 2007]. Автор критически относился как к капитализму, так и к коммунизму. Ему милее были «монархия божественного права» и «христианские принципы порядка», при которых якобы король в союзе с народом умерял аппетиты крупных феодалов. Если же речь шла о крупном капитале, то автор отдавал дань уважения промышленникам, связанным с нацией и территорией, и осуждал финансистов-космополитов. Впрочем, капитализм, на его взгляд, подерживали только «вольтерьянцы, протестанты и евреи».

На первый взгляд книга была незатейливой попыткой осветить историю формирования финансового капитала и его место в мире, а также проследить жизненный путь его наиболее видных представителей. Однако внимательный анализ книги показывает, что интерес автора к этому не сводился. С первых же страницы он раскрывал свое кредо, цитируя известных вождей французских ультраправых Эдуара Дрюмона (1844–1917) и Шарля Морраса (1868–1952). Действительно, не занимаясь глубоким экономическим и политическим анализом и во многом следуя рассуждениям своих кумиров, автор скрупулезно изучал генеалогии крупных финансистов, выискивая там «еврейский след». Он пытался показать,

²⁵ Миф о тамплиерах и их роли в мировых процессах на протяжении истории основан на фальшивках. Об этом см.: [Пайпс, 2008: 63, 88–89].

что, заправляя финансами еще в эпоху раннего средневековья, еврейские «денежные воротилы» целенаправленно и неустанно готовили почву для мирового господства своих далеких потомков и продолжателей. Он, разумеется, не мог обойти вниманием семейство Ротшильдов, называя их истинными «королями Европы». При этом, подчеркивая периоды «засилья евреев» в отдельных регионах в отдельные эпохи, он обходил полным молчанием нацистский геноцид и не только не произносил ни слова критики в адрес режима Виши, но даже одобрял маршала Петена, якобы выступившего против «эгоистического капитализма». Об охоте на французских евреев и отправке их в лагеря смерти Костон, разумеется, умалчивал. Его много больше интересовали капиталы еврейских банкиров, которым удалось спастись от гибели.

Пытаясь представить себя беспристрастным историком, Костон временами не мог сдерживать эмоции и клеймил позором революцию 1789 г. за то, что она сделала Францию легкой добычей «денежных дельцов». Стоит ли говорить, что в пороках современного мира он, наряду с евреями, винил масонов? Даже попытку восстания против коллаборационистского режима Виши в 1941 г. он осуждал как «заговор масонов». А то, что некоторые финансисты выжили и либо оказывали финансовую поддержку движению сопротивления, либо лично в нем участвовали, вызывало у него досаду – ведь этим они якобы служили «иудейско-британским интересам». Мало того, он обвинял еврейских банкиров в симпатии к марксизму

и поддержке русской революции, а позднее – в оказании помощи СССР. Правда, затем он все же уточнял, что речь шла исключительно об интересах бизнеса, определявшего ту или иную позицию финансистов. Тем не менее, он верил в союз международных финансистов с коммунистами, и его книга заканчивалась утверждением о том, что суперкапитализм являлся «предвестником большевизма», так как уничтожал традиционную экономику и христианство [Костон, 2007: 289–290].

Показательно, что Костон отрицал антисемитизм позднесталинского режима. Он пытался доказать, что за этими «наветами» стояли американские евреи, якобы стремившиеся тем самым снять с себя вину за бывшее сотрудничество с большевиками. Поэтому он утверждал, что за кампаниями против коммунистических лидеров Восточной Европы стоял якобы не Сталин, а ЦРУ (!). Наконец, его раздражало появление на карте мира государства Израиль, и он видел в этом заговор «финансистов, которые правят миром». Он лишь надеялся на то, что в окружении арабов Израиль долго не протянет.

Пожалуй, единственным крупным промышленником, которого Костон искренне уважал, был американский автомобильный магнат Генри Форд (1863–1947), сохранивший свою независимость от финансовых воротил. Ненависть к ним сделала его антисемитом, и Костон, похоже, разделял эти чувства. Сожалея о том, что под давлением финансистов Форд принес извинения евреям, он хотел думать, что в этом

поступке было мало искренности, что, разумеется, соответствовало истине. Обличая евреев-финансистов в том, что они наживались на войнах, он всеми силами подчеркивал «миролюбие» Форда, не упоминая лишь о том, что тот оказывал помощь обеим воюющим сторонам, получая за это огромные барыши.

Издатель книги представлял Костона респектабельным критиком «акул капитализма» и всеми силами пытался защитить его от обвинений в антисемитизме [Фурсов, 2007: 7–8]. Он не говорил лишь о том, что в молодости Костон был членом праворадикального движения «Аксон франсэз» Шарля Моррасса и большим поклонником творчества патриарха французского антисемитизма Эдуара Дрюмона. В 1928 г. он учредил периодическое издание «Контрреволюционер», где с монархических позиций выступал против коммунистов, евреев и масонов. В 1930-х гг. он был редактором антисемитской газеты «La Libre Parole», основанной Дрюмоном в 1890 г. Тогда же он основал движение «Антиеврейская молодежь», ставившее своей целью вытеснение евреев из жизни Франции. В середине 1930-х гг. он сотрудничал с нацистским издателем Ульрихом Флейшхауэром (1876–1960), пропагандистом «Протоколов сионских мудрецов» и участником Бернского процесса с нацистской стороны. Во время Второй мировой войны Костон сотрудничал с режимом Виши, входил в фашистскую Народную французскую партию Жака Друа (1898–1945) и был вице-президентом «Ассоциации антиеврейских

журналистов»²⁶. В те годы он возглавлял «Центр по сбору и изучению расовых проблем» и занимался антиеврейской и антимасонской пропагандой. Он был одним из авторов брошюры «Я вас ненавижу», где восхвалял концентрационные лагеря. После войны его осудили за коллаборационизм на пожизненные каторжные работы, но через пять лет он был освобожден по болезни. Вот чем объясняется сравнительно умеренный тон рассмотренной выше книги, написанной Костоном сразу же после освобождения из-под стражи. Позднее он сотрудничал с праворадикальной прессой и поддерживал Национальный фронт Ле Пена. Вплоть до самой смерти он продолжал заниматься антиеврейской и антимасонской публицистикой, хотя и в слегка завуалированной форме, часто выступая под разными псевдонимами.

Поэтому вовсе не удивительно, что рассуждения Костона вызвали восторг у современного русского праворадикального журнала «Золотой лев», где, полностью искажая смысл фашизма, это понятие было перенесено на неких «разрушителей национальной государственности» и подано как «демофашизм», отставляющий права человека²⁷. Стремясь манипулировать читателем, редакция журнала, вопреки Костону, порицала режим Виши, умалчивая, правда, о том, что он-то и представлял собой французскую разно-

²⁶ О деятельности Костона в 1930–1940-х гг. и его связях с нацистами, а также о его послевоенной антисемитской деятельности см., напр. [Тагиефф, 2011: 97–107, 355–356].

²⁷ [http://www.zlev.ru/56_16.htm]

видность фашизма, где ни о каких правах человека речи не было.

Упоминания заслуживает и книга британского журналиста Н. Хаггера «Синдикат», вышедшая в России в 2009 г. [Хаггер, 2009] Подхватывая эстафетную палочку, полученную от предшественников, которые частью уже упоминались (в особенности Квигли, Саттон и Коулмен), Хаггер тоже писал о формировании и действиях так называемого мирового правительства в течение последних 200 лет. Перечисляя все те же «тайные организации» (Бильдербергский клуб, Федеральная резервная система, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб и пр.), он считал их инструментами мирового заговора олигархов, объединяя их всех под названием «Синдикат». Примечательно, что к той же категории он относил и ряд социалистических по духу организаций.

Большую часть книги (более двух третей ее объема) Хаггер посвятил событиям последних 25 лет, доказывая, что распад СССР и Югославии, войны в Чечне, на Балканах и в Ираке, борьба с исламским терроризмом – все это было спланировано и осуществлено деятелями «Синдиката» с целью захвата нефтяных ресурсов и переустройства мира. В руководители «Синдиката» он «назначил» два богатейших семейства, Ротшильдов и Рокфеллеров, которые частью соперничали друг с другом, но частью сотрудничали ради обретения власти над миром: «Семейства Рокфеллера и Ротшильда стоят за рядом революций, призванных приблизить установление Нового мирового порядка» [Хаг-

гер, 2009: 153]. Одновременно он связывал их с масонами и другими эзотерическими обществами и доказывал, что те играли важную роль в организации войн и революций. Разумеется, он не винил во всем этом одних лишь евреев, подчеркивая немецкое происхождение Рокфеллеров. Однако, связывая Майера Амшеля Ротшильда с баварскими иллиуминатами и подчеркивая роль Ротшильдов и масонов в революциях XIX – начала XX в., он недвусмысленно давал читателю понять, что без «жидо-масонского заговора» дело не обошлось, хотя он и избегал такой терминологии. Зато он писал, что якобы Ротшильды находятся в основе масонской пирамиды [Хаггер, 2009: 275]. О взглядах автора говорит и тот факт, что среди важнейших источников информации он упоминал журнал «Спотлайт» (Spotlight) и веб-сайт American Free Press [Хаггер, 2009: 359], которые принадлежат американским расистам и антисемитам. Чтобы избежать ответственности, автор отмечал, что, так как заговорщики тщательно заматают следы и прячут свои лица, ему пришлось пользоваться источниками разного качества, в том числе и сомнительными. И многие его заключения имеют лишь гипотетический характер. Какие из этого делать выводы, решать должны были сами читатели [Хаггер, 2009: 5, 8, 306]²⁸.

²⁸ Не лишне отметить, что книга грешит фактическими ошибками и противоречивыми утверждениями. Например, без каких-либо оснований Хаггер делает Гитлера учеником австрийского ариософа Ланца фон Либенфельда, а Сталина – едва ли не учеником эзотерика Гурджиева и розенкрейцером. И объявляет, что репрессии в СССР

Однако вряд ли опытный журналист не понимал, какого рода данные содержатся в расистских СМИ. И его обращение к ним недвусмысленно раскрывает его истинные намерения. О том же свидетельствует стремление занижить число евреев, погибших от Холокоста: Хаггер называет цифру 4,5–5,5 млн [Хаггер, 2009: 76], показывая свою склонность к ревизионизму, что тоже свидетельствует о многом. Наконец, не менее красноречиво отождествление Нового мирового порядка с «царством антихриста» [Хаггер, 2009: 316]. Это снова говорит нам о том, насколько конспирология вырастает из традиционной версии Апокалипсиса.

Итак, западные конспирологические работы, переведенные на русский язык, происходят, во-первых, в основном из правого лагеря, где популярны расистские и антисемитские взгляды, а во-вторых, из среды либералов, страшущихся диктаторского режима, чем грозит бесконтрольная власть транснациональных корпораций. Авторы таких работ часто выступают от лица демократии и борются против того, в чем они усматривают признаки наступления тоталитаризма. Среди авторов нередко оказываются верующие христиане, выстраивающие свои конспирологические концепции в убеждении, что наш мир переживает «последние времена» и что глобализация напрямую связана с близящимся приходом антихриста. Разве не об этом говорят планы введения «нового мирового порядка» и установления «мирового правительства»?

в 1930-х гг. происходили в интересах «розенкрейцеров-сионистов».

В России такие построения приветствуются в кругах политических радикалов и в среде православных фундаменталистов, где с благодарностью принимают и широко используют как пришедшие с Запада списки «тайных обществ», так и рассуждения о роли «масонов» в мировой политике. Критика современной западной либеральной демократии западными конспирологами воспринимается здесь как подтверждение того, что попавший в сети «тайных обществ» Запад ускоренными темпами разлагается, движется к своему концу и уже вступил в период эсхатологических «последних времен». И что скоро там появится антихрист. А многие из противников этого, не чуждые расистским и неонацистским взглядам, получают восторженный прием как надежные союзники, готовые вместе с Россией отстаивать «консервативные ценности». В глазах радикалов именно такие союзники и представляют «истинную Европу». Отсюда парадоксальное, на первый взгляд, явление, когда русские неоккоммунисты поддерживают построения антикоммуниста Эпперсона.

Не менее интересно и различие между западными конспирологами и русскими любителями их произведений. Если первые выступают против «нового мирового порядка», видя в нем угрозу демократии и правам человека, то вторым важна вовсе не демократия, которую они ненавидят, — им много важнее роль России в мире, ибо они опасаются, что в «новом мировом порядке» места ей не найдется.

REFERENCES

Benson A. Faktor sionizma. Vlijanie evreev na istoriju XX stoletija. Moscow: Russkij vestnik, 2001.

Bibershtejn J.R. fon. Mif o zagovore: filosofy, masonry, evrei, liberaly i socialisty v roli zagovorshhikov. Saint Petersburg: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2010.

Cherep-Spiridovich A. I. Skrytaja ruka. Moscow: Samoteka, 2006.

Chernjak E. B. Nevidimye imperii. Tajnye obshhestva starogo i novogo vremeni na Zapade. Moscow: Mysl', 1987.

Coleman J. Komitet 300. Tajny mirovogo pravitel'stva. Moscow: Vitjaz', 2000.

Eustace Mullins, Anti-Semitic Conspiracy Theorist, Dies at Age 86 // Anti-Defamation League, February 4, 2010. URL: <http://www.adl.org/combatting-hate/domestic-extremism-terrorism/c/eustace-mullins-anti-semitic.html>

Fursov A. I. Bol'shie finansy, ili u istokov korporatokratii // Koston A. Finansisty, kotorye upravljajut mirom. Moscow: Tovarihhhestvo nauchnyh izdanij KMK, 2007.

Gonsales-Mata L.M. Nevidimye vlastiteli: zapiski agenta. Moscow: Progress, 1983.

Hagemeister M. The Protocols of the Elders of Zion and the myth of a Jewish conspiracy in post-Soviet Russia // J. H. Brinks, S. Rock and E. Timms (eds.). Nationalist myths and modern media: contested identities in the Age of Globalization. London: I.B. Tauris, 2006.

Hagemejster M. Mif o zagovore protiv Rossii // K. Ajmermaher, F. Bomsdorf, G. Bordjugov (red.). Mify i mifologija v sovremennoj Rossii. Moscow: Fond Fridriha Naumanna, 2003.

Hagger N. Sindikat: istorija mirovogo pravitel'stva. Moscow: Algoritm, 2009.

Hlebnikov M.V. «Teorija zagovora». Opyt sociokul'turnogo issledovanija. M.: Kuchkovo pole, 2012.

Jepperson R. Nevidimaja ruka (vvedenie vo vzgljad na istoriju kak na zagovor). Saint

Petersburg: Obrazovanie-kul'tura AOZT Print-Modern, 1996.

Kalugin O.D. Proshhaj, Lubjanka! (XX vek glazami ochevidcev). Moscow: PIK-Olimp, 1995.

Kej L.N. Mirovoj zagovor. Moscow: Al'fa i Omega, 1993.

Kej L.N. Mirovoj zagovor. Moscow-New York, 1975.

Koston A. Finansisty, kotorye upravljajut mirom. Moscow: Tovarihhhestvo nauchnyh izdanij KMK, 2007.

Kozenkov Ju. Ubijcy Rossii. Moscow: Ju. Kozenkov, 2005.

Moroz E.L. Istoriya «Mertvoj vody» — ot strashnoj skazki k bol'shoj politike. Politicheskoe neojazychestvo v postsovetsoj Rossii. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005.

Pajps D. Zagovor: manija presledovanija v umah politikov. Moscow: Novyj Hronograf, 2008.

Partner P. The murdered magicians. The Templars and their myth. Oxford: Oxford Univ. Press, 1982.

Pasmanik D.S. Russkaja revoljucija i evrejstvo (Bol'shevizm i iudaizm). Paris: Izd-vo «Franko-russkaja pechat'», 1923.

Peet R. Unholy Trinity: the IMF, World Bank and WTO. London: Zed Books, 2003.

Porter L. Kto takie illjuminaty: issledovanie mifa o sekretnom obshhestve. Moscow: Dilja, 2007.

Quigley C. Tragedy and hope. A history of the world in our time. London: The Macmillan Company, 1966.

Rejmol'ds D.L. Tajnye obshhestva: mify i real'nost'. Moscow: Mir knigi, 2007.

Rid D. Spor o Sione. Moscow: Tverd', 1993.

Rostov N. Duhovenstvo i russkaja kontrrevoljucija konca dinastii Romanovyh. Moscow: Ateist, 1930.

Satton Je. Kak Orden organizuet vojny i revoljucii. Moscow: Pallada, 1995.

Satton Je. Kto upravljaet Amerikoj? Moscow: FJeRi-V, 2002.

Sutton J. Uoll-strit i bol'shevickaja revoljucija. Moscow: Russkaja ideja, 1998.

Shnirel'man V.A. «Porog tolerantnosti». Ideologija i praktika novogo razizma. V 2 t. Moscow: NLO, 2011.

Shnirel'man V.A. Hazarskij mif: ideologija politicheskogo radikalizma v Rossii i ee istoki. Moscow: Mosty kul'tury, 2012b.

Shnirel'man V.A. Russkoe rodnoverie. Neozjazychestvo i nacionalizm v sovremennoj Rossii. Moscow: BBI, 2012a.

Sora S. Tajnye obshhestva, kotorye pravjat mirom. Moscow: AST Moskva, 2008.

Star P. Otricanie Holokosta v Rossii: postanovka problemy // *Bar'er*. 2002. № 7.

Tagieff P.-A. Protokoly sionskih mudrecov. Fal'shivka i ee ispol'zovanie. Moscow: Mosty kul'tury – Gesharim, 2011.

Thurlow R. Anti-Nazi Antisemite: The case of Douglas Reed // *Patterns of Prejudice*. 1984. Vol. 18. N 1. 23–34.

Uorner Dzh.K. Strana SOV. Moscow: Paleja, 1994.

Vaga F. Tampliry: istorija i legendy. Moscow: Niola-Press, Veche, 2007.

Vasilenko A. Chto nam spor o Sione? // *Molodaja gvardija*. 1993. № 9.

Verhovskij A. Politicheskoe pravoslavie. Moscow: Centr Sova, 2003.

Webster N. World revolution. London: Constable and Company, Ltd. 1921.

Zamojskij L.P. Masonstvo i globalizm. Nevidimaja imperija. Moscow: Olma-press, 2001.

Zamojskij L.P. Posleslovie // *Gonsales-Mata L. M.* Nevidimye vlastiteli: zapiski agenta. Moscow: Progress, 1983.

Zamojskij L.P. Za fasadom masonskogo hrama. Moscow: Politizdat, 1990.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бенсон А. Фактор сионизма. Влияние евреев на историю XX столетия. М.: Русский вестник, 2001.

Биберштейн Й.Р. фон. Миф о заговоре: философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010.

Вага Ф. Тамплиеры: история и легенды. М.: Ниола-Пресс, Вече, 2007.

Василенко А. Что нам спор о Сионе? // *Молодая гвардия*. 1993. № 9.

Верховский А. Политическое православие. М.: Центр Сова, 2003.

Гонсалес-Мата Л.М. Невидимые властители: записки агента. М.: Прогресс, 1983.

Замойский Л.П. Послесловие // *Гонсалес-Мата Л. М.* Невидимые властители: записки агента. М.: Прогресс, 1983.

Замойский Л.П. За фасадом масонского храма. М.: Политиздат, 1990.

Замойский Л.П. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М.: Олма-пресс, 2001.

Калугин О.Д. Прощай, Лубянка! (XX век глазами очевидцев). М.: ПИК-Олимп, 1995.

Кей Л.Н. Мировой заговор. М.–Нью-Йорк, 1975.

Кей Л.Н. Мировой заговор. М.: Альфа и Омега, 1993.

Козенков Ю. Убийцы России. М.: Ю. Козенков, 2005.

Колеман Дж. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2000.

Костон А. Финансисты, которые управляют миром. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.

Мороз Е.Л. История «Мертвой воды» – от страшной сказки к большой политике. Политическое неоязычество в постсоветской России. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005.

Пайнс Д. Заговор: мания преследования в умах политиков. М.: Новый Хронограф, 2008.

Пасманик Д.С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1923.

Портер Л. Кто такие иллюминаты: исследование мифа о секретном обществе. М.: Диля, 2007.

Рейнольдс Д. Л. Тайные общества: мифы и реальность. М.: Мир книги, 2007.

Рид Д. Спор о Сионе. М.: Твердь, 1993.

Ростов Н. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М.: Атеист, 1930.

Саттон Э. Как Орден организует войны и революции. М.: Паллада, 1995.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М.: Русская идея, 1998.

Саттон Э. Кто управляет Америкой? М.: ФЭРИ-В, 2002.

Софа С. Тайные общества, которые правят миром. М.: АСТ Москва, 2008.

Стар П. Отрицание Холокоста в России: постановка проблемы // Барьер. 2002. № 7.

Тагиефф П.-А. Протоколы сионских мудрецов. Фальшивка и ее использование. М.: Мосты культуры — Гешарим, 2011.

Уорнер Дж. К. Страна СОВ. М.: Палея, 1994.

Фурсов А.И. Большие финансы, или У истоков корпоратократии // Костон А. Финансисты, которые управляют миром. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.

Хаггер Н. Синдикат: история мирового правительства. М.: Алгоритм, 2009.

Хагмейстер М. Миф о заговоре против России // К. Аймермахер, Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов (ред.). Мифы и мифология в современной России. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003.

Хлебников М.В. «Теория заговора». Опыт социокультурного исследования. М.: Кучково поле, 2012.

Череп-Стиридович А.И. Скрытая рука. М.: Самотека, 2006.

Черняк Е.Б. Невидимые империи. Тайные общества старого и нового времени на Западе. М.: Мысль, 1987.

Шнирельман В.А. «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма. В 2-х т. М.: НЛО, 2011.

Шнирельман В.А. Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012а.

Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры, 2012б.

Эннерсон Р. Невидимая рука (введение во взгляд на историю как на заговор). СПб.: Образование-культура АОЗТ Принт-Модерн, 1996.

Eustace Mullins, Anti-Semitic Conspiracy Theorist, Dies at Age 86 // Anti-Defamation League, February 4, 2010. URL: <http://www.adl.org/combatting-hate/domestic-extremism-terrorism/c/eustace-mullins-anti-semitic.html>

Hagemeister M. The Protocols of the Elders of Zion and the myth of a Jewish conspiracy in post-Soviet Russia // J. H. Brinks, S. Rock and E. Timms (eds.). Nationalist myths and modern media: contested identities in the Age of Globalization. London: I.B. Tauris, 2006.

Partner P. The murdered magicians. The Templars and their myth. Oxford: Oxford Univ. Press, 1982.

Peet R. Unholy Trinity: the IMF, World Bank and WTO. London: Zed Books, 2003.

Quigley C. Tragedy and hope. A history of the world in our time. London: The Macmillan Company, 1966.

Thurlow R. Anti-Nazi Antisemite: The case of Douglas Reed // Patterns of Prejudice. 1984. Vol. 18. No. 1. 23–34.

Webster N. World revolution. London: Constable and Company, Ltd. 1921.

КАК НЕ НАДО РЕАБИЛИТИРОВАТЬ ТОКВИЛЯ

В 1835 г. в Париже увидела свет первая часть трактата Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке». После публикации второй части (1840) этот трактат получил известность как образцовое описание политической системы США.

Текст первой части завершается знаменитым предсказанием, которое не раз вспоминали в годы глобального противостояния СССР — США:

«В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы <...>

Все остальные народы, по видимому, уже достигли пределов своего количественного роста, им остаётся лишь сохранять имеющееся; эти же постоянно растут <...>

В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека.

Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека.

В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство.

У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира» [Токвиль, 1992: 296].

В начале 2015 г. в Москве увидел свет №1 журнала «ПОЛИС» («Политические исследования»). В этом журнале Александр Геннадьевич Савойский опубликовал в рубрике «Версия» статью под названием «Россия и США: историческая несправедливость времён Токвиля» (с. 165–172).

Утверждение, что в основе деятельности в России лежит рабство, Савойский объявил «неточным и абсурдным переводом» слова *la servitude* и клеветой на Россию. Он даёт понять читателю, что, переведя в 1860 г. *la servitude* как «рабство», Александр Якубович учинил форменную идеологическую диверсию. Савойский предлагает этому не удивляться, ибо Якубович был народоволец, «преследуемый правосудием за крупный финансовый долг», — ну можно ли от такого человека ждать точного перевода! (Заметим: до сих пор считалось, что «Народная воля»

была основана в 1879 г.) — «Скорее всего, у него были свои основания не любить Россию и отомстить ей при первом удобном случае» (с. 167). Но и потом, возмущается Савойский, «самым удивительным образом из множества значений французского существительного *servitude* (образованного от глагола *servir* — ‘служить’) отечественными переводчиками и американистами было опрометчиво использовано при переводе именно слово “рабство”. Давно следовало бы обратить внимание на то, что Токвиль не употребил в своем трактате прямое понятие *l’esclavage* в значении “рабство”» (с. 169).

А поскольку клевета на Россию компрометирует и Токвиля как клеветника, то перевод *la servitude* как ‘рабство’ Савойский предлагает считать клеветой и на Токвиля. Но недолго осталось жить этой клевете: «Пришло время реабилитировать доброе имя и труды Алексиса де Токвиля, а также весь русский народ от обвинений, появившихся в первой трети XIX в., в склонности русских к рабству и деспотизму» (с. 170).

Савойский предлагает исправить перевод указанного пассажа, а именно — заменить «рабство» на «служение».

Доводы А.Г. Савойского таковы.

Во-первых, в России было крепостничество, но крепостничество — не рабство. Токвиллю разница между тем и другим была известна: «Потомственный аристократ и будущий министр иностранных дел

Франции, он хорошо был осведомлён о том, что рабовладельческого строя в России вообще никогда не было за всю её историю» (с. 169)

А во-вторых и следующих — читайте и внимайте:

«Призывом на поле битвы ещё со времён Великого князя Александра Невского (1236–1263) всегда был патриотический призыв: “Послужим Родине!”, “Постоим за Отчизну!”, “За нами — Великая Русь!”, “Кто с мечом на нашу землю придёт, тот от меча и погибнет!” Полководцы никогда за всю историю Российского государства не обращались к воинам, как к рабам <...> *Служение Родине* помогло народу уничтожить фашизм в годы Второй мировой войны <...>» (с. 169). «Для русского народа перво-степенным и неизменным оставалось в веках *служение* Отчизне, *долг* перед Родиной, *обязательство, ответственность*, но никак не рабство. Во все времена, при награждении отличившихся на поле битвы воинов или наиболее достойных граждан общества в Екатерининском зале Кремля, россияне всегда торжественно и с гордостью отвечали: “*Служу Отчеству!*”» (с. 170–171).

Уверяя, будто Токвиль знал об отсутствии рабовладельческого строя в России, А.Г. Савойский не подкрепляет своё заявление никакими высказываниями Токвиля. Но хорошо хоть он помнил тогда, что речь идёт о переводе текста Токвиля. Следовательно, о том, какой смысл в *la servitude* вкладывал именно Алексис де Токвиль, а не сам Савойский или какой-либо иной русский читатель-патриот.

или понимаем мы. Неужели Алексис де Токвиль понимал под американской свободой именно такое странное нечто? Этого не утверждает даже сам Савойский. Ну а я, дабы внести ясность, просто процитирую определение свободы, которое дал пуританин Джон Уинтроп (1588–1649) – губернатор колонии Массачусетс – и которое Токвиль назвал «прекрасным»: «Свобода заключается в том, чтобы без страха совершать доброе и справедливое» [Токвиль, 1992: 53].

Как видим, Токвиль понимал под свободой не совсем то, что мы в повседневном языке. Ведь если для нас существуют этика и мораль, то мы по-настоящему свободны только в таком выборе, который не является выбором между добром и злом: например, когда выбираем профессию, маршрут для проезда куда надо или блюдо в меню. Термин же «свобода», как его используют Уинтроп и Токвиль – антоним скорее «порабощения грехом», чем собственно «рабства». Но такая «свобода» – никак не антоним «служения»: ведь она предполагает моральную обязанность служить добру!

La servitude у Токвиля – не строгое понятие: он не даёт этому слову определения и пользуется им довольно редко и бессистемно. Токвиль как политический мыслитель был поборником разделения властей. Наличие разделения властей в политическом устройстве США (и Великобритании) Токвиль приветствовал. И наоборот:

«Всевластие само по себе дурно и опасно. Оно не по силам никакому

человеку. Оно не опасно только Богу, поскольку Его мудрость и справедливость не уступают Его всемогуществу. На земле нет такой власти, как бы уважаема она ни была и каким бы священным правом ни обладала, которой можно было бы позволить действовать без всякого контроля или повелевать, не встречая никакого сопротивления. И когда я вижу, что кому-либо, будь то народ или монарх, демократия или аристократия, монархия или республика, предоставляется право и возможность делать всё, что ему заблагорассудится, я говорю: так рождается тирания – и стараюсь уехать жить туда, где царствуют иные законы» [Токвиль, 1992: 198].

Итак: где существует ничем не ограниченная и никак не разделенная власть – не имеет значения, возглавляет ли ее единоличный монарх или собрание вроде Конвента 1793–1794 гг., – там, согласно Токвилю, «тирания» или «рабство» (*la servitude*). Это не только самодержавная Россия, где – как, напомним, выразился Токвиль – «вся сила общества сосредоточена в руках одного человека»: это и Франция первых лет правления Наполеона III. Где власть ограничена и разделена, там «свобода». О социальном устройстве речь тут вообще не идет. Именно поэтому Токвиль и не использует здесь слово *l'esclavage*, которое означает рабство именно как социальный институт, а не как отсутствие политической свободы.

Таким образом, смысл заявления Токвиля, что в России в основе всей деятельности лежит «рабство», сводится к тому общеизвестному факту,

что Россия управлялась самодержавно. Следует ли всех подданных самодержавной власти называть рабами? Лично я такого слова употреблять не стал бы. Но Токвиль был куда бóльшим поборником политической свободы и разделения властей, чем я или А.Г. Савойский. И он такое слово употребил. Поэтому общепринятый перевод la servitude – ‘рабство’ – вполне адекватно выражает мысль Токвиля.

REFERENCES

Gjote I.V. Faust (per. B. Pasternaka). Moscow, 1960.

Tokvil' A. de. Demokratija v Amerike. Moscow: Progress, 1992.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гёте И.В. Фауст / Пер. Б. Пастернака. М., 1960.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

17 сентября 2015 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН прошли очередные Петербургские чтения. Вниманию слушателей были предложены доклады научного сотрудника Института истории, кандидата исторических наук П.Г. Рогозного и профессора кафедры религиоведения философского факультета СПбГУ, доктора исторических наук С.Л. Фирсова. По просьбе редакции выступающие подготовили тезисы своих выступлений.

П.Г. Рогозный

СИНОДАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВЕННОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ДУХОВЕНСТВО ПРИВЕТСТВОВАЛО РЕВОЛЮЦИЮ?

21 августа 1906 г. в селе Мамыкино Чистопольского уезда Казанской губернии толпа крестьян в количестве до 200 человек под предводительством местного священника Анастасьева и псаломщика Скворцова «атаковала» расположенных на постой стражников и солдат, охранявших усадьбу помещика Шульца. Во время сей атаки усадьбу подожгли, как и находящиеся рядом постройки. Толпа крестьян под предводительством священника, сметая все на своем пути, уничтожила и казенные винные лавки, и склад земледельческих «орудий», и даже здание местной почты. В результате оружейного огня, открытого стражниками и сол-

датами по нападавшим, псаломщик Скворцов был убит, священник Анастасьев тяжело ранен, а среди крестьян взято в «плен» до 17 «повстанцев». Товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров, получив это сообщение, явно не знал, что делать с организатором нападения, местным священником, и положил на доклад резолюцию: «сообщить обер-прокурору Синода».

Активное участие в революционной борьбе священно- и церковнослужителей не было исключением: немало крестьянских отрядов, уничтожавших и грабивших помещичьи усадьбы, возглавляли священники.

Священника лишали сана, если он просто вступал в партию эсеров; если же он участвовал в волнениях и, не дай Бог, возглавлял крестьянское движение, то такового отправляли на пожизненную каторгу.

Впоследствии, после Февральской революции, эти священнослужители провозглашались мучениками за веру и правду, и, ежели такой священник оставался жив, ему могли вернуть по желанию сан, а если он заканчивал свое существование в местах не столь отдаленных, то в его честь могли учредить особую стипендию для отличившихся семинаристов. И такие случаи не были исключением, хотя, конечно, не были и правилом.

Два из шести священников, прошедших в 1906 г. в первую Государственную Думу, подписали Выборгское воззвание, по сути призывавшее к неповиновению властям. Во вторую Думу прошло уже 13 представителей духовенства, но их поведение быстро шокировало не только государственные, но и выдавшие виды церковные власти, которые уж должны были знать о настроении духовенства. Большая часть из числа священнослужителей перешла в левый лагерь кадетов и трудовиков. А священник Бриллиантов открыто заявил, что принадлежит к партии эсеров, запрещенной и считавшейся (и, надо сказать, не без оснований) террористической организацией. Даже относительно либеральный в то время «Церковный вестник» писал, что депутаты от духовенства «обнаружили непонимание своего положения и своих задач в Государственной Думе».

Священник Ф.В. Тихвинский, отказавшийся перейти из стана трудовиков в более правую фракцию «не левее октябристов», писал митрополиту Антонию (Вадковскому), что с детства жил среди бедного крестьянского населения и «чуждая душа простого русского крестьянина для меня была открытой книгой. В этой книге я видел и читал всю безысходную печаль народную, все горе его, нужду и несправие. <...> Всё, что я мог сделать для народа, я делал: молился с ним, плакал и утешал его надеждою, что его Бог видит его скорби. Настало чудное 17 октября 1905 года. <...> Братство, равенство, свобода, уважение человеческой личности, его совести, его прав переливались и сияли радужными красками надежды. <...> Я стал горячим проводником в народ идей царского манифеста. Я, бывший реакционер и узкий консерватор, под впечатлением народного горя и горькой его нужды <...> стал на сторону народных интересов и правового строя в государстве. <...> Переменить своих убеждений я не могу, и как я встану в ряды той партии, которая борется с идеями высочайшего манифеста. Правовой строй государства с высоко стоящим в нем конституционным монархом во главе я буду стремиться посылно осуществлять, интересы народа буду отстаивать, борьбу признаю нужной (иначе будет у нас не жизнь, а болото), но путь борьбы мирной идейной. Не могу переменить своих убеждений, не могу и сана священнического сложить с себя...» Некоторые советские историки упоминали о священнике Тихвинском только благодаря тому, что о нем писал В.И. Ленин,

по словам которого «он достоин всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязненно защищает». Правда, писали не о конституционной монархии и правовом государстве, о котором писал сам Тихвинский, а о бывшем реакционере, принявшем сторону народа.

Конечно, говорить о революционном духовенстве даже в годы Первой русской революции нельзя: большинство священно- и церковнослужителей оставались правыми и многие из них впоследствии разделяли идеи «Союза Русского народа», однако в среде среднего духовенства и даже среди епископата Российской Церкви были люди, у которых черносотенная идеология вызывала резкое отторжение.

Но как же тогда получилось, что многие священнослужители встали на сторону революции или, по крайней мере, разделяли революционные лозунги?

Традиционно считается, что после петровских реформ Церковь из якобы до этого независимой организации превратилась в «ведомство православного исповедания». Действительно, для такого рода выводов факты есть. Петр после смерти патриарха Адриана не дал возможности избирать нового, а впоследствии заменил патриаршество коллегиальным Святейшим Синодом. Он хорошо помнил церковные смуты периода правления царствования своего отца, и вторая по значимости фигура в государстве, которая могла претендовать

и на роль первой, ему была не нужна. Основной идеей Петра было создание «регулярного государства», в котором Церковь встраивается в четко определенные ей рамки. Написанный Феофаном Прокоповичем «Духовный регламент» такие рамки определял. И это была вовсе не секуляризация: впервые законодательно потребовав от населения обязательную исповедь и причастие, Петр показал, что «его идеи далеки от секулярных», как совершенно справедливо считает автор лучшего современного исследования по религиозности петровской эпохи А.С. Лавров.

Вообще, церковная реформа Петра, определившая на 200 лет облик Русского Православия, породила множество мифов как в историографии, так и в общественном мнении. Самый распространенный — это требование нарушения священником тайны исповеди, которое содержалось в «Духовном регламенте».

Но данный пункт был сформулирован так, что такое нарушение было возможно только в том случае, если злоумышленник, хотящий посягнуть на жизнь царственной особы, придя на исповедь, не отказывается от своих намерений после увещания священника (причем в Духовном Регламенте это повторяется трижды). Формулировка разглашения тайны исповеди была абсурдна, перед террористическим актом революционеры, да и просто разбойники не ходили на исповедь. Трудно себе представить, чтобы накануне царевубийства 1 марта 1881 года Софья Перовская пришла на исповедь в церковь и рассказала о своем пла-

не, а потом, после увещаний священника, не отказалась от своего замысла.

Второй миф — это протестантский характер церковной реформы Петра. Действительно, казалось бы, во время так называемой «реформы благочестия» многие традиционные практики Православия, например такие, как подвесы к иконам, поклонение неverifiedируемым мощам, рассказы о чудесных исцелениях, кликушество и т. п., оказались запрещены. Но эти запреты совершенно четко вписывались в «каноническое православие» и имели целью бороться с так называемым «народным православием». Петр сам был очень религиозным человеком, о чем существуют совершенно независимые свидетельства, но скептически настроенным к традиционной народной религии, другими словами, как бы сказали сейчас, он верил не в рассказы бабушек, передаваемые в церкви, а верил в факты.

В архиве Синода сохранилось дело сержанта Преображенского полка Тулубьева, который исцелился от иконы Тихвинской Богоматери. На сержанта завели дело о распространении слухов о ложном чуде, поскольку он якобы всегда был здоров, однако после того как была предоставлена справка полкового врача о болезни Тулубьева, Петр лично наложил резолюцию и закрыл данное дело. Чудесное исцеление было подтверждено документально.

Но следует отметить, что реформа благочестия Петра потерпела неудачу и была фактически отменена

при его приемниках: уже Екатерина I вынуждена было вернуться к традиционной церковной политике. Настоящие гонения и притеснения духовенства начались при Анне Иоанновне. Причем гонениям подверглись не только рядовые священнослужители, но и высшее духовенство. Так называемые «разборы», когда детей священно- и церковнослужителей забирали в армию, приняла при Анне Иоанновне характер настоящего бедствия — в рекруты забирали даже действующих священников. Это дало повод знатоку XVIII в. историку Николаю Чечулину считать духовенство «тягловым сословием».

Благодаря главным образом интригам Феофана Прокоповича, который таким образом сводил счеты со своими врагами, были затеяны многочисленные архиерейские процессы. Епископов судили, лишали сана, отправляли в ссылку. Эпоха «бионовщины», как ее называли современники, закончилась вместе со смертью императрицы и чередой дворцовых переворотов. В последнее время в исторической литературе появляются вполне аргументируемые высказывания о том, что так называемая «бионовщина» является мифом; конечно, прямых фактов вмешательства Бирона в церковные дела мы не имеем (как осторожно замечал Б.В. Титлинов), но общественное мнение именно с ним связывало репрессивную политику, которую проводили власти.

Всё изменилось после прихода к власти Елизаветы Петровны. Наступила оттепель и большая амнистия, дочь Петра прекратила

произвол властей. Эту эпоху можно называть «симфонией» церковно-государственных отношений. Именно тогда страна вздохнула спокойно, а с церковных амвонов совершенно искренне звучали слова благодарности Елизавете.

Я уже говорил о так называемом мифе секуляризации при Петре: настоящая секуляризация, то есть изъятие церковных земель и передача их в светское пользование началась только при Екатерине II. Именно так секуляризацию в узком смысле слова понимали в Европе, данный термин появился в XVII в. во Франции. Постепенно этот термин наполнялся новым содержанием и впоследствии стал обозначать просто обмирщение культуры.

Самым известным противником этой реформы стал митрополит Арсений (Мациевич). Впоследствии, в годы революции, Мациевича сделали мучеником за веру, жертвой «проклятого самодержавия». Он вместе с митрополитом Филиппом (Колычевым) возглавил мартиролог духовенства, но если присутствие в этом мартирологе митрополита Филиппа не вызывает особого сомнения, то Арсений (Мациевич), при всем его прямотушии и смелости, вряд ли является в прямом смысле страдальцем за веру.

Человек культуры XVIII в., яростный крепостник, Мациевич беспокоился, что из-за реформы и отъема крепостных от монастырей скоро монахам и «пива сварить будет не из чего». Если Мациевича терпела Елизавета, то Екатерина II не стала этого делать, особенно

когда он начал обличать в довольно резкой форме личную жизнь императрицы перед ней самой. Ссылки и репрессии раскрыли личность Арсения с лучшей стороны: этот деспот и барин на себе проверил выражение апостола Павла «умею жить и в скудности, и в изобилии». Некогда всесильный князь церкви, он мыл полы в монастыре, не чурался никакой черновой работы, вел душевные беседы с простыми монахами и только вследствие доносов и феноменальной мстительности императрицы закончил свой путь мучеником в одиночном заточении.

В организационном управлении Церковь в период Екатерины и Павла не претерпела сильных изменений. Наверное, самым большим «правовым» новшеством являлось то, что в знаменитом «Акте» о престолонаследии императора Павла 1797 г. «государи российские» мимоходом объявлялись «суть главою Церкви». Объяснялось это потребностями сохранения веры, но впоследствии данный пункт вызвал множество спекуляций.

Единственное, что, казалось бы, должно было насторожить светские и церковные власти, — это активное участие духовенства и церковнослужителей во всяческих, как бы сейчас сказали, «противоправных акциях», например в восстании Емельяна Пугачева.

Впоследствии выдающийся русский историк Афанасий Щапов, сам выходец из духовного сословия, именно бедственным положением, особенно низших церковнослужи-

телей, объяснял активное участие церковников в разбоях и бунтах. Особенно тяжелым было положение низших церковнослужителей — псаломщиков, причетников, пономарей. В силу сословной замкнутости выбрать другую профессию они не могли, но и место приходского священника для них казалось недосягаемой мечтой.

Потеря прихода, часто понимаемого даже в XVIII в. как вотчина, могла сделать из священника обыкновенного разбойника. Архиепископ Гавриил (Городков) вспоминал, что его отец был назначен именно на такой приход, где местный священник вместе с сыновьями превратился в разбойника, и только благодаря случайному стечению обстоятельств его отец был не убит бандой бывших церковников.

На протяжении всего XVIII и XIX вв. сохранялась наследственность приходов: отец передавал приходскую церковь сыну, а если не было сына, то и дочке, и к ней уже подыскивали жениха, который мог бы стать там священником. Особенно широко была распространена передача вакантного прихода по женской линии, то есть если священник умирал и у него оставалась дочка, то взявший ее в жены семинарист мог получить данный приход, но должен был обеспечивать вдовую семью. Это считалось старым обычаем, однако в 1768 г. такое наследование по женской линии было законодательно закреплено.

Выдающийся русский историк, Сергей Соловьев, также выходец из духовного сословия, писал, что духо-

венство было самым образованным сословием в России. По факту это вроде бы и так — действительно, трудно представить себе священника, не умеющего читать и писать (среди дворян такие люди, по крайней мере среди женщин, встречались до конца XIX в.). В XVII в. неграмотные священники были, они просто наизусть заучивали службу, но в XVIII в., видимо, таких было мало, хотя во второй половине века Синод рассматривал дело одного провинциального священника из глухой деревни, который не знал о существовании Иисуса Христа и считал Богом Николая Мирликийского.

Реформы Александра I существенно затронули и Церковь. Вообще, на церковную политику Александровского царствования сильный отпечаток наложили особенности личной религиозности императора. Воспитанный в духе толерантного просветительства, Александр после Отечественной войны 1812 г. пережил своеобразное религиозное обращение. Причем его религиозность, выражаясь современным языком, имела экуменистическую направленность.

Император стремился покровительствовать всем христианским направлениям. Официально запрещалась критика одного христианского вероисповедания другим. Символом объединения должно было служить знаменитое «Библейское общество» и нереализованный и утопичный замысел воздвижения первоначального варианта храма Христа Спасителя. Однако всё равно интеллектуальная элита

общества шла не в Церковь, а в ма- сонские ложи.

В царствование Николая I были нанесены чувствительные удары и по финансовой независимости Церкви, и по традиционной большой власти епархиальных архиереев. Если до этого в своей епархии владыка чувствовал себя в роли самодержца, проверить или проконтролировать которого было фактически невозможно, то появление в епархии в видоизмененном виде должности секретаря духовной консистории, который напрямую подчинялся обер-прокурору, серьезно ограничило власть архиерея или, по крайней мере, поставило его под контроль столичных властей. В результате деятельности николаевских обер-прокуроров Нечаева и особенно графа Протасова управление Церковью все больше стало напоминать министерское. Была учреждена собственная канцелярия обер-прокурора, из подчинения Синода были выведены все хозяйственные дела. Синод, как пишет современный исследователь С.В. Римский, «оказался в полной зависимости от чиновничьего мира во главе с обер-прокурором, из-за чего граф сделался предметом тайной ненависти многих иерархов».

По сути, в николаевское время была довольно успешно предпринята попытка институционального завершения петровской церковной реформы. Важное отличие николаевских реформ заключалось в том, что власти не покушались на само «народное православие», и поэтому недовольство реформами могло проявляться разве что в среде выс-

шего духовенства (провал петровской реформы благочестия как раз и объяснялся тем, что она затрагивала, по сути, все православное население страны). Перефразируя известное выражение историка А.Е. Преснякова о николаевском периоде как «апогее самодержавия», можно сказать, что данная эпоха была и апогеем синодального строя.

Все это, конечно, не вызывает значительных дискуссий. С тезисом о превращении Церкви в ведомство православного исповедания трудно спорить. Однако при всем отрицательном опыте взаимоотношений государства и Церкви в синодальный период полного поглощения ее государственным аппаратом не произошло. Церковь имела свое управление, в которое, кроме назначения царем обер-прокурора, светская власть не могла вмешиваться, имела свой суд, свою цензуру.

Наиболее последовательно теория «Церкви как служанки государства» получила распространение в настоящее время после перевода и переизданий книги Ричарда Пайпса, где есть глава с одноименным названием. Однако компилятивный характер книги, наполненной к тому же массой фактических ошибок, количество которых, как и в других книгах Пайпса, превышало всякую допустимую меру, сделал полемику по его тексту невозможной для академической аудитории. Статья же крупнейшего современного историка Православия Григори Фриза, посвященная той же теме и не переведенная на русский язык, к сожалению, мало известна среди церковных историков в Рос-

сии ("Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered". *Journal of Ecclesiastical History*. 36. (1985): 82–102).

Автор самой антиклерикальной, но не антирелигиозной книги по истории Православия, крупнейший историк Синодальной эпохи Борис Титлинов писал в 20-х гг. XX в., что характеристика союза Церкви и государства является «односторонней и не исчерпывает, конечно, все стороны церковной жизни».

Между Церковью и государством сложились такие взаимоотношения, которым можно дать наименование государственно-синодального дискурса. По сути, их связывали две общие задачи: укрепление государственной власти и возможно более широкое распространение Православия на территории Российской империи. Церковь являлась политическим и идеологическим союзником самодержавия, получая взамен государственную поддержку и покровительство. Самый умный иерарх Российской Церкви митрополит Филарет (Дроздов) тонко чувствовал нюансы данных взаимоотношений. Он выступал как противником самостоятельной политической роли Церкви, так и противником излишнего вмешательства в ее дела со стороны различных государственных структур. Филарет считал, что слишком самостоятельная политическая роль Церкви не принесет ей ничего, кроме дискредитации.

Позиция и роль Филарета в общественной жизни России XIX в.

традиционно рассматривается как консервативная. Однако это явно не отражает весь широкий спектр симпатий и антипатий митрополита, который был значительно более сложным и явно не вписывающимся в оппозицию либерал-консерватор. По каждому политическому и церковному вопросу он имел свое независимое мнение, с которым вынуждены были считаться не только высшие представители государственной бюрократии, но и сам император. По словам Георгия Флоровского, Филарет «удивительно неделикатно напоминал о внутренней независимости Церкви», а его государственная теория совсем не совпадала с официозной. «Государь всю законность получает от церковного помазания», т. е. в Церкви и через Церковь. И помазуется только государь — не государство. Поэтому органы государственной власти не имеют никакой юрисдикции в делах церковных» (ср. отзыв Филарета о деятельности обер-прокурора Синода кавалеристского генерала Н.А. Протасова: «Шпоры генерала цепляются за мою мантию».)

Широкое распространение образования затронуло и Церковь, образование становилось обязательным для будущих священников. Однако даже обязательность для детей духовенства образования, хотя бы начального, часто играла дурную роль, превращая верующего подростка в нигилиста.

Обучение в так называемой бурсе — начальном духовном училище — нередко превращалось в сущую каторгу. Над мальчиками из-

девались и начальство, и педагоги, и старшие товарищи. Красочное, если так можно сказать, описание бурсачьего быта дал Николай Помяловский. От нестерпимого жителя там ученики бежали оттуда куда глаза глядят. Выше упоминаемый Щапов, учившийся в бурсе в первой половине XIX в., вспоминал, что и в его время отметка в классном журнале училища «нахождение в бегах» была нормой. «Что же было в прошлом столетии?» — резонно замечал Щапов. По его словам, «и странно, и слезно, и пламенно молящийся малютка после лет 25 или в 30, после страшной внутренней борьбы, после тяжелого процесса анализа, сомнения и скептицизма иногда делался непреодолимым атеистом... матерьялистом...»

Лишь только благодаря выдающемуся таланту и трудолюбию Афанасий Щапов смог вырваться из этой среды и окончить духовную семинарию, где нравы уже были мягче, а после поступить в Духовную академию и защитить диссертацию. (Сейчас в исторической литературе модно использовать термин «историческая память». Считается, что первыми его ввели французские историки в XX в. Однако Афанасий Щапов использовал этот термин еще в середине XIX в. Этот гениальный алкоголик, умерший от белой горячки, по многим пунктам опережал современную ему историографию).

Прошедший позднее эту же школу другой выдающийся историк Василий Ключевский уже не так мрачно описывал бурсачий быт. Однако и он считал, что царящая в бур-

се обстановка плодила «чертей» и атеистов. И неудивительно, что вестниками атеизма и революционности становились бывшие попovichы, такие как Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов. В.Г. Белинский, сам внук священника, еще разделял Иисуса Христа и Православную Церковь, и упрекал Гоголя за то, что тот смешивал, по его мнению, эти понятия. Для Чернышевского этих различий уже не существовало. Старое церковно-схоластическое богословие и религиозная философия оказались не в состоянии дать адекватный ответ на вызов, брошенный бывшими семинаристами.

Громадное количество издаваемой духовной литературы никак не соответствовало запросам времени. Например, в наши дни один из «советов» духовного журнала того времени можно рассматривать не иначе как злобный юмор: «Но особенно не безопасно для скромности и целомудрия совместное участие в танцах лиц мужского и женского пола. Зло было бы так еще не велико, если бы этой забаве предавались лица того и другого пола отдельно». Уже тогда это вызывало улыбку.

Даже знаменитую и ныне многократно переиздаваемую книгу митрополита Макария (Булгакова) «Введение в православно-догматическое богословие» А.С. Хомяков именовал «восхитительно глупой». Станным образом даже перевод на русский язык Священного Писания встречал сильную оппозицию в среде высшего духовенства. Действительно, для чего нужен перевод Библии на общедоступный язык? При неправильном толковании ее

можно использовать и как вредную революционную литературу. Недаром русский перевод «Нового завета» печатал в Лондоне в своей типографии А.И. Герцен.

Удивительный факт: в обеих столицах не нашлось ни одного человека, который мог бы с университетской кафедры защищать пошатнувшиеся религиозные идеалы. Ни в Москве, ни в Петербурге не нашлось ни одного человека, кто без предварительной командировки в европейских университетах был бы способен занять кафедру философии. Такой человек нашелся в третьей столице, Киеве.

Университетские лекции специально приглашенного для этого из Киевской духовной академии в Москву профессора П.Д. Юркевича вызвали своего рода ажиотаж в образованных кругах. Притихшая аудитория, привыкшая до этого к наивно-благочестивым поучениям, являвшимся собственно не философией, а изложением катехизиса, с удивлением внимала чеканным формулам идеализма, излагаемого профессионалом. Первокурсник Василий Ключевский в письмах к своему семинарскому товарищу хорошо передал атмосферу первых лекций вплоть до малороссийского («хохлацкого» — (Sic. — П.Р.)) акцента Юркевича. Еще бы, Юркевич говорил, что человек — это не только физиология, он говорил о «поющем сердце».

Однако идейная направленность того времени была такова, что и талантливый, но несчастный Юркевич был вынужден замолчать, за-

травленный кумиром поколения, семинаристом Чернышевским. Чернышевский даже полемику с Юркевичем отказался вести, поскольку, по его словам, он эти проповеди слышал и в семинарии.

Валуевско-толстовские преобразования, которые хорошо вписываются в эпоху Великих реформ, существенно изменили облик Церкви. По сути, было покончено с сословной замкнутостью духовенства. Резко возросла социальная мобильность внутри духовного сословия. Дети священнослужителей теперь могли самостоятельно выбирать род деятельности.

Однако страх религиозной свободы являлся поистине хронической болезнью русского церковного консерватизма. Преследования старообрядцев и сектантов являлись самым темным пятном в истории сотрудничества государства и Православной Церкви. Именно насилие над совестью, загоняемой в тесные рамки официально понимаемого благочестия, и породило целый слой революционеров.

Еще одним фактором напряженности в духовном сословии являлось в буквальном смысле бедственное и бесправное положение приходского духовенства. Не получая почти ничего от государства, сельские священники, особенно бедных приходов, порой мало чем отличались от крестьян, вынуждены были вместо исполнения своих профессиональных обязанностей заниматься обработкой земли. Неудивительно, что «поповичи», вырвавшись из тесных рамок самого замкнутого

сословия в России, с головой уходили в революционное движение.

Сам обер-прокурор Синода Д.А. Толстой считал семинарии рассадником революционного движения и после каждого покушения на императора со страхом предполагал, что террорист должен быть непременно семинаристом. В конце концов, он оказался отчасти прав, и Александр II погиб от бомбы, произведенной выходцем из именно духовного сословия, бывшим семинаристом Н.И. Кибальчичем. А имя самого известного в мире семинариста ВСЕ ЗНАЮТ.

Важно сказать, что и внутри Церкви происходила своеобразная классовая борьба. «Епископ — магнат, дьякон — пролетарий», — писал протопресвитер Георгий Шавельский. О том, насколько была распространена и действенна антибуржуазная пропаганда в России, хорошо показал Б.И. Колоницкий.

О деспотизме епископата ходили легенды (в частности, отраженные в замечательных произведениях Николая Лескова). Но Лесков не работал в архивах, и вряд ли у кого-то хватило фантазии описать, как беспредельничали архиереи в своих епархиях. В некоторых епархиях сложились своеобразные вотчины, где архиерей претендовал и на светскую власть. Например, такая ситуация была в Красноярске и Чернигове перед самой революцией 1917 г. Красноярскому епископу Никону (Безсонову) удалось даже скинуть местного губернатора, он предпринимал попытки разделаться и с Сибирским генерал-губернатором.

Деятельность Черниговского архиерея Василия (Богоявленского) заслуживает отдельного исследования. Он из своей епархии организовал целое торговое предприятие, открыл магазины, где торговали даже священники. Благодаря выдающимся предпринимательским талантам епархия богатели. Деньги шли на широкую благотворительность и строительство. В епархии открылся даже женский институт. Кроме того, Василий был абсолютно бесстрашным и независимым от властей человеком. Доносы в Синод на него приходили стопками. После революции Василия арестовали, обвинили в коррупции и начали проверку его финансовой деятельности, которая ничего не дала, более того, выяснилось, что деятельность Василия приносила епархии большой доход. (Впоследствии Василий погиб, когда в 1918 году от Поместного Собора поехал в Пермь расследовать убийство местного владыки Андроника (Никольского). Василий не боялся никакой светской власти — ни царской, ни Временного правительства, ни большевиков).

Но все-таки это было исключением. Цезарепапистские мысли сидели в головах нескольких архиереев, а отнюдь не всего духовенства, как считает историк Михаил Бабкин. Он исходит из совершенно ложной теории о борьбе священства и царства. Якобы духовенство являлось чуть ли не самым важным двигателем революции, так как желало поставить священство выше царства. Наивная, выдуманная идея, о которой можно было бы и не говорить, если бы не большое распространение

ние трудов Бабкина. Особенно нелепо выглядит мысль, что духовенство сыграло самую важную роль в свержении самодержавия. Напротив, духовенство в этом не сыграло никакой роли. Увы, тема духовенства и Церкви совершенно периферийна для 1917 г. Поэтому ранее из историков, занимающихся политической историей революции, ее замечали только наиболее тонкие исследователи 1917 г. Г.Л. Соболев, В.Ю. Черняев, Б.И. Колоницкий.

Основными проблемами духовенства были не попытки установить теократию, а просто выживание. В 1916 г. псаломщики владимирской епархии даже направили письмо в Синод, где просили разрешить им охотиться ввиду нехватки продуктов питания, на что Синод ответил: «Служители алтаря от алтаря и питаются».

Важным фактором была и распутищина, и совершенно беззастенчивое вмешательство императора в церковные дела, даже в нарушение петровского «Духовного регламента». Именно таким образом, по императорскому распоряжению в обход мнения Синода назначали архиереев в Москву и Петроград. Кризис «ведомства православного исповедания» был тем фактором, который объясняет, почему рядовое духовенство так приветствовало Февральскую революцию, считая, что теперь наступит счастье. И так думали не только представители духовенства... Ну, а чем всё это кончилось, вы все знаете.

И этот кризис вписывается в общий кризис самодержавия, так четко описанный ленинградскими и петербургскими историками.

БЫЛА ЛИ ЦЕРКОВЬ СЛУЖАНКОЙ ГОСУДАРСТВА?

Вопрос о том, была ли Русская Православная Церковь служанкой государства в годы господства в СССР «единственно верной» идеологии, не воспринимался иначе, как вопрос риторический. И для историков Церкви, и для религиоведов, писавших в советскую эпоху, казалось совершенно естественным акцентировать внимание на иных темах, прежде всего на доказательстве того, что РПЦ не являлась социально прогрессивной силой и стимулятором духовного прогресса общества, что она верно служила самодержавной государственности, поддерживая монархию до последнего ее часа. Монархические симпатии православного священноначалия и большинства клириков рассматривались как очевидное доказательство принципиальной несвободы Церкви, которая не за страх, а на совесть служила «эксплуататорским классам» старой России. Посмотреть на проблему под иным углом, задавшись вопросом: *а могло ли быть по-иному*, — советские авторы и не могли, и не хотели. Для них поддержка Церковью патерналистских принципов социального устройства общества и самодержавно-абсолютистских оснований государства была показателем ее функций «прислужницы», и только.

Впрочем, в данном вопросе не все было очевидно, дабы, раскритиковав советский подход к церковно-государственным отношениям (по крайней мере, последних 250-ти предреволюционных лет), ограничиться банальной сменой знаков. Напомню, что еще В.В. Розанов в «Апокалипсисе нашего времени», характеризуя грандиозные социальные потрясения, постигшие Россию в 1917 г., писал, что Церковь развалилась «первая», то есть раньше государства, и это «по закону». «Попам лишь непонятно, — отмечал В.В. Розанов, — что церковь разбилась еще ужаснее, чем царство». Не вдаваясь в причины, заставившие автора именно так сформулировать проблему гибели императорской России, отметим только, что для него связь Церкви и Царства была фактом, не подлежащим сомнению.

Конечно, в «симфоническом» государстве и не могло быть иначе, поскольку авторитет светского правителя держался на авторитете духовном: самодержец становился сакральной фигурой в процессе венчания на царство — через помазание. И хотя еще митрополит Филарет (Дроздов) подчеркивал, что «помазался» именно царь, а не царство, соблазн переноса «сакральности»

на имперскую власть *in concreto* существовал в течение всего Синодального периода. Этот соблазн, полагаю, и формировал представления о «служебной роли» РПЦ в истории самодержавной России, заставляя и кстати, и некстати вспоминать о «цезаропапизме» как наследии Византийской прародительницы, наследии, которое было не только сохранено, но и приумножено.

С точки зрения теоретической это следует признать ошибкой, поскольку в идеальной концепции «симфонии», сформулированной в VI в. Юстинианом, Церковь рассматривалась как единственная сила, обеспечивавшая законность имперских притязаний на власть. Смысл же действий светских правителей состоял прежде всего в распространении и охране христианской истины в жизни общества. Иное дело, – насколько указанное обстоятельство могло реализовываться на практике (не будем забывать, что идеал обыкновенно дискредитируется самой попыткой его осуществления в жизни). Вот это смещение «теории» и «практики», неминуемое при строительстве «симфонического государства», самым явным образом и сказалось в эпоху империи, когда Петр Великий решил уничтожить принцип церковного самодержавия, показав всем, что самодержавие (по крайней мере, в его российском исполнении) не терпит двоевластия, и что главным «дирижером» имперского «симфонического оркестра» может быть только царь.

Без всякого стеснения об этом говорилось в Духовном регламенте:

«От соборного правления (т.е. от Св. Синода. — С.Ф.) нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие могут произойти, когда в челе церковного управления находится один человек: простой народ не знает, как различается власть духовная от самодержавной, и, удивленный славою и честью верховного пастыря церкви, помышляет, что этот правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чин есть другое лучшее государство, и если случится между патриархом и царем какое-нибудь разногласие, то скорее пристанут к стороне первого, мечтая, что поборают по самом Боге».

В заявлении Духовного регламента мы можем видеть, что идея «обобщенной службы»: христианского государства – Церкви и Церкви – христианскому государству, корректируется таким образом, чтобы не допустить примата духовной власти. Но нельзя забывать иного, не менее важного обстоятельства – речь идет о христианском государстве, в котором властитель является православным самодержцем и другой веры исповедовать не может. В целом же принцип службы был основополагающим в деле государственного строительства, совершавшегося Петром Великим и его наследниками. Служили все, и в этом смысле царь являлся «крепостным» своего государства, не имевшим возможности отказаться от доставшегося ему в силу сверхличных обстоятельств бремени. Церковь, таким образом, тоже должна была «служить», выступая как составная часть государственного организма.

Оценивать это в морально-нравственных категориях, думаю, было бы неправильно.

Идея «службы» должна рассматриваться в контексте принципа подчиненности всех элементов государственной «цепочки». В самом же «факте Церкви» Петр Великий, по слову Ю.Ф. Самарина, видел несколько различных, не связанных между собой, явлений: доктрину, к которой был равнодушен, и духовенство, рассматриваемое в качестве государственных чиновников, занимавшихся воспитанием народа. Исходя из этого, устройство «соборного правительства» — Синода, получившего не только патриарший титул «Святейшего», но и государственный — «Правительствующего», выглядело вполне закономерно. Закономерно выглядело и учреждение института обер-прокуратуры, в лице которого светская власть в лице императора получила инструмент влияния на принятие церковных решений.

С течением времени инструмент совершенствовался, принцип регламентации церковной жизни проявил себя в трансформации церковного управления и появлении «ведомства православного исповедания». Понятно, что «ведомство» есть институт государственный, он не может противопоставляться государству. Православие, рассматриваемое в самодержавной России сквозь призму имперских интересов, оказывалось составной частью политической триады, лишь сформулированной в эпоху Николая I, но существовавшей изначально. Национализация церковного

устройства, «филетизм», хотя и был осужден в свое время Константинопольским Патриархом, но, по справедливому убеждению П.Н. Милюкова, «есть совершенно естественное последствие охранительного характера восточной церкви».

В условиях православной государственности последствия подобного «филетизма» не могли быть катастрофическими для Церкви, которую не только «использовали», но которой неизменно покровительствовали. Первое, конечно, можно без особых затруднений связать со вторым, но связь эта должна рассматриваться как акцидентальное следствие церковно-государственных отношений, а не как безусловная закономерность. То, что на указанное обстоятельство обращалось недостаточное внимание исследователями и публицистами либерального, по преимуществу, лагеря до революции 1917 г., можно объяснить фактом их существования в условиях «синодальной реальности», заставлявшей скептически воспринимать методы сохранения государственного православия в многоконфессиональной стране.

Но такое же объяснение не может применяться при оценке тех характеристик, которые давали церковно-государственным отношениям Российской империи советские борцы с «мракобесием и клерикализмом». Яркий образчик того, как оценивали РПЦ такие борцы, можно найти в брошюрах и статьях многих «разоблачителей» церковных нестроений 1920–1930-х, да и последующих годов. Например, анти-

религиозный публицист Е.Ф. Грекулов, заканчивая свойopus о нравах русского духовенства, не преминул указать, что «являясь прислужницей господствующих собственнических классов и проводя среди населения выгодную последним политику, церковь поддерживала свой авторитет не собственным поведением, а принуждением, насилем, как духовным, так и физическим, — для чего к ее услугам был и собственный полицейский аппарат и полицейский аппарат государства, которым она и держалась».

Получалось, что если бы этого «аппарата» в распоряжении Церкви не было бы, то она неминуемо лишилась бы своей власти и влияния на верующую массу. Понятно, что Е.Ф. Грекулов писал свою идеологически ангажированную книжку в 1920-х гг. (тогда ее трижды переиздавали в издательстве «Атеист»), но для нас интереснее отметить другое обстоятельство: критикуя «нравы духовенства» (причем прилагательно к до-синодальной эпохе), он делал *политические обобщения*, стремясь увязать «разврат» и «безнравственность» клириков с государственными функциями Церкви как таковой. Подобный подход был закономерен для тех, кто стремился не столько к исторически достоверному описанию жизни священнослужителей, действительно далекой от идеала, сколько к доказательству порочности самого института Церкви, прочно связанного с «порочной» имперской системой, уничтоженной революцией 1917 г.

Для достижения этой цели использовались всевозможные средства,

в том числе и поэтические. Характерно стихотворение В.В. Маяковского, опубликованное в 1923 г., когда советские власти готовили судебный процесс против Патриарха Тихона (Беллавина). Талантливый поэт Советской России постарался показать, что представляла собой жизнь в России «раньше» (до революции) и «теперь» (после ее победы). «Раньше» — «царь, урядник да поп / друзьями были от рожденья по гроб». Поп, впрочем, тоже называется урядником, только «духовным», наблюдавшим «за крестьянской душой греховной». В соответствии с этой формулой поэт отводил «попу» неблагоприятную роль доносителя и охранителя царства:

Под свист розги,
Под поповское пение,
Рабом жила российская паства.
Это называлось: единение
Церкви и государства.

«Теперь» же царя нет («попал под пули рабочие»), нет и урядников (по ним революция «прошла как лиса по курятникам»), а вот «поп» всё еще существует. Но ведь Церковь отделена от государства, восклицает В.В. Маяковский, поэтому, «если есть еще дураки несчастные / молитесь себе на здоровье! / Ваше дело — частное». Но «попы»-то не смирились, даже наоборот:

Зовет патриарх Тихон
На власть Советов восстать народ.
За границу Тихон протягивает ручку,
Зовет назад белогвардейскую кучку. —
Его святейшеству надо,
Чтоб шли от царя рубли да награда.
Чтоб около помещика-вора

Кормилась и поповская свора.
Шалишь, отец патриарше, —
Никому не отдадим свободы нашей!
За это
Власть Советов,
Ваими избранные люди,
За это —
Патриарха Тихона судят.

Итак, Церковь выставляется корыстной силой, мешающей народной власти строить новую счастливую жизнь, не желающей отказываться от возможности вести «паразитический» образ жизни рядом с «помещиком-вором» и получая награды от царя. Стихотворение можно было бы назвать «Назад в будущее», если бы оно уже не имело своего, хлесткого — «О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?» В.В. Маяковский в поэтической форме воспроизвел схему, которой в дальнейшем, вплоть до конца перестройки, пользовались отечественные критики религии и Церкви. Схема постепенно шлифовалась, время оказывало свое влияние на тональность критикующих, но суть оставалась неизменной: Церковь была «прислужницей» государства, не имея возможности жить собственно церковными интересами. О том, как относиться к термину «прислужница» и/или «служанка», мне уже приходилось говорить выше, в данном случае следует обратить внимание на неизменные отрицательные коннотации, которые использовали советские исследователи религии и Церкви, когда употребляли эти слова.

Кроме того, следует отметить, что, начиная с дореволюционных времен, отечественные исследователи, писавшие о церковно-государствен-

ных отношениях, неизменно обращали внимание на их неравноправность, на подчиненное положение Церкви по отношению к светской власти. С формальной точки зрения, эти исследователи были правы. За доказательствами можно было далеко не ходить. Так, вспоминая о скандальном наречении и рукоположении во епископа друга Гр. Распутина Варнавы (Накропина), приводя соответствующую цитату о «черном борове», которого архиереи посвятят в сан, только бы сохранить на посту обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера, П.Н. Милюков не без ехидства резюмировал: «таким образом, русское церковное устройство приведено было в соответствии с духовно-нравственным состоянием паствы». Понятно, что указанное состояние историк оценивал чрезвычайно низко.

Можно ли утверждать, что церковное устройство разрушалось под воздействием перманентно понижавшегося духовно-нравственного состояния верующих?

Разумеется, определенная связь между ними была, но насколько корректно ее подчеркивать?

Четкого ответа у меня нет. Однако, для меня очевидно, что вера не сводима к институциональным формам, в которых определенный народ или народы к ней приобщаются. К примеру, в слове «синодальный», пущенном в употребление еще архиепископом Феофаном (Прокоповичем), верующий крестьянин XVIII — начала XX в. не слышал ничего родного и близкого своим религиозным переживаниям. По остроумному ут-

верждению А.В. Карташева, последнего обер-прокурора Св. Синода, искусственная форма «синодальный» звучала «для русских простых ушей и чуждо и двусмысленно, как будто речь шла о чем-то “дальнем”, а не близком». Простые люди часто путали Синод с Сенатом, не понимая значения этих слов. Но следует ли, исходя из сказанного, утверждать, что синодальное устройство было важной причиной понижения духовно-нравственного состояния в стране?

Полагаю, что нет. В конце концов, империя была православной, а система симфонии — один из типов христианской теократии — основополагающим принципом ее устройства в России. Насколько сей «тип» мог успешно развиваться в условиях самодержавной государственности, когда под скипетром российского монарха проживали миллионы иноверных и инославных подданных, рассуждать не будем, это отдельный вопрос. Но, по словам того же А.В. Карташова, государя императора, в соответствии с византийской традицией, заложенной еще Константином Великим, необходимо рассматривать как «епископа внешних дел Церкви». Одновременно следует учитывать, что «это было канонически узаконенным видом служения монархической власти на благо самой Церкви», носитель которой для нее «был преданным сыном, по долгу присяги хранителем православия, живой личной христианской совестью, на которую Церковь имела право и возможность духовнически влиять, в которую, как в сосуд для того и предназначенный, она могла вкладывать благодать своих таинств».

Если признать заявленное в качестве формулы идеальных церковно-государственных отношений в православном государстве, то следует сказать, что постановка главного вопроса настоящих заметок — неверна. Но ведь идеальных отношений между государством, являющимся полноправным хозяином «мира сего», и Церкви, проповедующей идеалы «горние», в истории не бывало и, скорее всего, не будет никогда. В такой ситуации вопрос о «службе» Православной Церкви Российскому государству и о «ведомственном» ее оформлении имеет право на существование. Не случайно современный исследователь А.В. Соколов, изучающий церковно-государственные отношения в России 1917 г., пишет, что свержение самодержавия Церковь встретила «не как самостоятельная структура, а как государственное ведомство, в котором служители алтаря действовали в качестве чиновников, обязанных подчиняться начальству».

Конечно, можно задаться вопросом: а что такое «самостоятельная структура» в условиях православной государственности, не химера ли это?

Однако так ставить вопрос неправильно, ибо в конкретных исторических условиях Православная Церковь *не только являлась, но зачастую и воспринималась* как ведомство. А.В. Соколов на основе многочисленных свидетельств показывает, что в дни Февраля 1917 г. у населения были «сильны представления о духовенстве как об “агентах старого режима”». Десакрализация монархической государственности не-

минуемо должна была повести и к десакрализации Церкви — со всеми вытекающими отсюда последствиями. В подобном контексте разговора о Церкви как о «служанке самодержавия» оказывалось невозможно миновать, и всё вновь замыкалось на невозможности адекватно соотносить «идеальные» принципы церковно-государственных отношений и сами эти отношения — в том виде, как они сложились в России.

Впрочем, следует отметить то обстоятельство, что процесс десакрализации монархической государственности начался задолго до революции, которая стала его итогом. Даже такие современники последних лет Синодального периода, как граф С.Ю. Витте, называли главную идею, в течение 25 лет проводившуюся в жизнь обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым «идею о полицейско-православной церкви», т.е. указывали на ненормальность положения Церкви в самодержавной России. Изменить ее правовое положение, позволив провести необходимые реформы, С.Ю. Витте считал важным в связи с намечавшимися на заре XX в. укреплениями начал веротерпимости. Он полагал правильным ввести в церковно-государственные отношения те основания, «которые могли бы дать русской святой православной церкви необходимую свободу действий и свободу управления».

Как известно, до революции 1917 г. провести Поместный Собор не удалось, он начал свои заседания во время социальных нестроений, когда Церковь уже не могла рассчитывать на полноценную поддержку со сто-

роны светской власти (хотя в то время эта власть желала «отдаления», а не «отделения» Церкви от себя). Надо также помнить, что и у новых властителей России, первоначально членов Временного правительства, после 25 октября 1917 г. — у большевиков и их союзников, не было и не могло быть опыта иных церковно-государственных отношений, чем существовавшие ранее «симфонические». Разрушение последних вовсе не подразумевало наличие соответствовавших революционному времени планов их изменения.

Принятый ленинским Совнаркомом «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» не мог моментально изменить ситуацию и неизбежно вел к конфликтам, осложнявшимся эксцессами Гражданской войны и глобальными социально-экономическими пертурбациями. Церковь в лице ее священноначалия объявлялась классовым врагом, с которым велась непримиримая борьба. Воинствующее богоборчество большевиков вносило в эту борьбу элементы не только политического, но и идеологического противостояния, выйти из которого победителем Православная Церковь возможности не имела. Слова о ней как о «пособнице» свергнутого строя переносились и на служителей алтаря, прежде всего на Патриарха Тихона. Последнего и при жизни, и после смерти, последовавшей в 1925 г., аттестовывали как «верного слугу самодержавия и монархиста». Понятно, что и возглавлявшаяся им Церковь характеризовалась как «контрреволюционная сила», желающая восстановления монархии.

Вынужденное «покаяние» Патриарха, прозвучавшее в 1923 г., коренным образом не изменило отношения большевиков к Церкви. «Покаяние» позволило им утверждать, что только успехи Советской власти заставили «тихоновцев» объявить о своей лояльности и прекратить антисоветскую борьбу. Восприятие Церкви как «прислужницы» осталось на десятилетия, прочно укоренившись в советской историографии. «Ни “покаяние” Тихона, ни его завещание (1925 г. — С.Ф.) не содержат какой-либо конструктивной концепции положения церкви в СССР», — утверждал советский чиновник Э.И. Лисавцев, в чьи обязанности в 1960–70-е гг. входило осуществление контактов государственных органов власти с РПЦ. Понятно, что с точки зрения советского чиновника-партийца «церковники» как монархисты и не могли предоставить «конструктивную концепцию». Заключение Э.И. Лисавцева можно понять следующим образом: в «свободном» социалистическом обществе бывшей «прислужнице самодержавия» было чрезвычайно непросто обрести «подлинную свободу».

О том, что на самом деле РПЦ в советский период истории никакой свободы не имела, а после 1943 г. участвовала во внешнеполитических мероприятиях коммунистического государства, никогда не забывавшего о своей атеистической природе, автор предпочитал не распространяться. По сути, со второй половины 1940-х гг. РПЦ оказалась «служанкой» власти, «служанкой», которую использовали по мере надобности, не забывая напоминать

о том, что ее услуги — временное одолжение благодетеля, не более. История повторялась, соединяя в единое целое трагедию и политический фарс: если до 1917 г. Церковь находилась в подчинении православному государству, то после 1917 г. — государству богоборческому, поставившему своей целью полное искоренение религии и утверждение «свободного от религиозных предрассудков» общества новых людей. Действительно, таким людям «прислуга» была бы уже не нужна.

Подводя итоги, можно сказать, что если в Синодальную эпоху в России существовала декларируемая публично «симфония властей», предполагавшая всестороннюю помощь государства, то после 1917 г., вплоть до перестройки, — «лжесимфония», начало которой в 1927 г. было положено митрополитом Сергием (Страгородским). Полагаю, что церковную политику, получившую наименование «сергианства», можно признать новым изданием «старой болезни» — своего рода извращенного атеизмом «византийского греха», а именно: стремления Православной Церкви найти себе место в политической структуре Советского атеистического государства и одновременно стремления этого государства оказывать влияние на ход внутрицерковных дел. Преодоление «сергианства» можно рассматривать и как возможность переформулировать вопрос о том, «была ли Церковь служанкой государства?», на иной: «Возможно ли Церкви отказаться от роли “государственной служанки”?». Насколько корректно такое «переформулирование», покажет время.

В.В. Ведерников

ОТ РЕДАКТОРА

Болезненная проблема взаимоотношений Церкви и культуры, периодически возникающая на протяжении последних 20 лет, на первый взгляд кажется надуманной. Разве христианство — одна из самых исторических религий — не родилось в рамках античной культуры, впитав и переработав ее, а затем разве не стало оно само мощным культурным двигателем? «Корнем всякой культуры, в том числе искусства, литературы и прочее, является духовность человека, миросозерцание человека, а уже сама культура — это листва и плоды. Поэтому принципиально неверно противопоставлять эти две вещи, отрывать их одну от другой», — говорил о. Алесандр Мень [Мень, 1988]. Выдающийся русский поэт О.Э. Мандельштам в разгар гонений, обрушившихся на Церковь, утверждал: «Теперь всякий культурный человек — христианин» [Мандельштам, 1993]. И тем не менее, сложные, а временами и конфликтные отношения между религией и культурой в начале XXI в. — печальный факт. Связан ли он с наступлением эпохи постмодерна, когда для культуры в ее экзистенциальном измерении умер не только Бог, но и человек и на первый

план выходит игра смыслов? или же дело заключается в том, что ответом на вызовы века сего стал религиозный фундаментализм, отвергающий всё, что не соответствует жестким рамкам религиозной традиции? а может быть, дело заключается в политике современного Российского государства, которое пытается взять под свой контроль и религию, и культуру, подчинив их сиюминутным политическим и идеологическим задачам? Каков бы ни был ответ, ясно одно: проблема нуждается в серьезном обсуждении, которое невозможно вне диалога общества и Церкви, религии и культуры.

Не претендуя не только на то, чтобы решить этот сложный вопрос, но и поставить его во всей его полноте, мы решили обсудить лишь один его аспект: взаимоотношения музея и Церкви.

В начале Перестройки, когда наконец-то стало возможным открыто заговорить о месте Церкви в современном обществе, о ее задачах и проблемах, этот аспект не привлек общественного внимания. Возвращение Церкви Свято-

Данилова монастыря¹, последовавшее в самом конце правления Л.И. Брежнева, а затем передача Козельской Введенской Оптиной пустыни и Толгского монастыря в Ярославле, а также части помещений Киевско-Печерской лавры рассматривалось как акт исторической справедливости. Огромное число заброшенных и разоренных храмов, казалось, объединяло одним общим делом – защитой нашего общего прошлого – и церковную общественность, и деятелей культуры.

Но уже в постперестроечное время обозначились серьезные проблемы, связанные с передачей церкви в собственность памятников истории и культуры. Конфликтная ситуация сложилась вокруг храма святого евангелиста Иоанна Богослова, где размещался Музей истории Москвы, Музея-заповедника «Рязанский кремль» и многих других музеев, размещавшихся в церковных зданиях. При этом как-то забывается, что именно благодаря бескорыстным усилиям сотрудников музеев, деятелей культуры было сохранено ценнейшее культурное наследие, которое могло бы быть безвозвратно утеряно. Можно вспомнить и то, что, сохраняя культурные ценности, связанные с религией, музей вольно или невольно занимался тем, что можно было бы назвать религиозным просвещением. Искусствовед Ирина Языкова вспоминает, какое глубокое впечатление произвела на нее историк

византийского искусства Ольга Сигизмундовна Попова. «Мне Бог тоже подарил встречу с ней. Она была моим учителем в МГУ, я писала у нее диплом. Именно она показала мне подлинную глубину иконы. Мы ей все благодарны. К ней на лекции всегда приходили и художники, и иконописцы, и просто люди, интересующиеся православной культурой. Благодаря ее работам художники, вслед за искусствоведами, пытались именно вникнуть в икону» [Языкова, 2013]. На мой взгляд, эту миссионерскую функцию музей продолжает исполнять – и исполнять, может быть, более эффективно, нежели Церковь, – и сейчас.

Есть и еще один аспект этой сложной темы. Передача уникальных культурных памятников Церкви не является ли попыткой монополизации исторической памяти, что, в свою очередь, может привести к расколу общества?

Сложность и неоднозначность проблемы, как мне кажется, понятна и служителям Церкви. Говоря о Законе 30 ноября 2010 года, который регламентирует процесс возвращения Церкви имущества религиозного назначения, Патриарх Кирилл заметил: «Наш народ очень много пострадал, а потому даже возвращение исторической правды не должно приносить людям страдания, не должно вызывать чувства неудовлетворения <...> Как участник процесса, который начнется после принятия этого закона, Церковь будет делать то, что она призвана делать – осуществлять правду, но такими средствами и такими способами, которые не будут наносить ран

¹ В 1982 году советское правительство приняло решение о передаче Церкви Донского монастыря, несколько позже было решено вместо него возратить Свято-Данилов монастырь.

людям и не будут создавать новых проблем в жизни нашего Отечества» [Святейший Патриарх, 2010].

Редакция журнала решила обратиться к представителям музейного дела, ученым, служителям Церкви с просьбой поделиться своими размышлениями о том, каким образом могут взаимодействовать музеи и церковь, в чем причина болезненных конфликтов между Церковью и научным сообществом, каким образом можно было бы решить назревшие проблемы. Нас интересовала не политическая ангажированность авторов (среди них есть люди самых разных убеждений), а их профессионализм, выражающийся в практическом знакомстве с проблемой, наличии специального профессионального образования.

Наибольшую открытость продемонстрировали священнослужители, в то время как часть представителей научной общественности, музейного сообщества по различным причинам не приняли участия в диалоге. Мы, однако, надеемся, что разговор будет продолжен.

REFERENCES

Jazykova I.K. Religioznoe podpol'e vos'midesjatyh. [Elektronnyj resurs] // Pravoslavie i mir. 2013. 30 ijulja. URL: <http://www.pravmir.ru/religioznoe-podpole-vosmidesjatyx> (data obrashhenija 27.12.2015).

Mandel'shtam O. Je. Slovo i kul'tura [Elektronnyj resurs] // O. Je. Mandel'shtam. Sobranie sochinenij v 4 t. M.: Art-Biznes-Centr, 1993. T. 1. URL: <http://rvb.ru>

[ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_263.htm](http://mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_263.htm) (data obrashhenija 27.12.2015).

Men' A. Vera i kul'tura. Vystuplenie v Teatre-studii «Na doskah». Ijul', 1988 g. [Elektronnyj resurs] // URL: http://krotov.info/library/13_m/myen/00098.html (data obrashhenija 27.12.2015).

Svjatejshij Patriarh Kirill: My javljaemsja svideteljami vosstanovlenija istoricheskoj spravedlivosti [Elektronnyj resurs] // Russkaja Pravoslavnaja cerkov'. Oficial'nyj sajt Moskovskogo Patriarhata. 2010. 20 nojabrja. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1323032.html> (data obrashhenija 27.12.2015).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мандельштам О.Э. Слово и культура [Электронный ресурс] // О.Э. Мандельштам. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_263.htm (дата обращения 27.12.2015).

Мень А. Вера и культура. Выступление в Театре-студии «На досках». Июль, 1988 г. [Электронный ресурс] // URL: http://krotov.info/library/13_m/myen/00098.html (дата обращения 27.12.2015).

Святейший Патриарх Кирилл: Мы являемся свидетелями восстановления исторической справедливости [Электронный ресурс] // Русская Православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 2010. 20 ноября. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1323032.html> (дата обращения 27.12.2015).

Языкова И.К. Религиозное подполье восьмидесятых [Электронный ресурс] // Православие и мир. 2013. 30 июля. URL: <http://www.pravmir.ru/religioznoe-podpole-vosmidesjatyx> (дата обращения 27.12.2015).

Кирилл Каледа, протоиерей

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЦЕРКОВНОГО МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ТЕРРОРА XX СТОЛЕТИЯ НА ПРИМЕРЕ БУТОВСКОГО ПОЛИГОНА И ФЕНОМЕН ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ МУЗЕЕВ РОССИИ

Большинство культур, сообразно своей этимологии (cultura есть то, что имеет развиваться из cultus), было именно прорастанием зерна религии, горчичным деревом, разросшимся из семени веры. Этот исторический факт охотно признает почти всякий исследователь в отношении всех религий.

Флоренский

Обращение руководства Санкт-Петербургской епархии о передаче Церкви Исаакиевского собора вновь всколыхнуло проблему взаимоотношения Церкви и светской части нашего общества в сфере сохранения объектов культуры, в сфере сохранения исторической памяти. Думается, что это волнение могло возникнуть только в нашей стране и только в нашем обществе и связано с нашим специфическим отношением к закону. Он вроде бы и есть, но мы все знаем, что его можно не выполнять. Примечательно, что в данной ситуации за-

кон не хотят выполнять высокопоставленные чиновники, которые в первую очередь и должны его выполнять или хотя бы делать вид, что они его исполняют. Поддерживает их та часть нашего общества, которая, несомненно, считает себя либеральной, то есть тоже считает, что закон должен выполняться.

Руководство Санкт-Петербурга оправдывает свою позицию, исходя из экономической составляющей этой проблемы: кто будет содержать собор, который представляет собой не только памятник истории

и искусства, но и сложное инженерное сооружение? Но если же говорить о существовании конфликта, то он связан в первую очередь с отношением церковной и нецерковной частей нашего общества к Храму. Что это в первую очередь: сакральное место, где человек восходит на Небо, в Царство Небесное, или памятник искусства и истории, который должен быть доступен «для всех и вся»?

Достигнуть компромисса в решении этого вопроса крайне сложно. Этому препятствует и будет препятствовать различие у оппонентов мировоззрений, причем различие на самом глубинном уровне. Необходимо искать пути к «мирному сосуществованию» этих двух позиций при решении конкретных проблем в сфере культурной и религиозной жизни. Признание ценности и религиозной, и культурной сторон жизни человека должна быть постулатом при разрешении возникающих споров.

Говоря о соотношении музейного дела и церковного искусства полезно вспомнить несколько слов отца Павла Флоренского, которые он высказал в своем докладе в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры в 1918 г., когда в связи с начавшимся массовым уничтожением хранившихся в Церкви памятников культуры и истории встал вопрос о попытке их сохранения путем передачи в музей.

«Музей, самостоятельно существующий, есть дело ложное и в сущности вредное для искусства, ибо предмет

искусства хотя и называется вещью, однако отнюдь не есть **вещь**, не есть... неподвижная, стоячая... мертвая мумия художественной деятельности, но должен быть понимаем как никогда не иссякающая, вечно бьющая струя самого творчества, как живая, пульсирующая деятельность творца, хотя и отодвинутая от него временем и пространством, но все еще неотделимая от него, всё еще переливающаяся и играющая цветами жизни, всегда волнующаяся <...>

Художественное произведение живет и требует особых условий своей жизни, в особенности — своего благоденствия, и вне их, отвлеченно от конкретных условий своего художественного бытия, — именно художественного — взятое, оно умирает или по крайней мере переходит в состояние анабиоза, перестает восприниматься, а порою — и существовать как художественное. Между тем, задача Музея — есть именно отрыв художественного произведения, ложно понятого как некая вещь, которую можно унести или увезти куда угодно и поместить как угодно, — уничтожение (— беру эту задачу предельно —) художественного предмета как живого. <...> Несколько музейных тряпок или бубен шамана суть именно тряпки и бубен, и при изучении шаманизма столь же мало имеют цены, как шпора Наполеона в военной истории новейшего времени <...> Художественное произведение есть центр целого пучка условий, при которых оно только и возможно как художественное, и вне своих конститутивных условий оно как художественное **просто не су-**

ществует. Чем сложнее условия жизни данного произведения, тем легче исказить его стиль, тем легче сделать ложный шаг, незаметно уводящий с плоскости подлинной художественности и ведущий к бесстилию.

Это общее положение в особенности относится к искусству церковному. Эстетика недавнего прошлого считала себя вправе свысока смотреть на русскую икону; в настоящее время глаза эстетов раскрылись на эту сторону церковного искусства. Но этот первый шаг, к сожалению, — пока еще **только** первый, и нередко эстетическое недомыслие и недочувствие, по которому икона воспринимается как самостоятельная вещь, находящаяся обычно в храме, случайно помещенная в храм, но с успехом могущая быть перенесенной в аудиторию, в музей, в салон или еще, уж, не знаю, куда. Я позволил себе назвать недомыслием этот отрыв одной из сторон церковного искусства от целостного организма храмового действия как синтеза искусств, как той художественной среды, в которой, и только в которой, икона имеет свой подлинный художественный смысл и может созерцаться в своей подлинной художественности. Даже самый легкий анализ любой из сторон церковного искусства покажет связанность этой стороны с другими, — я лично убежден — со всеми» [Флоренский, 1996: 371–372].

Из тезиса отца Павла о целостности храмового действия как синтеза искусств следует, что храм, лишенный полноценной богослужбной жизни, теряет свою ценность не только

в религиозном, но и в культурном, и даже в художественном смысле.

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли вообще полноценное сотрудничество Церкви, государства и светского общества в деле культурного строительства, или это всегда будет соревнование «наперегонки» по принципу: «кто успел, тот и съел»? О возможности такого плодотворного сотрудничества в сфере сохранения исторической памяти свидетельствует опыт создания на Бутовском полигоне общественно-церковного мемориального комплекса памяти жертв террора прошлого столетия.

Бутовский полигон — крупнейшее в Московском регионе место массовых расстрелов и захоронений жертв террора середины XX столетия. По официальным данным, расстрелы на полигоне происходили с конца 1935 г., и, по свидетельским показаниям, вплоть до конца 40-х — начала 50-х гг. здесь производились захоронения умерших и расстрелянных в московских тюрьмах. Общее количество захороненных неизвестно, но только в период с августа 1937 по октябрь 1938 г. по имеющимся документам здесь было расстреляно и захоронено 20 761 человек.

Основную часть расстрелянных составляют жители Москвы и Московской области, но вместе с ними пострадали жители других областей и бывших республик Советского Союза, а также граждане и выходцы Германии, Польши, Франции, США, Австрии, Венгрии, Италии, Греции, Турции, Китая и т. д. Вслед

за русскими, которые составляют большинство убиенных, следуют латыши, поляки, евреи, украинцы, немцы, белорусы. Всего же среди жертв полигона — представители более шестидесяти национальностей.

Среди расстрелянных преобладают простые крестьяне и рабочие, которых арестовывали иногда целыми семьями. Расстреливали и подростков 15–16 лет, и 80-летних стариков. Подавляющее число пострадавших — беспартийные, имевшие низшее образование или вовсе неграмотные. Но наряду с ними немало ученых, деятелей искусства и культуры, государственных и общественных деятелей, военных.

В середине 50-х гг. полигон был закрыт, и внешнее ограждение было снято. Центральная часть полигона, где находилась основная часть захоронений, была огорожена глухим забором с колючей проволокой и вплоть до середины 90-х гг. находилась под строгой охраной органов. На краях бывшей спецзоны, где не было захоронений, возник дачный поселок для сотрудников КГБ.

В начале 90-х гг. в ходе реализации Указа Президиума ВС СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» от 16.01.1989 и Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г. № 1761-1 в архиве Управления Министерства Безопасности РФ по г. Москве и Московской области были обнаруже-

ны 18 томов дел с предписаниями и актами о приведении в исполнение расстрелов в отношении 20 761 осужденного.

В связи с тем, что в обнаруженных документах не было сведений о местах приведения приговоров и захоронений расстрелянных, по распоряжению начальника вышеуказанного управления Е.В. Савостьянова с целью установления этих мест была проведена специальная проверка, по результатам которой Бутовская спецзона была признана местом массовых расстрелов и захоронений жертв политических репрессий. [Бутовский полигон, 1997: 357–358]

Одновременно с проверкой Московского Управления МБ РФ общественная группа по увековечению памяти жертв политических репрессий под руководством М.Б. Миндлина с разрешения руководства МБ приступила к обработке архивно-следственных дел с целью составления картотеки расстрелянных, а затем кратких биографических справок пострадавших. Эта работа продолжалась в течение почти десяти лет и легла в основу изданной Правительством Москвы восьмитомной Книги Памяти «Бутовский полигон» [Бутовский полигон, 1997; 1998; 1999; 2000; 2001; 2002; 2003; 2004].

7 июня 1993 г. состоялось первое посещение территории Бутовского захоронения родственниками пострадавших и общественностью. Осенью того же года на средства общественности при содействии Правительства Москвы в южной

части территории захоронения был установлен каменный мемориальный знак. Территория в то время находилась в ведении и под охраной ФСК (Федеральной службы контрразведки).

В ходе изучения архивно-следственных дел было выявлено, что в Бутово пострадало большое число священнослужителей Русской Православной Церкви, и эти сведения были переданы Святейшему Патриарху Алексию. Внимательно ознакомившись с полученными материалами, Святейший Патриарх написал:

«10.II.1994. С содроганием сердца я прочитал имена, звания, сан и надуманные обвинения, выдвинутые против этих исповедников и мучеников, начиная от митрополита и кончая неграмотной монахиней или схимницей.

Необходимо в этом году построить часовню-храм на месте их подвига для молитвенного поминовения многих тысяч пострадавших за веру Христову и правду»¹.

Идею о строительстве на Бутовском полигоне храма поддержал и мэр г. Москвы, Ю.М. Лужков.

8 мая 1994 г. на полигоне был освящен поклонный крест. Он был изготовлен и установлен Свято-Тихоновским Православным Богословским институтом по проекту и активном участии скульптора Д.М. Шаховского, сына убиенного в Бутове священника Михаила Шика.

После освящения креста в Бутово стало приезжать московское и подмосковное духовенство и совершать панихиды, на которых молились близкие убиенных на полигоне, их лично знавшие: дети и внуки, а иногда даже братья и жены. Естественно, это были люди преклонного возраста. В связи с этим стало очевидно, что храм на этом месте строить нужно срочно, так как именно этим родственникам, в первую очередь и нужен этот храм, но в силу своего возраста они долго ждать его строительства не могут.

Осенью 1994 г. из родственников убиенных в Бутове была создана и в установленном порядке зарегистрирована община храма Свв. Новомучеников и исповедников Российских в Бутове. В конце того же года Патриарх Алексей по просьбе общины обратился к руководству ФСК с прошением о предоставлении земельного участка для строительства храма. В ответ на это обращение Администрация Московской области предложила передать Церкви не только всю территорию Бутовского захоронения, но и территорию захоронения в Коммунарке. Оказалось, что еще в конце 80-х — начале 90-х гг. руководство КГБ неоднократно обращалось в Администрацию области с просьбой передать указанные территории какой-нибудь организации. Руководство Московской области, понимая, что представляют собой эти объекты, просто не знало, кто мог бы взять их под свою опеку.

Предложение Администрации о передаче территорий бывших спецобъектов Церкви было неожиданно

¹ Резолюция Святейшего Патриарха Алексия, канц. № 326 от 11 февраля 1994 г.

данно, но после изучения ситуации Святейший Патриарх Алексий благословил принять их под покров Церкви с тем, чтобы в Бутове был построен приходской храм, а в Коммунарке создано монастырское подворье.

В момент передачи территория Бутовского захоронения находилась в ужасном, запущенном состоянии. Залесенная часть территории заросла густым подлеском, с большим количеством сухостоя и валежника. Северная часть была завалена мусором: от чернильных пузырьков и диванных пружин до бетонных блоков. Восточная часть территории с молодым садом была отделена рядом сараев, построенных в 60-х годах жителями бывшего полигоновского поселка. Забор, окружающий сараи, стоял, как это выяснилось позже, прямо на погребальном рве. В довершении всего этого на большей части территории были заросли борщевика, через которые, как через джунгли, приходилось прорубаться топором. Режим посещения захоронения до передачи его Церкви был следующим: суббота и воскресенье с 11 до 16 часов.

После передачи Церкви территория захоронения стала открыта для посещений практически все светлое время суток. В памятные, поминальные дни начали совершаться молебны и панихиды, в том числе и архиерейским чином. 18 июня 1995 г., в день празднования Собора всех святых в земле Российской просиявших, по благословению Патриарха Алексия на полигоне в походном храме Братства Всемилового

Спаса была совершена первая Божественная литургия. В богослужении приняло участие духовенство московских храмов, возглавил его ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института протоиерей Владимир Воробьев. После литургии вокруг всей территории захоронения был совершен крестный ход.

В начале 1995 г. в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских по московским храмам был совершен сбор средств на строительство храма в Бутове. На эти средства по проекту Д.М. Шаховского в западной части территории захоронения был построен небольшой деревянный храм. 11 декабря 1996 г., в день мученической кончины митрополита Серафима (Чичагова) храм был освящен, и в нем начались регулярные богослужения.

Сразу после своего создания приходская община стала заниматься не только строительством храма, но и приведением территории захоронения в порядок, ее благоустройством и исследованием, сбором сведений о пострадавших с целью создания на полигоне музея памяти пострадавших, а также решать вопросы охраны этого памятного места. Взяв на себя ответственность за сохранение и мемориализацию Бутовского полигона, члены общины с самого начала своей деятельности исходили из постулата, что Бутовская земля священна не только для православных, но и для последователей всех вероисповеданий и мировоззрений, представители которых были убиты на этом

месте. Это позиция общины была одобрена священноначалием.

К сожалению, передача территорий захоронений в Бутове и в Коммунарке Русской Православной Церкви вызвала напряжение у светской общественности. Был задан, казалось бы, логичный вопрос: «Почему эти территории переданы православным, когда там захоронены не только представители различных конфессий, но и атеисты?» Задающие этот вопрос не учитывали, с одной стороны, то, что большинство захороненных в этих местах были хотя бы по своему происхождению православными, а с другой стороны, то обстоятельство, что почитание мест захоронений и молитва об усопших свойственны далеко не всем религиозным конфессиям и даже не всем христианским номинациям, и наиболее развиты именно в православии.

В связи с этим М.Б. Миндлиным, руководителем Общественной группы по увековечению памяти жертв политических репрессий, было предложено провести на Бутовском полигоне поминальную акцию с приглашением на нее представителей различных конфессий. Церковь приняла это предложение, и 2 мая 1995 г. было проведено мемориальное мероприятие. Представители общества «Мемориал» обзвонили родственников пострадавших от репрессий с приглашением принять участие в этом поминовении. Комитет общественных связей Правительства Москвы обеспечил автобусы, которые доставили участников мероприятия в Бутово. В поминовении помимо православных

приняли участие представители Католической Церкви, протестантской, иудейской, мусульманской и буддистской общин. Была проведена и гражданская панихида. Общее число участников было несколько более 500 человек. В последующие годы и до настоящего времени проведение подобных поминальных акций стало традицией, хотя, в связи с невостребованностью для других религиозных конфессий подобных поминовений, в них принимают участие только православные.

Несмотря на непростые отношения с руководством Группы по увековечению памяти жертв политических репрессий, в 1997 г. община Бутовского храма совместно с указанной группой издала «Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД “Объект Бутово” 08.08.1937 – 19.10.1938» [Мартиролог..., 1997], который содержал имена всех 20 761 убиенного, невзирая на их религиозную или мировоззренческую принадлежность и, более того, невзирая на то, был ли пострадавший реабилитирован или по каким-то причинам не был.

В последующем под эгидой Комитета общественных связей Правительства Москвы в обществе «Мемориал» был проведен круглый стол для обсуждения статуса захоронений в Бутове и Коммунарке. На этом обсуждении И.Б. Шабан, зам. председателя Постоянной межведомственной комиссии правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, доложил, что по ряду причин правительство Москвы не может взять

под свою эгиду эти территории. Таковую же позицию заняло и правительство Московской области. На предложение таким крупным общественным организациям как «Мемориал» и «Ассоциация жертв политических репрессий» взять ответственность за эти захоронения, их представители ответили отказом. Представитель Русской Православной Церкви, епископ Видновский Тихон, подтвердил готовность Церкви заниматься сохранением и мемориализацией этих мест. Таким образом, вопрос о пересмотре статуса захоронений, переданных Русской Православной Церкви, был снят.

В 1996 г. в самом центре бывшей спецзоны в непосредственной близости от захоронений было начато строительство многоэтажного жилого поселка. По инициативе членов общества «Мемориал» некоторыми общественными организациями были предприняты попытки остановить это строительство, но они не увенчались успехом. Только после обращения Святейшего Патриарха Алексия II к мэру г. Москвы Ю.М. Лужкову о недопустимости жилого строительства в таком месте оно было остановлено. Вслед за этим Мосархитектурой были разработаны «Проектные предложения по созданию мемориального комплекса в районе поселка Новодрожжино Ленинского района Московской области».

Летом 1997 г. общиной храма с привлечением необходимых специалистов был произведен раскоп одного из погребальных рвов. Проведенные исследования однозначно

подтвердили, что Бутово является местом массового захоронения репрессированных [Бутовский полигон, 1999].

В 1998 г. Правительством Москвы была капитально отремонтирована дорога, ведущая от Варшавского шоссе к полигону, и организовано регулярное автобусное сообщение от ближайшей станции метро.

В 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе в лике святых был прославлен Собор новомучеников и исповедников Российских. Наряду с другими в поименный список канонизированных святых были включены 129 новомучеников, убиенных в Бутове [Русская Голгофа, 2005]. В последующее время Постановлениями Священного Синода РПЦ в этот список были включены еще 203 бутовских мученика. В результате из общего числа пострадавших в Бутове 332 убиенных прославлены в лике святых, что придало особое значение этому месту, названному Патриархом Алексеем «Русской Голгофой», так как на канонической территории Русской Православной Церкви больше не известно мест, где в мощах почитается такое количество святых.

С 2000 г. в 4-ю субботу по Пасхе, в день празднования Собора Новомучеников в Бутове пострадавших, на полигоне под открытым небом совершается Патриаршее богослужение, на которое приглашаются духовенство и прихожане московских и подмосковных храмов. В богослужении принимают участие более 300 священнослужителей и около 3–4 тыс. молящихся.

В 2001 г. в ответ на новое обращение Патриарха постановлением правительства Московской области № 259/28 Бутовский полигон был объявлен памятником истории общей площадью около 100 га, что дало юридическое основание для его сохранения.

В 2002 г. общиной бутовского храма был создан научно-просветительский центр «Бутово», задачей которого наряду со сбором материалов по истории Бутовского полигона и лиц, пострадавших на нем, стало изучение этноконфессиональных традиций обустройства мест массовых захоронений жертв социальных катастроф.

С этой целью по инициативе директора Центра И.В. Гарькавого были проведены два круглых стола. Первый из них, «Место скорби в традициях отечественной мемориальной культуры» (Бутово, 13.06.2004), был посвящен традиции сооружения Храмов на Крови [Итоговый документ..., 2006]. Второй, «Организация пространства мест массовых захоронений жертв социальных катастроф в России XVI – начала XX века» (Москва, 14.04.2005), уделил главное внимание изучению традиций братских кладбищ Древней Руси – Скудельниц и Божьих Домов.

6–8 июня 2006 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при содействии Комитета общественных связей Правительства Москвы была проведена научно-практическая конференция «Этноконфессиональные традиции и практика мемориализации мест массовых захоронений жертв

социальных катастроф». В ее работе участвовали представители религиозных и общественных организаций, специалисты музейного дела из пяти регионов России. Помимо православных в ней приняли участие представители Совета Муфтиев Центрального Духовного Управления мусульман России, Католической Архиепископии и Евангелической Лютеранской церкви, а также директор ритуальной службы Московской еврейской общины. Инославные участники конференции одобрили деятельность Русской Православной Церкви по сохранению и мемориализации Бутовского полигона. В ходе плодотворного диалога было установлено, какие традиции почитания подобных мест и увековечения памяти усопших существуют в рамках культовой практики разных конфессий, было дано развернутое описание и адекватная интерпретация поминальных обрядов, высказаны рекомендации единоверцам в отношении почитания подобного рода мест. Диалог проходил в атмосфере взаимного уважения и сотрудничества. Большое общественное значение имел вывод участников диалога, что в каждой из традиций существуют не только особые формы поминовения своих погибших единоверцев, в рамках своей религиозной корпорации, но и всех людей, ставших жертвой одной общей беды. Представители конфессий высказали ряд рекомендаций по дальнейшей мемориализации полигона. В частности, была высказана просьба не устанавливать на погребальных рвах кресты, так как в них лежат останки не только христиан. Эта и другие рекомендации выполняются при

благоустройстве территории захоронений.

Осенью 2005 г. на средства Москвы и Московской области на территории захоронений были проведены благоустроительные работы, основной целью которых было обозначение погребальных рвов в виде могильных холмов. Благоустроительным работам предшествовали двухлетние исследования территории захоронения с применением современных археологических, геофизических, геоботанических и других методик. Работы были проведены в соответствии с проектом комплексного благоустройства и озеленения территории захоронений, разработанным ЦГЛП «Центрлеспроект», получившим благословение Патриарха Алексия II и необходимые согласования министерства культуры Московской области и прошедшим общественное обсуждение. В результате было обозначено 13 рвов общей протяженностью более 800 м, местонахождение которых было выявлено в ходе исследовательских работ. Кроме того была создана система ливневой канализации и проложена сеть пешеходных дорожек. Большую роль в организации этих работ сыграли сотрудники Постоянной межведомственной комиссии правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий М.Н. Сулова, Л.И. Громова и А.С. Никитина.

В 2004–2007 гг. в центре бывшей спецзоны, к югу от территории захоронений, по проекту архитектора М.Ю. Кеслера был возведен каменный двухэтажный храм в честь Ново-

мучеников и исповедников Российских. На первом этаже храма создан реликварий, где хранятся различные предметы и вещи, принадлежащие пострадавшим на полигоне людям, а на стенах висят иконы с изображениями в бутовских новомучеников.

8 августа 2007 г., в 70-ю годовщину начала расстрелов на Бутовском полигоне, около каменного храма был воздвигнут Большой Поклонный Крест. Крест был изготовлен в кресторезной мастерской Соловецкого монастыря мастером Г. Кожакарем. В Бутово он был доставлен водным крестным ходом, который прошел по водным системам Беломорско-Балтийского канала, Волго-Балта и канала им. Москвы, т.е. водным системам, которые были построены трудом, а нередко и ценой жизни многих тысяч заключенных. Таким образом, этот Крест стал памятником не только пострадавших на Соловках и в Бутове, но многих сотен тысяч пострадавших в разных частях нашей страны.

30 октября 2007 г. в День памяти заключенных Бутово посетил президент Российской Федерации В.В. Путин. Его встретил Святейший Патриарх Алексий. После панихиды, совершенной Святейшим, высокие гости возложили цветы к Соловецкому Кресту и на захоронения. До настоящего времени этот визит воспринимается как исторический и является важной вехой в деле увековечения памяти жертв репрессий XX столетия.

Бутовский полигон становится все более посещаемым как родственниками репрессированных, так

и теми, кому дорога память о невинно пострадавших: это учащиеся светских и церковных учебных заведений, прихожане московских и подмосковных храмов, иностранные делегации. Для организации их приема при храме действует паломническая служба. Постоянное внимание к полигону проявляют средства массовой информации, как отечественные, так и зарубежные.

Богослужебная жизнь бутовского прихода в значительной степени определена днями памяти пострадавших на этом месте. 51 день в году, в дни памяти прославленных в лике святых бутовских новомучеников, совпадающими с днями их мученической кончины, совершаются соответствующие богослужения в их честь. Кроме того, в дни расстрелов, на которые не приходится память прославленных в лике святых, совершаются заупокойные службы. Помимо этого в остальные дни при выборе, кому совершать богослужение, при возможности отдается предпочтение новомученикам и исповедникам XX в.

Вместе с тем понимая, что церковная в целом, и богослужебная в частности, форма почитания памяти пострадавших понятна не всем современникам, община храма развивает внебогослужебные формы поминовения и сохранения памяти.

В течение последних трех лет 30 октября, в светский день памяти пострадавших от репрессий, в Бутове проводится акция «Голос Памяти», во время которой прочитываются все известные имена убиенных на этом трагическом месте. Акция

начинается с панихиды, после которой происходит возложение цветов на погребальные рвы, и начинается чтение имен. Оно ведется со специально установленной около одного из рвов кафедры. Читают все желающие от архиереев до школьников. Чтение продолжается более семи часов. В нем принимают участие родственники пострадавших, представители общественных организаций, сотрудники аккредитованных в Москве дипломатических представительств, прихожане храма, учащиеся общеобразовательных школ, деятели культуры и даже сотрудники силовых ведомств.

По мнению участников, такая форма поминовения дает возможность каждому соприкоснуться с той трагедией, которая произошла в истории нашего народа. Как сказала одна из участниц, после прочтения каждого имени она слышала отзвуки выстрелов...

В течение многих лет приходом и мемориальным центром осуществляется деятельность по созданию Музея памяти пострадавших. Он будет посвящен истории Бутовского полигона и людей, которые были здесь репрессированы. Уже сейчас коллекция музея состоит из более 500 единиц хранения. Музей будет размещен в бывшем усадебном флигеле, где в конце 30-х гг. прошлого века располагалась комендатура полигона. Здание площадью около 300 кв. м к настоящему времени отреставрировано, и идет работа по созданию экспозиции.

8 августа 2015 г., в годовщину начала расстрелов, на Бутовском по-

лигоне были начаты работы по созданию «Сада памяти», мемориала, в котором на каменных досках будут увековечены имена всех пострадавших на этом месте. В связи с множеством имен общая длина этих досок составит 300 м. Проект мемориала, разработанный архитектурной мастерской А.Н. Жернакова при активном участии прихода и мемориального центра, прошел апробацию на общественных слушаниях и согласован с министерством культуры Московской области и Искусствоведческой комиссией Московской Патриархии. Финансирование работ осуществляет генеральный директор ГК «Видео-Интернешнл», С.А. Васильев, внук убиенного на полигоне В.А. Петрова. На акции, посвященной началу работ по созданию мемориала, М.А. Федотов, советник Президента РФ по развитию гражданского общества и правам человека, сказал:

«В феврале 2011 г. мы предложили вниманию президента проект по увековечению памяти жертв политических репрессий: создание мемориала “Сад памяти” здесь на Бутовском полигоне. С тех пор прошло уже 5 лет... Государство работает медленно... Сегодня мы видим, что могут сделать сами люди. Именно благодаря доброму сердцу людей мы имеем возможность заложить сегодня мемориал “Сад памяти”».

Таким образом, в результате совместных усилий Церкви, государства и общественности создан уникальный церковно-общественный мемориал, получивший известность как в России, так и за рубежом, как

среди церковной, так и среди светской частей нашего общества. Этот опыт наглядно показывает плодотворность объединения усилий Церкви, общества и государства в деле сохранения и преумножения нашего культурного наследия, в деле сохранения исторической и социальной памяти. Учитывая реалии нашего исторического момента: ограниченность не только материальных средств, но и интеллектуальных ресурсов, в частности недостаток квалифицированных кадров, — такое сотрудничество и дает нам надежду на успех в этом деле.

Подробно остановившись на опыте сотрудничества Церкви и светского общества в сфере сохранения исторической памяти на примере мемориализации Бутовского полигона, хотелось бы сказать несколько слов об общем положении дел в сфере церковного музейного делания.

В дореволюционной России насчитывалось более 50 церковных музеев, созданных на базе древлехрамисниц, монастырских и архиерейских ризниц [Михайлов, 2014]. Если учесть, что всего в России было чуть более 200 музеев [Музеи, 2015], то становится очевидным, что доля церковных музеев была высокой. Более того, в начале XX века была начата работа по составлению научных описей реликвий, хранящихся в различных церковных сокровищницах.

Так в 1909 г. был создан Комитет по составлению научной описи Синодальной ризницы, находящейся

в Московском Кремле. К работе в Комитете были приглашены лица, известные своими научными изысканиями. В их числе — товарищ председателя Исторического музея князь П.С. Щербатов, хранитель этого музея А.В. Орешников, директор Архитектурного института А.И. Успенский, директор Живописной палаты при Донском монастыре К.П. Степанов, хранитель Оружейной палаты В.К. Трутовский, синодальный ризничий архимандрит Димитрий (Добросердов)² и его помощник иеромонах Арсений (Денисов), зав. Синодальной библиотекой Н. Попов и др. По результатам этих работ предполагалось издание описи, снабженное большим количеством цветных фотографий, на что были выделены необходимые средства. События 1917 г. помешали Комитету завершить свою работу [Павлович, 1995].

В это же время началось осознание значения русского церковного искусства как особого явления в мировом искусстве, что отразилось в написании таких работ, как «Умозрение в красках» кн. Евгения Трубецкого [Трубецкой, 1965], «Иконостаса» отца Павла Флоренского [Флоренский, 1996: 419–526] и др.

В результате постреволюционной ликвидации церковных музеев этот богатейший пласт духовной культуры был частью уничтожен, а частью передан в светские музеи, где многие бесценные реликвии были сохранены. К сожалению, тем или

иным репрессиям были подвергнуты многие из тех, кто в предреволюционное время начал эту большую исследовательскую работу по изучению нашего духовного наследия, а затем прилагал усилия для сохранения этих памятников в советское время.

Сегодня вновь Русской Церковью с особой актуальностью поставлен вопрос о сохранении христианского культурного наследия на своей канонической территории. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (2–5 февраля 2013 г.) принял Постановление о надлежащем использовании, сохранении, учете, ремонте, реставрации и восстановлении движимых и недвижимых памятников культуры, переданных Церкви [Собрание... 2015]. Во исполнение этого постановления на заседании Священного Синода 25 декабря 2014 г. было принято Положение о должности епархиального древлехранителя [Там же], в обязанности которого вменено осуществление контроля за сохранением памятников истории и культуры — объектов недвижимого имущества со связанными с ними произведениями иконописи, живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, иные предметы церковного наследия находящихся в собственности (пользовании) Церкви. Обязательное введение штатных древлехранителей вменено многим епархиям. При этом в указанном Положении обращено внимание, что епархиальный древлехранитель (клирик или мирянин) назначается на должность по возможности из числа специалистов, компетентных в вопро-

² Впоследствии архиепископ Можайский, расстрелян в Бутове 21.10.37.

сах сохранения объектов культурного наследия.

Церковное священноначалие осознает важность ведения профессионального диалога со светским музейным сообществом, обмена опытом, совместных решений проблем по обеспечению сохранности материального культурного наследия религиозного назначения. В связи с этим решением Священного Синода от 31 мая 2010 г. при Патриаршем совете по культуре создана Комиссия по взаимодействию Русской Православной Церкви с музейным сообществом.

В практическом же плане в сфере создания музеев и проведения выставок у Церкви также есть положительный опыт. В настоящее время в России действуют более 50 церковных музеев, имеющих как разный юридический статус, так и разный культурный потенциал.

Говоря о современных церковных музеях, в первую очередь следует упомянуть о том, что в ноябре прошедшего 2015 г. в Храме Христа Спасителя был открыт Патриарший музей церковного искусства. Ценность представленных в нем экспонатов трудно переоценить, так как в его экспозиции можно видеть такие уникальные реликвии, способные украсить любой музей мира, как фаумский портрет V века, раннехристианские мозаики и другие.

Во вторых, следует сказать о Церковном музее Московской епархии. Этот музей фактически стал преемником филиала Государственно-

го Исторического музея, который долгие годы находился в Новодевичьем монастыре и выехал с его территории в связи с передачей обители Русской Православной Церкви. Музей является частным учреждением культуры, учредителем и собственником которого является Московская Епархия.

С первых дней существования музей стремился в сохранении высокого профессионального уровня экскурсионного обслуживания – такого, каким оно было в филиале Государственного Исторического музея. Поэтому его экскурсоводы были привлечены на работу в Церковный музей. Благодаря этому экскурсионное бюро ни на один день не прервало свою работу. У музея установились прочные связи с Российским Институтом Археологии РАН, постоянно проводящим работы на памятниках Новодевичьего монастыря, а также с Центральными научно-реставрационными производственными мастерскими, курирующими проведение всех реставрационных работ на памятниках Новодевичьего монастыря. Церковный музей Московской епархии успешно продолжает традиции музеефикации Новодевичьего монастыря – одного из основных туристических объектов столицы – и удерживает высокий рейтинг среди московских музеев. После передачи обители в пользование Церкви наблюдается устойчивое увеличение потока посетителей. Экспозиции музея пользуются популярностью среди различных социальных групп населения, желающих познакомиться с историческим и духовным наследием России [Куликов, 2014].

Наряду с указанными музеями в Храме Христа Спасителя и в Новодевичьем монастыре, решение о создании которых принималось высшим священноначалием, большая часть действующих в настоящее время церковных музеев создавались по инициативе снизу: епархий, приходов, а нередко даже частных лиц. Упомянем некоторые из них: Самарский епархиальный церковно-исторический музей; Музей церковной истории и искусства Ставропольской и Невинномысской епархии; кабинет-музей им. М.М. Девицкого³ при храме в честь Воскресения Господня г. Воронежа; Мемориальная квартира-музей св. Иоанна Кронштадтского в Кронштадте; Церковно-археологический музей Московского Зачатьевского Алексеевского монастыря; Рязанский Церковный историко-археологический музей; Музей Нило-Столобенской пустыни; Исторический музей Святой Царской Семьи при Храме-Памятнике на Крови в Екатеринбурге.

В декабре 2014 г. по инициативе руководства Церковно-археологического кабинета Московской Духовной Академии, старейшего церковного музея России, была проведена конференция «Христианский музей в современном мире». На конференции были представлены почти 50 православных музеев практически со всей России. Участники отметили, что перед христианскими музеями в современных условиях стоит задача поиска но-

вых моделей и форм деятельности, и при этом необходимо решить ряд трудностей: недостаток квалифицированных специалистов в области церковного музееведения; нередко отсутствие необходимых условий для сохранения коллекций; сложности атрибуции памятников церковного искусства, а также нехватка финансирования. Было также отмечено, что успешная работа по сохранению культурного и духовного наследия возможна только при взаимном сотрудничестве Церкви и государства, при создании общей финансовой и правовой базы, обеспечивающей решение возникающих вопросов как в пределах нашей страны, так и на международном уровне.

Участники конференции приняли решение о создании Союза христианских музеев имени преподобного Сергия Радонежского.

Говоря о результатах конференции, протоиерей Геннадий Беловолов⁴ сказал: «Мы имеем дело с рождением нового культурного феномена нашего времени – христианских музеев России» [Беловолов, 2014].

Представляется, что развитие христианских музеев России имеет свою перспективу.

³ Сщмч. Митрофан Девицкий – последний предреволюционный настоятель Воскресенского храма, в феврале 1920 г. расстрелян красноармейцами на глазах беременной жены и семерых детей.

⁴ Протоиерей Геннадий Беловолов – настоятель храма св. Иоанна Богослова (историческое подворье Леушского Иоанно-Предтеченского монастыря) в Санкт-Петербурге, основатель и директор Мемориального музея-квартиры св. Иоанна Кронштадтского в Кронштадте, а также Музея игуменнии Таисии при Леушском подворье, научный сотрудник Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

С одной стороны это обусловлено тем, что в последнее время Министерство культуры из-за нехватки средств крайне неохотно идет на создание новых музеев. Это особенно наглядно проявилось на примере попытки создания федерального музея памяти жертв репрессий XX в., когда Министерство фактически заблокировало разработку Федеральной программы по увековечению памяти пострадавших. Надеяться, что в обозримом будущем ситуация изменится, не приходится.

С другой стороны, возникновение всё новых и новых церковных музеев свидетельствует о востребованности этого явления и возможности Церкви на ее разных структурных, иерархических уровнях, от Патриарха до рядовых мирян, совершать это делание.

Кроме того представляется очень важным, что в церковном музее к религиозным реликвиям относятся как к святыням, и они так жестко не отрываются «от конкретных условий своего художественного бытия», тем самым значительно полнее сохраняя свою не только религиозную, но и культурную ценность.

REFERENCES

Belovolov G., protoierej. Jeto byl pervyj forum hristianskih muzeev Rossii [Elektronnyj resurs] // Russkaja narodnaja linija. 2014. 24 dekabrja. URL: [http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/24/eto_byl_pervyj_forum_hristianskih_muzeev_rossii/\(data_obrašhenija_30.11.2015\)](http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/24/eto_byl_pervyj_forum_hristianskih_muzeev_rossii/(data_obrašhenija_30.11.2015)).

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. M.:

Institut jeksperimental'noj sociologii, 1997.

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Kn. 2. M.: Panorama, 1998.

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Vyp. 3. M.: Al'zo, 1999.

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Vyp. 4. M.: Al'zo, 2000.

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Vyp. 5. M.: Al'zo, 2001.

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Vyp.6. M.: Al'zo, 2002.

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Vyp. 7. M.: Al'zo, 2003.

Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Vyp. 8. M.: Al'zo, 2004.

Florenskij P.A. Hramovoe dejstvo kak sintez iskusstv // Florenskij P.A. Sochinenija: V 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1996.

Florenskij P.A. Ikonostas // Florenskij P.A. Sochinenija: V 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1996.

Florenskij P.A. Zapiska o hristianstve i kul'ture // Florenskij P.A. Sochinenija: V 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1996.

Itogovyj dokument kruglogo stola «Mesto skorbi v tradicijah ruskoj memorial'noj kul'tury» // Nyne i prisno. 2006. № 3–4. S. 199–200.

Kulikov A., diakon. Cerkovnyj muzej moskovskoj eparhii RPC i ego rol' v sohranении kul'turnogo nasledija [Elektronnyj resurs] // Cerkovno-arheologičeskij kabinet. 2014. 16 dekabrja. URL: [http://acmus.ru/news/stati/cerkovnij_muzej_moskovskoj_eparhii_rpc_i_ego_rol_v_sohranении_kulturnogo_nasledija/index.php\(data_obrašhenija_08.11.2015\)](http://acmus.ru/news/stati/cerkovnij_muzej_moskovskoj_eparhii_rpc_i_ego_rol_v_sohranении_kulturnogo_nasledija/index.php(data_obrašhenija_08.11.2015)).

Martirolog rasstreljannyh i zahoronennyh na poligone NKVD «Objekt Butovo»

08.08.1937–19.10.1938. М.: Zachat'evskij monastyr', 1997.

Mihajlov I., protodiakon. Hristianskie muzei v sfere sozdaniya kross-muzejnyh kommunikacij [Jelektronnyj resurs] // Cerkovno-arheologicheskij kabinet. 2014. 16 dekabrya. URL: http://acmus.ru/ahm/materiali/doklad_hristianskie_muzei_v_sfere_sozdaniya_kross_muzejnyh_kommunikacij/index.php (data obrashhenija 30.11.2015).

Muzei [Jelektronnyj resurs] // Izdatel'stvo «Jenciklopedija». 2015. URL: <http://www.novrosen.ru/Russia/culture/museum.htm> (data obrashhenija 30.11.2015).

Pavlovich M.K. Dokumenty po istorii Patriarshej riznicy iz arhiva muzeja zapovednika «Moskovskij Kreml'» // Rostovskij Kreml'. Materialy konferencii 1994 g. Rostov, 1995. S. 186–191.

Russkaja Golgofa. Butovo. Mesjaceslov-Sinodik. М.: Hram svjatyh Novomuchenikov i Isповедников Rossijskih v Butove, 2005.

Sobranie dokumentov Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. T. II, ch. 2. М.: Izd-vo МР РС, 2015.

Trubeckoj E. Umozrenie v kraskah. Tri ocherka o Russkoj ikone. Parizh: YMCA-PRESS, 1965.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беловолов Г., протоиерей. Это был первый форум христианских музеев России [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2014. 24 декабря. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/24/eto_byl_pervyj_forum_hristianskih_muzeev_rossii/ (дата обращения 30.11.2015)

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Кн. 2. М.: Панорама, 1998.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 3. М.: Альзо, 1999.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 4. М.: Альзо, 2000.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 5. М.: Альзо, 2001.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 6. М.: Альзо, 2002.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 7. М.: Альзо, 2003.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2004.

Итоговый документ круглого стола «Место скорби в традициях русской мемориальной культуры» // Ныне и пришло. 2006. № 3–4. С. 199–200

Куликов А., диакон. Церковный музей московской епархии РПЦ и его роль в сохранении культурного наследия [Электронный ресурс] // Церковно-археологический кабинет. 2014. 16 декабря. URL: http://acmus.ru/news/stati/cerkovnij_muzej_moskovskoj_eparhii_rpc_i_ego_rol_v_sohranenii_kulturnogo_naslediya/index.php (дата обращения 08.11.2015).

Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД «Объект Бутово» 08.08.1937–19.10.1938. М.: Зачатьевский монастырь, 1997.

Михайлов И., протодиакон. Христианские музеи в сфере создания кросс-музейных коммуникаций [Электронный ресурс] // Церковно-археологический кабинет. 2014. 16 декабря. URL: http://acmus.ru/ahm/materiali/doklad_hristianskie_muzei_v_sfere_sozdaniya_kross_muzejnyh_kommunikacij/index.php (дата обращения 30.11.2015).

Музеи [Электронный ресурс] // Издательство «Энциклопедия». 2015.

URL: <http://www.novrosen.ru/Russia/culture/museum.htm> (дата обращения 30.11.2015).

Павлович М.К. Документы по истории Патриаршей ризницы из архива музея заповедника «Московский Кремль» // Ростовский Кремль. Материалы конференции 1994 г. Ростов, 1995. С. 186–191.

Русская Голгофа. Бутово. Месяцеслов-Синодик. М.: Храм святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове, 2005.

Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. II, ч. 2. М.: Изд-во МП РПЦ, 2015.

Трубецкой Е. Умозрение в красках. Три очерка о Русской иконе. Париж: YMCA-PRESS, 1965.

Флоренский П.А. Записка о христианстве и культуре // Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.

Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.

Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.

Н.В. БУРОВ: «ИСКАТЬ ПУТЬ, ПО КОТОРОМУ ВМЕСТЕ МОЖНО ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД»

Вопрос об отношении Русской Православной Церкви к сохранению исторической памяти, о взаимоотношении Церкви и музейного фонда Российской Федерации далеко не случаен. Храмы строились как знаки памяти о прошлом. Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге напоминает о героическом прошлом страны, Исаакиевский собор хранит память о Петре Великом, своеобразным напоминанием о Великих реформах 1860-х гг. является Храм Воскресения Христова, более известный как Спас-на-Крови.

Все эти соборы, а также хорошо известный петербуржцам Смольный собор в настоящее время являются частью единого музейного комплекса и входят в состав государственного бюджетного учреждения культуры «Исаакиевский собор». Это учреждение культуры является уникальным примером успешного сотрудничества между музеем и Церковью. Во всех храмах регулярно совершаются богослужения, а расписания служб размещены на официальном сайте музея. Вместе с тем, каждый из этих объектов успешно функционирует и в качестве музейного учреждения — здесь проводятся экскурсии, выставки, концерты, ведутся работы по изучению и реставрации уникального культурного наследия.

Существование одного из красивейших памятников храмового зодчества Санкт-Петербурга Спаса на Крови стало возможным только как результат сложения усилий как со стороны Церкви, так и со стороны музея. Храм, стоящий в центре города, был не только памятником церковной архитектуры, но и памятником Царю-Освободителю. Этот факт практически предопределил печальную судьбу Спаса-на-Крови, который должен был быть уничтожен так же, как это случилось со многими другими соборами и церквями. Однако в 1968 г. тогдашний директор музея «Исаакиевский собор» Г.П. Бутиков добился включения здания в число памятников архитектуры и передачи его в качестве филиала музею. Далее было несколько десятилетий сложнейших реставрационных работ. То, что сегодня в Санкт-Петербурге есть такой уникальный памятник-храм как Спас на Крови, является заслугой как Церкви, так и музея, и напоминает нам о необходимости сплотить усилия в непростом деле сохранения культурного наследия, исторической памяти и духовной культуры.

Именно по этим причинам, готовя материалы для очередного номера журнала, я обратился к директору музея-памятника «Исаакиевский собор» Николаю Витальевичу Бурову

с просьбой об интервью, текст которого мы публикуем.

В.В. Николай Витальевич, позвольте, я начну с такого общего вопроса. В социальной доктрине Русской Православной Церкви, одобренной Архиерейским собором в 2000 г., сказано, что важной сферой в деле взаимодействия общества, государства и Церкви является охрана памятников истории и культуры. В то же время практически постоянно возникают конфликтные ситуации. Всем памятна история с изъятием из фондов Русского музея Торопецкой иконы Божией Матери в 2009 г., летом этого года общественность не только города, но и страны была взволнована инициативой митрополита Петербургского и Ладожского Варсонофия, который настаивал на возвращении Исаакиевского собора РПЦ. На Ваш взгляд, возможен ли диалог между Церковью и музеем, или же практически всегда тут будут возникать некие конфликтные ситуации?

Н.Б. Диалог не просто возможен, а необходим, он очень органично вытекает из истории институции. Музей по природе своей был призван собирать, сохранять и нести культурное наследие. В условиях, когда государство во главу угла поставило борьбу с религией, музеи стали неким убежищем и церковных предметов, и шедевров иконописи, церкви уничтожались как культовые сооружения, но сохранялись как памятники архитектуры. И получилось так, что музеям Церковь должна быть благодарна за то, что хоть что-то сохранилось. Далекое не всё,

к сожалению. Многие безвозвратно утеряно. И вот теперь, когда прошли не годы, а десятилетия, вдруг возник неизбежный конфликт интересов, в том числе имущественного и экономического характера. Всё это настолько переплетено, что сегодня пытаться уйти не просто от диалога, от соработничества, как любят говорить в Церкви, означает в очередной раз совершить ошибку и затормозить процессы, необходимые и для Церкви, и для музейного сообщества, причем на годы и годы. Церковь можно любить бесконечно за одно, остерегаться за другое, не любить за третье, критиковать за четвертое. То же самое можно делать в отношении любого учреждения культуры, от музея до театра и музыкальной площадки. Всё это настолько взаимосвязано, что это и есть жизнь. Я не встречал еще ни мгновений жизни, ни каких-то особых ее проявлений, которые были бы в полной гармонии со всем, что происходит вокруг. Красота иногда требует от природы серьезных жертв, дикая природа иногда мстит за стремление человека к высокому и красивому. В этом стремлении, конечно же, очень много религиозного. Всё это — тот клубок противоречий, любви, ненависти, всего, что и называется жизнь и человек во всех его проявлениях. Стремление к такому не диалогу, а именно соработничеству очень органично. Обычно там, где возникают конфликты на ровном месте, — эти конфликты происходят не от большого ума, и не от широкого мировоззренческого круга. Там, где люди лучше организованы, и приходят, имея багаж знаний и духовного опыта, всё намного ближе к органичному со-

трудничеству, к гармонии. То же самое можно сказать и про Церковь. Церковь состоит не из святых людей, а из людей нашего общества, со своим воспитанием, со своими корнями, со своими устремлениями, со своим мировоззрением, со своей душой и со своими действиями. Вот и всё. Это тоже далеко не стерильная палата. И искать здесь надо не компромисс, а путь, по которому можно вместе двигаться вперёд. Если говорить о нашем музейном комплексе, включающем четыре собора, то я долгое время был уверен, что это идеальный образец взаимопонимания, взаимоважания и умения решать самые высокие задачи вместе. Цель одна — человек и его душа — высокая, светлая и чистая. Это наша общая цель. Представления об этом и наши методологические подходы, безусловно, разные, но мы всё равно единомышленники. Мы думаем об одном, пускай по-разному, но об одном. Так что, если нас рассорить и разодрать, то это значит очень серьёзно обескровить движение к добру вообще.

В.В. Я согласен с Вами, и в этой связи хотел бы поговорить об опыте сотрудничества Исаакиевского собора и Русской Православной Церкви. Действительно, ваш музейный комплекс справедливо называют музеем четырёх соборов. Все — действующие. Готовясь к встрече с Вами, с удивлением узнал, что, оказывается, в Исаакиевском соборе проходят регулярные богослужения. Я думал, что только по большим церковным праздникам: Пасха, двенадцатые праздники. Оказывается, богослужение в храме проходит

регулярно, а на сайте музея опубликованы расписания служб во всех четырёх храмах.

Н.Б. В Спасе-на-Крови — служба еженедельно, в Сампсониевском — служба еженедельно, в Смольном — ежедневно.

О Сампсониевском соборе нужно сказать особо. Он находится в густонаселённом Выборгском районе. Уникальный совершенно храм, я его просто люблю, как волшебную шкатулочку, XVIII в. — это вообще редкость для нашего города, иконостас практически весь не новодельный, там восстанавливали деталечки, а в основном это действительно настоящий XVIII в. Может быть он даже натуральней, чем иконостас Петропавловского собора. Там больше восстановленного, чем в этом иконостасе. Он великолепен, он наивен, он замечателен. Мы давно согласовали там ежедневное богослуженное пространство. Однако я смотрю расписание, которое хочет видеть настоятель. Там бывает так, что с понедельника до воскресенья ни одной службы нет, и это при том, что мы всячески благоприятствуем богослужениям!

Некоторое время назад, с назначением нового настоятеля, подтаял приход. К моему удовольствию, этого настоятеля сейчас заменили. Я надеюсь, что новый настоятель, опираясь на нашу помощь, восстановит и приход, который уменьшился за последние месяцы, и ту жизнь — по-настоящему хорошую, красивую — которая была. Что он вернет приличный, практически профессиональный хор. Будет заниматься

не саморекламой, а людьми, их душами и Господом Богом.

Очень надеюсь на это, потому что в этом месте храм нужен. Не случайно мы когда-то так легко согласились на ежедневные богослужения. Мы отменили полностью входную плату, потому что мы можем, мы в состоянии содержать храм за счёт средств, получаемых на основных объектах.

Таким же образом мы помогаем и Смольному. Потому что Смольный, являясь концертно-выставочной площадкой, в принципе, тоже ведь существует на деньги музейные, а не бюджетные, городские. Это всегда трудно, концертная деятельность по своему определению либо за пределами дорога для посетителей, либо, если доступна, то должна существовать на дотационной основе. Здесь мы обходимся без дотаций. В данном случае донорами становятся и Исаакий и Спас для всего комплекса и для решения всех задач, социальных и прочих, которые несёт Музей на своих плечах.

В.В. Я хотел бы уточнить. Как я понимаю, вы содержите все эти здания, платежи идут за счет Музея, никакой арендной платы с храма вы не взимаете?

Н.В. С церкви? Конечно, нет. Нет ни арендной платы, ни коммунальных платежей, ничего! Это такая шефская помощь. Приходы под крылом музея, они не обременены целым рядом задач, в том числе и охранных.

Вообще есть такая уникальная черточка в экономической жизни на-

шего музея. Я не знаю других музеев государственных, тем более такого масштаба, которые не нуждались бы в дополнительном финансировании со стороны государства. А наш музей полностью самоокупается. Полностью! Я имею в виду не только зарплату и коммунальные платежи, но и очень важную заботу об инженерной составляющей этих великих памятников. Кроме того, мы еще несем на плечах и очень серьезную (если не вечную, то еще очень долговременную) программу реставрационных работ. Всё это задачи, посильные мощному, собранному в кулак коллективу. Это не значит, что любой музей вдруг может стать самодостаточным. Это невозможно. Музей по природе своей дотационное учреждение. На заре своего существования музей возник как прихоть богатого человека. Музей всегда нуждается в поддержке со стороны. Без этого нельзя ни развиваться, ни пополнять свои коллекции для экспонирования на современном уровне. Это нормально, абсолютно нормально – развиваться, пополняя. Потому что уже давно прошло то время, когда музей был кладбищем под стеклом. Из года в год, из десятилетия в десятилетие одни и те же предметы с пожелтевшим этикетажем лежали на своих местах. С них сдували пыль. Включали утром свет, а вечером его выключали. То время прошло.

Сегодня нужно экспонировать, использовать всю гамму самых современных технических, электронных устройств, потому что мы, прежде всего, как ни крути, думаем ещё и о молодежи. Молодежь важна еще и потому, что это завтрашние отцы

и послезавтрашние бабушки и дедушки. Это завтрашний день музея вообще, и они должны успеть понять в детстве, что без этого тоже жить нельзя, как нельзя жить без хлеба, воздуха и воды. Это тоже та часть жизни человека, без которой не обойтись

Религия когда-то заполнила то, что, казалось бы, не нуждается в заполнении. Но вот есть желудок, туда надо залить воду и положить хлеб, есть воздух, который наполнит лёгкие и даст жизнь, а где душа? Где она расположена? До сих пор ведь ни один хирург не скажет! Не находили то местечко! Но оказалось, что это место тоже требует своего заполнения. Это место заполняет и религия, и культура далеко не в последнюю очередь, потому что можно быть очень глубоко религиозным человеком и полным сапогом, непригодным для жизни в городе, да и в большой деревне тоже. Поэтому всё это настолько многообразно. Я вот, например, работаю со студентами, пытаюсь пересчитать по пальцам значения слова «культура» — близкие, смежные или чуть расходящиеся векториально. Их набирается не менее трех десятков, но корень-то всё равно один и у нас и у Церкви — это слово «культ». Это всё очень близкие, необходимые друг другу понятия.

В.В. Я хотел бы уточнить, а есть ли совместные программы? Или вы занимаетесь музейным делом, а священники богослужением?

Н.Б. У нас музей специфичен, начиная от расположения в храмовых памятниках и заканчивая тем,

что у этих великих домов есть своя богатая история. Время от времени у нас возникают выставки, посвящённые, например, житиям тех священников, которые окормляли паству Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Время от времени пытаемся восстанавливать надгробные памятники, не разбирая, памятник ли это архитектору, которому мы благодарны, или это памятник настоятелю этого храма. Наверное, надо еще больше развивать школьные программы, если мы найдем точки соприкосновения с Церковью и в этом вопросе тоже. Мы ни в коем случае не хотим подменять церковь, потому что вопросы веры — это тоже вопросы профессионализма, вопросы большого круга знаний и другого горизонта. В то же самое время мы пытаемся ввести школьника в пространство, которое не будет для него тёмной комнатой. Мы первые, например, взяли и выпустили церковный «Словарь школьника». Там целый набор церковных терминов, которые у неподготовленного первоклашки кроме круглых глаз ничего не вызовут. А ведь на самом деле ему надо знать, что такое алтарь, что такое иконостас, что такое икона, что такое кадило, что такое свеча, и зачем всё это. И так далее, так далее. Мы стараемся усложнять это, ориентируясь не только на семилеток, но и на среднего школьника, но мы не заходим в вопросы теологии или истории религии, кроме библейских сюжетов, которые, безусловно, присутствуют в наших методических установках для экскурсоводов. Потому что экскурсоводу в пространстве храма от них не оторваться. Любой вошедший

может задать вопрос: а что за сюжет изображен на этой мозаике и с чем связан? Толкование должно быть ясным, четким и однозначным. У нас не было, например, замечаний от проходящих к нам священников, паломников, иерархов иных церквей, в том числе, за трактовку того или иного сюжета, который имеет пластическое или плоскостное художественное отображение. Потому что это соответствует тем канонам, которые существуют на сегодняшний день. Поэтому есть такая совместная работа. К сожалению, мы очень ограничены в этом пространстве. С каким удовольствием я нашел бы еще помещения, чтобы взять да и подумать о совместной воскресной школе, не ограниченными силами того или иного прихода, а объединенными усилиями, поддерживаемыми в том числе профессиональными артистами, музыкантами и так далее. Потому что такая воскресная школа привлекла бы внимание не только детей, но и взрослых. Я как-то договорился с публичной библиотекой имени В. Маяковского о том, что мы в рамках цикла лекций по петербурговедению, который библиотека организует ежегодно, попробуем поговорить и о храмовой архитектуре и истории Петербурга. Почему?

В советское время мы останавливались только на таких точках: архитектор, время постройки, правящая в то время династия, мастера, иногда отдельно взятые, и дальше шли такие выкладки: сколько человеко-часов было потрачено, сколько это стоило, сколько тысяч, десятков тысяч или сотен тысяч людей трудились, как их безжалостно эксплу-

атировали и так далее. А есть еще за всем этим громадная история, в том числе и трагическая ее часть, которая связана с двадцатыми годами XX в. Это тоже надо открывать, раскрывать, потому что это тоже история — история силы духа, предательства, любви, ненависти, крови и жизни ради жизни. Всё это часть нашей общей истории, которую именно музей может показать очень осязаемо и конкретно.

Вот вы стоите под сводами музея и знаете — каждый пятый был расстрелян, каждый третий был сослан, кто-то покорился власти и стал обновленцем, а кто-то остался верен себе, от этого страдал, и сейчас его имя ярче сверкает для потомков. Это всё такие нужные вещи. Кроме того, я, например, сторонник того, чтобы в музейном храмовом пространстве обязательно была духовная жизнь — богослуженная, потому что это вот та черточка, тот совершенно неосудимый запах, очень живое присутствие того, что можно унести только в своём сердце и в своих воспоминаниях. То, что нельзя взять под мышку, вернуть и унести.

Вот свечку можно увезти. Я любил всегда, бывая в разных уголках нашей страны, зайти в тот или иной храм, особенно исторический, и одну свечку обязательно взять с собой. Вот так, например, в Пушкинские дни зажигаю те свечи, которые в Святогорском монастыре куплены. Для меня это Пушкинские свечи. И вот я такую свечу возьму да и принесу в храм Нерукотворного образа на Конюшенную площадь, где Пушкина отпевали. Вот, это какой-то

такой обратный шаг от места, где он похоронен, к месту, где его отпевали, обратный отсчет по той трагической зимней дороге 1837 г. После этого и Пушкина хочется читать, и не только в Год литературы.

В.В. Николай Витальевич, и слова, и дела говорят о том, что вы настроены позитивно, выступаете за сотрудничество, соработничество. Думаю, что такой позитивный настрой разделяют и многие деятели культуры. Тогда почему же в этом году резко обострились церковно-общественные отношения, и объектом конфликта стали памятники истории и культуры? Сначала история с Исаакиевским собором, потом скандальное поведение так называемых православных активистов на выставке в Манеже в Москве. А ведь все эти случаи – не исключение. Менее известна, но не менее печальна история с картинной галереей в Вологде. Она находилась в здании Воскресенского собора на территории кремля, и вот теперь ее неожиданно выселяют, предоставляя здание бывшей типографии, для музея мало приспособленное, а Воскресенский собор передается епархии. По словам директора галереи В.В. Воропанова, чтобы обветшавшее здание приспособить под выставочное помещение, нужны большие средства и долгие годы. Получается, что в областном городе не будет картинной галереи. Это большая потеря.

Так что же случилось, почему вдруг отношения церковно-общественные так вдруг резко обострились? В чём тут причина? Кто виноват и что делать?

Н.Б. Этот роскошный Вологодский музей я очень люблю.

Я всё же не ставлю абсолютного знака равенства между тремя обозначенными событиями. То, что произошло в Манеже, это скотская выходка людей, которые прикрываются неким покрывалом с нарисованным крестом. Они настолько же чужды Церкви, насколько чужды и обществу. Для того чтобы обозначить их «деятельность», мне даже трудно найти приличное слово. Это изгои общества, потому что они ведут себя далеко не как христиане. Эти выходки, скорее, напоминают деятельность исламских религиозных экстремистов. Это я всерьёз говорю.

То, что происходило вокруг Исаакиевского собора – это совершенно другая история, это история, которая, с одной стороны, опирается на действующий, принятый, очень несовершенный, на мой взгляд, закон, и на какие-то личностные характеристики того или иного церковного деятеля. Но один, приходя в Церковь, видит главную задачу в том, чтобы молиться, а другой – в том, чтобы понастроить как можно больше церквей и неважно, есть там народ или нет... Главное – радостно отрапортовать. Тут есть что-то эдакое, советское... «К очередному съезду партии доложим об очередных победах». А в итоге – жрать нечего... Я помню всё это очень хорошо, я вырос в этой стране. Я не могу сказать, что я её не люблю. Это моя страна, это моя Родина, но она переживала и такие болезненные этапы истории. И вот сегодня вновь сталкиваешься с тем, что, казалось, ушло навсегда. Слова вроде

бы новые, а методика та же. Меня до сих пор потряхивает, когда я слышу: «Храм шаговой доступности» — это странное выражение я всегда закавычиваю. Меня не очень устраивало, когда говорили, например, об «учреждении культуры шаговой доступности». Магазин — вот это да, пожалуйста. Туалет шаговой доступности — это должно быть. Но по отношению к культуре, религии это совершенно неправильно.

В.В. Да, вот и в школе, и в вузе преподаватель теперь не учит, а оказывает образовательные услуги. Это обесценивает, девальвирует сущность нашего труда. «Услуги», конечно, должны быть оказаны в учреждениях «шаговой доступности». Так подходить ни к сфере культуры, ни к религиозной сфере нельзя. Полностью с Вами согласен.

Н.Б. В вузе все мы прошли кафедру марксизма-ленинизма. А в моем институте был ещё и предмет, который считался идеологическим и потому выносился на госэкзамен. Это научный атеизм. Мне посчастливилось иметь учителя, который не тупо преподавал атеизм, а вел историю религии. Он обладал широким кругозором, и, как мне кажется, предчувствовал грядущие перемены. Поэтому читал лекции об истории религий, взаимоотношении религий, понимая, или догадываясь где-то, что нас ждут ещё очень сложные времена гражданского сожительства в государстве, в котором люди молятся не одному Богу. Но все они — граждане одной страны.

Мы потеряли 25 лет назад тот ориентир, который нас на протяжении

долгого времени вел или делал вид, что ведет. Многие немножко растерялись и поэтому нашли замену в религии. Мне кажется, я раньше в церковь ходил чаще, потому что охотнее делаешь то, что нельзя делать, что запрещено. А вот многие шагнули в Церковь просто из-за того, что «разрешили». В самом этом факте нет ничего дурного, в большом количестве церквей тоже ничего дурного нет. Но лично я еще все-таки нахожусь в плену рационализма, я государственный по природе своей, и я живу на таком севере, где зимой нужно топить, где любой кирпич в стене — это материальный знак защиты и т. д.

И излишества — я не знаю, были ли излишества в советское время... Тоже, наверное, были там какие-то красные уголки и еще что-то, где по настоящему ничего не происходило. Но вот практика показала, что излишне идеологизированное — это тупик, и отсутствие, полное отсутствие идеологии — это тоже тупик, ничуть не лучший.

Нужно найти ту самую золотую середину. Церковь говорит, что она и есть та самая золотая середина. Она знает правильный путь к спасению, путь, который ведет к консолидации государства, народа и т. д. Так ли это? Не знаю. В декларациях — безусловно, в намерениях — наверняка, в практике, в бытовой практике — очень часто сомнительно. Это живой, изменчивый организм, со своей трудной внутренней жизнью. Тяжело вздыхаю и при этом как директор музея, очень особенного и специфичного, всячески стараюсь помогать и тащить вот эту нагрузку.

Иногда ко мне приходили люди, кричащие и о своей принадлежности к православию (обычно я их фарисеями называю). Они настолько верующие, что даже не знают, что богослужения в храме давно идут, что их более чем достаточно и они не выбираются музеями. Я после этого взял и включил счетчик — буквально статистические данные. Сейчас я их даже опубликовал. Пожалуйста, на сегодняшний день более 600 согласованных служб, а можно довести и до большего числа, но это уже будет больше, чем в храме, где ничем другим не занимаются.

Ко мне сейчас пришел новый ключарь Исаакиевского собора отец Алексей. Он очень деятельный, молодой, питерский человек, хорошо образованный и хорошо организованный. Он сразу заговорил о ежедневных богослужениях в Исаакиевском соборе. Можно попробовать.

Сейчас мы переходим в зимний сезон, возвращаемся к чуть более нор-

мальной жизни, но надо учитывать, что любые движения туда-сюда являются дополнительным очень серьезным бременем для музея. Значит, рабочий день целого ряда служащих, от охраны до смотрителя, придется увеличить. Ладно, мы пойдем на это. Но есть еще и технологический день, в который нам нужно это громадное сооружение привести в то блестящее состояние, за которое отвечает директор, и я обязан за это отвечать.

У нас нельзя намотать тряпку на швабру и пройтись, пусть даже и чистой водой с мылом или хлоркой, по полам. Нет, их надо очень серьезно обрабатывать, и цикл обработки доходит до 24 часов. Поэтому он начинается, грубо говоря, во вторник вечером с закрытием музея и заканчивается в среду. Это полная просушка, восстановление температурно-влажностного режима к открытию в четверг. Таковы законы существования таких сооружений.

Посещаемость богослужений

	Исаакиевский собор	Спас-на-Крови	Сампсониевский собор	Смольный собор	Итого:
Январь	636	630	711	617	2594
Февраль	268	537	552	127	1484
Март	271	1057	671	113	2112
Апрель	1384	1080	1219	193	3876
Май	710	1070	611	116	2507
Июнь	734	756	217	95	1802
Июль	568	1307	408	102	2385
Август	504	1160	353	84	2101
Сентябрь					-
Октябрь					-
Ноябрь					-
Декабрь					-
Итого:	5075	7597	4742	1447	1886

Кроме того, памятник находится на особом режиме энергосбережения. Мы ввели его задолго до того, как проснулось правительство со своими лампочками. Эти лампочки существовали у нас уже несколько лет, были опробованы и показали себя как с хорошей, так и с плохой стороны. Мы давно забираем тепла ровно столько, сколько необходимо, а не столько, сколько подается по трубе. Для этого есть диспетчерские службы и самые современные приборы теплоэнергочета, и круглосуточный мониторинг. У нас есть единый диспетчерский центр на Невском проспекте, и он принимает показания с девяти точек Петербурга по собственным оптоволоконным кабелям, которыми Музей располагает в этом городе. Мы оснащены как современное производство. Все эти меры дают серьезную экономию. Если перейти на ежедневный режим работы, то придется всё менять, а это сложно.

Мы, конечно, попробуем, постараемся максимально приблизить желаемое к возможному. Получится — хорошо, но если я увижу, что это нужно трем-пяти людям — я уйду от этого. И вовсе не потому, что радио преобладает. Я директор, и с Божьей помощью могу делать много, но зубами заниматься без Божьей помощи пойду к зубному врачу. Просто есть вещи, на которые надо смотреть реалистично, потому что это всё деньги, в конечном итоге, заработанные музеем. Но как только мы их заработали и инкассировали, они становятся бюджетными средствами, которыми, к счастью, нам дали возможность распоряжаться самостоятельно. В против-

ном случае успешность музея сразу улетучивается.

В.В. И последний мой вопрос, Николай Витальевич. 30 ноября 2010 г. был принят закон Российской Федерации «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», предусматривающий возвращение религиозным организациям недвижимого имущества, в том числе и объектов культурного назначения. Во время обсуждения проекта он вызвал многочисленные нарекания, тем не менее, он принят. Законопослушные граждане, разумеется, должны соблюдать закон. Или, может быть, надо его изменить?

Н.Б. Это вспыхнувшее неравенство, развернувшиеся разночтения, лучше так назвать мягко, показывают, что такой вопрос может раскалывать общество, и раскалывается оно на очень неравные доли, и мне, хотя я защищаю, казалось бы, несколько другие интересы, всё это очень обидно. Мне не хотелось бы, чтобы это усугублялось и далее. Любой закон призван, в соответствии с основным законом, работать на человека, на народ, и если закон плохо сочетается с другими законами, ранее принятыми, значит, он не жизнеспособен и его нужно очень серьезно модернизировать.

Принятый закон не учел очень многих положений уже существовавших и не отменённых законов. Здесь должны поработать не юристы разнозаинтересованных сторон, а юристы сторонние, государственные, которые должны согла-

совать разнонаправленные нормы права.

Мы будем выполнять этот закон. И всё-таки законы пишутся для народа и должны учитывать мнения народа. Были прекрасные законы Российской империи. Где та Империя и как произошло такое обрушение законодательства? Того совершенного, иногда блестящего от словоблудия до гениальности? Где весь этот свод законов? Часть его жизнеспособна и легла в основу законодательства новой республики. Законодательство новой республики было далеко не совершенным. Вот так вот мы всё время получаем в наследство какое-то не совсем совершенное законодательство.

Был у меня такой случай в жизни. Однажды я застрял, это было во время съёмок фильма «Красные колокола», в библиотеке Николая Второго в Зимнем Дворце с другим артистом, Царствие Небесное, с великим артистом Богданом Ступкой. Он играл Керенского, а я играл министра иностранных дел Терещенко. Было это 35 лет назад. Случается, что во время съёмок возникает непредвиденная задержка. Вот мы сидим в залах Зимнего дворца, а вместе с нами и молодой сотрудник Эрмитажа Георгий Вадимович Вилинбахов. В книжном шкафу библиотеки стоят в ряд громадные фолианты — зеленые, тисненные золотом — Свод законов Российской Империи, эпоха Екатерины Великой. Вот я и спросил, можно

ли взять один из томов. Вилинбахов позволил. Я наугад вытащил один том. Это был том, отображающий внутригородские законы Санкт-Петербурга времен Екатерины Великой.

Я читал и удивлялся: хоть это и XVIII в., но это ясный, прозрачный, абсолютно понятный язык. Каждый из законов очень подробно, хотя, может быть, и несколько занудно, регламентировал абсолютно все аспекты немудреной тогда жизни большого города XVIII в. Прошло уже 35 лет, но я всё помню. Для меня это некий такой образец законотворчества, близкого и понятного.

Совсем недавно была создана группа депутатов, и меня к ним присоединили как человека, который декларирует нежное отношение к русскому языку. Мы собрались поднять вопрос о переводе законодательства на русский язык и о переводе деловой переписки на русский язык. Вот когда мы всё это переведём, тогда, может быть, нам станет легче. Потому что сегодня складывается такое впечатление, что одни и те же законы кто-то читает на старославянском языке, кто-то на древнегреческом, кто-то на английском языке XIV в. Т.е. вроде все читают одно и то же, но смысл получается очень и очень разный.

В.В. Спасибо, Николай Витальевич. Надеюсь, что наше сотрудничество продолжится.

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ: «МЫ СЛИШКОМ ПЕРЕОЦЕНИЛИ ЗНАЧЕНИЕ ХРАМОВЫХ ЗДАНИЙ В ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ»

В.В. Отец Георгий, я знаю вас не только как служителя Церкви, но и как историка, ученика В.С. Дьякина. Поэтому, думаю, вы можете дать ответ на вопрос, который в последнее время вызвал оживленную общественную дискуссию. Это вопрос о храме как памятнике истории и культуры и храме как месте, где проходит православная служба. Известно, что в годы гонений на веру и церковь многие культовые сооружения были разрушены, а некоторые стали музейными объектами, сохранившись, таким образом, от варварского уничтожения, но сохранившись в иной функции.

Готовясь к беседе с вами, я просмотрел давний перестроечный сборник «На путях к свободе совести». Там были подняты многие острые проблемы, но вот вопрос о возвращении культовых зданий по принадлежности, похоже, никого тогда не волновал. Вопрос резко обострился в начале 1990-х гг., и кажется, до сих пор не нашел окончательного разрешения. Если говорить более конкретно — как поступать в том случае, если в здании бывшего храма в течение длительного периода находится музей или картинная галерея?

Г.М. Я думаю, что тут существует более широкая проблема — проблема

церковной собственности и проблема одновременно собственности государственной. На мой взгляд, эта проблема сейчас, например, оказывается в полной мере неразрешимой, потому что нынешние отношения Церкви и государства и в плане экономическом, и в плане правовом, кардинально отличаются от того, что было до революции. До революции Церковь не была отделена от государства, более того, согласно основным законам Российской Империи, Церковь была интегрирована в систему государственной власти. Отсюда даже термин — ведомство православного исповедания. К тому же вопрос о церковной собственности сложный и касается не только храмов. Но давайте начнём с них.

Храм до революции мог быть построен самой Церковью как публично-правовой структурой, группой христиан, отдельным христианином-меценатом, государством или каким-то ведомством государства. Однако в сознании граждан Российской Империи он воспринимался как церковное имущество. И, в общем, в сознании дореволюционном не возникало такой проблемы. Неважно, на чьем балансе находится содержание того или иного храмового здания, если оно является

храмовым зданием — это собственность Церкви. Хотя обеспечивает поддержание этой собственности в надлежащем состоянии тем или иным государственным ведомством. Например, Морское министерство содержало Никольский собор, а, допустим, Министерство двора — Исаакиевский собор. Будучи составной частью государства, Церковь по существу выступала в единстве с ним и в данном случае речь могла бы идти лишь о межведомственном разделении функций внутри государственных структур. Одно ведомство этот храм построило, другое его использует, но все это имеет одного собственника. Кого? Да того же самого государя, который является не только главой законодательной, исполнительной и судебной власти, но еще и верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, как это говорилось в сорок второй статье Основных законов Российской Империи. В дореволюционной России такой проблемы возникнуть просто не могло. При разделении (отделении) Церкви от государства такая проблема естественно возникла. Декрет об отделении Церкви от государства объявлял все имущество существующих в России церковных и религиозных сообществ «народным достоянием», т. е. государственной собственностью. При этом большая часть этого имущества была государством у церкви просто отнята, но и те храмы, которые до поры до времени еще оставались действующими, рассматривались как государственная собственность, переданная в безвозмездное пользование зарегистрированных религиозных общин, появившихся

согласно советскому законодательству еще в 20-х гг., подлежащих государственной регистрации групп верующих в составе 20 человек (пресловутых двадцаток).

Сейчас у нас Церковь продолжает быть отделенной от государства, но существует иной закон, закон о свободе совести, который тоже в конечном итоге проблему того, чьей же собственностью должны считаться, например храмы, действующие или не действующие, окончательно и определенно не решает. Я думаю, что проблема эта коренится в том обстоятельстве, что в свое время в нашей стране не был принят закон о реституции, который бы регламентировал систему возвращения государством собственности ее прежним собственникам. Однако именно закон о реституции мог, например, четко определить, что Церкви в собственность передаются только те храмы, которые находились на балансе Синода, на балансе епархии. А вот храмы, находившиеся на балансе тех или иных министерств, не могут передаваться, или наоборот передаются так же. Но такой закон не был принят. Очевидно, не был принят потому, что новая складывающаяся тогда властная номенклатура мечтала большую часть государственной собственности поделить между своими представителями. И это создало проблему, которая сейчас может быть разрешима, на мой взгляд, только в каждом конкретном случае исходя из конкретных обстоятельств. Каждый конкретный архиерей должен так или иначе с каждым конкретными представителями власти, федеральной

или региональной, решать вопросы об использовании того или иного здания, которое когда-то было церковным. То есть, будет ли оно действующим храмом, будет ли оно музеем. Я напомним, что ведь все те храмы, которые были Церкви возвращены, формально, не переданы ей в собственность, они переданы лишь в безвозмездное пользование. Эти храмы и по сей день не являются церковной собственностью. Церковной собственностью являются только те храмы, которые были построены заново. Это серьезная проблема потому, что в данном случае, очевидно, присутствует элемент несправедливости. Я уже не говорю о том, что возводившиеся когда-то или при участии Церкви, или находившиеся на балансе Церкви гражданские здания, скажем, здания связанные с епархиальным управлением, епархиальные дома, здания духовных учебных заведений, да просто здания, в которых находились, например, служебная жилплощадь священнослужителей, как сказали бы в советское время, и которые никогда не использовались как храмы, вообще не рассматриваются как предмет переговоров о возможной их передачи в собственность Церкви.

В.В. Но, Отец Георгий, 30 ноября 2010-го года был принят закон о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения. Вы считаете этот закон удовлетворительным?

Г.М. Значительная часть бывшего церковного имущества под него просто не подпадает и собственно он тоже нуждается в доработке.

А самое главное, у нас не определено в целом отношение к статусу Церкви как собственника до революции. Одни говорят: раз Церковь не была отделена от государства, всё, что было у Церкви должно быть возвращено ей, другие говорят, что все то, что было построено не за счет Церкви или не находилось на балансе Церкви, не может быть передано и так далее.

В.В. Вы сказали, к каждой ситуации подходить конкретно. Хорошо, давайте рассмотрим две конкретные ситуации, которые стали предметом обсуждения: музейный комплекс Исаакиевский собор и бывшая единовременная церковь, где находится музей Арктики и Антарктики. Относительно того, кому должны принадлежать и как использоваться эти здания, кипят нешуточные страсти. Как, на ваш взгляд, можно было бы решить проблему?

Г.М. Вы знаете, я ведь прекрасно отдаю себе отчет в том, что за предыдущие два десятилетия у нас сложился особый тип управленца, как государственного, так и церковного, который рассматривает то, что дано ему для какого-то конкретного использования, прежде всего как средство для получения собственного дохода. Да, существуют идеалисты-священнослужители, существуют идеалисты — музейные работники, но на самом деле, когда вы вот так ставите вопрос применительно конкретно к Исаакиевскому собору, у меня возникает желание просто об этом в таком ключе не рассуждать. Я прекрасно понимаю, что в споре между государством и Церковью речь идет вовсе не о судьбе

храма или архитектурного памятника, а о здании, приносящем доход.

Меня в данном случае волнует совсем другое. Я вообще считаю, что мы слишком переоценили значение храмовых зданий в церковной жизни. Потратив в предшествующие двадцать с лишним лет огромные усилия на восстановление храмов, на постройку храмов, мы как-то не заметили, что настоящая церковная жизнь во многих из этих храмов у нас так и не сложилась. Ведь Церковь — это не храмовое здание, это, прежде всего, община церковная, это сообщество людей, исповедующих Христа, причащающаяся от единой чаши, ощущающая свою ответственность за жизнь своего прихода, участвующая в этой жизни, организующая эту жизнь. А у нас на подавляющем большинстве храмов даже приходских собраний полноценных нет, т. е. нет круга людей, которые бы даже чисто формально были зафиксированы, как прихожане, которые должны исполнять определенного рода обязанности по тому или иному храму. И не только по храму, а по поддержанию жизни этой приходской общины.

Большая часть храмов, к сожалению, превращается у нас, и в этом вина не только духовенства, но и в значительной степени нашего общества, в нечто среднее между комбинатом ритуально-бытовых услуг и психотерапевтическим кабинетом, куда люди заходят по мере подчас совершенно случайных, не имеющих отношения к духовно-религиозной жизни, обстоятельств, и откуда они с легкостью уходят. И чем больше будет таких комбина-

тов ритуально-бытовых услуг и психотерапевтических кабинетов, тем, наверное, будут больше удовлетворяться вот такого рода запросы наших дезориентированных духовно и психологически постсоветских обывателей. Будет запущен процесс получения каких-то доходов, но церковная жизнь вряд ли будет складываться.

Понимаете, мы пришли к тому, что церковное таинство, каковым является любое в принципе священное действие, стало не средством, помогающим прийти человеку к Богу через вхождение в какую-то церковную общину, а удовлетворением чисто индивидуальных, психологических его потребностей: ощутить себя ритуально связанным с какой-то высшей силой.

За девяностые и нулевые годы мы построили храмы в местах, которые постепенно обезлюдели. Эти храмы надо закрывать, ибо они не могут поддержать свое собственное существование. Там нет жизни людей, а есть только храм. Это ситуация характерна не только для нашей области. Это вообще характерно для Северо-Запада. А что касается Исаакиевского собора, я не знаю, насколько успешно там развивается приходская община. В принципе она могла бы развиваться и в нынешних условиях. Но я не убежден, что если она не развивается там сейчас, она будет развиваться там, если храм станет церковной собственностью. Дело не в статусе храма, а дело в том, какую деятельность осуществляют священнослужители и прихожане в стенах этого храма.

Должен сказать, что сейчас, на мой взгляд, некоторые величественные храмы, которые перешли к нам из нашего прошлого по существу именно этой своей внушительностью разъединяют людей. В такой храм каждый приходит, занимая свой уголок, притаившись за какой-нибудь величественной, чудотворной иконой, каким-то исторически достопримечательным иконостасом и уходит по окончании службы, как кажется ему, подпитавшись некой благодатью. Жизнь, единая во Христе, очень сложно складывается в тех условиях, когда есть за что спрятаться от окружающих человека в храме и составляющих с ним в храме Церковь людей. С чего прежде всего начинается приходская жизнь? С людей. Человек должен ощущать себя не среди величественных икон, чудотворных или нет, не среди почитаемых мощей, а прежде всего среди конкретных живых людей и столь же немощных, как он, и столь же неуверенно идущих к Богу, как и он. И вот общение с этими людьми, а не медитация перед той или иной святыней, собственно, делает человека христианином.

Поэтому для меня педалирование вопроса о том, кому должно принадлежать нечто вещественное, то, что по большому счету можно было бы назвать, извините за выражение, церковным барахлом, представляется явлением совершенно дезориентирующим, прежде всего нас — духовенство, в плане того, чем мы должны заниматься. Мы становимся в общий ряд с людьми, которые в нашем обществе заняты только одним — приобретением, присвое-

нием какой-угодно собственности, чтобы получать какой-то доход и ничего больше, утилитаризация сознания проникает, таким образом, в церковную жизнь.

В.В. Отец Георгий, еще один вопрос. Вы знаете, что в «Основах социальной концепции Русской православной Церкви», одобренных Архиерейским собором в 2000 г., говорилось о том, что возможно взаимодействие общества, государства и Церкви в деле патриотического воспитания, в деле сохранения нравственных и духовных ценностей, заботы о памятниках истории и культуры. На ваш взгляд, есть ли пример такого плодотворного, взаимного сотрудничества? Честно скажу, меня очень порадовало то, что в вашем храме будет проводиться, насколько я понимаю, выставка, посвященная памяти жертв большого террора.

Г.М. Она уже прошла.

В.В. Это, по-моему, большое и очень нужное дело. Вы показали, что сотрудничество в деле сохранения исторической памяти возможно. В чем же еще оно может выражаться? Есть ли положительные примеры совместной деятельности Церкви, государства и общества?

Г.М. Есть, конечно. Я могу привести ну просто идеальный в этом смысле пример. Это Софийский собор в Новгороде, переданный епархии чуть ли не на рубеже 80–90-х гг., который все эти годы продолжает развиваться и как музей. Там проводятся археологические раскопки, точно так же, как они проводятся,

например, в Георгиевском храме возвращенного Церкви Юрьева монастыря. Есть такие примеры, вдохновляющие по существу, но все-таки дело-то не в них. То, что Вы сейчас сформулировали, воспроизвели, у меня, например, вызывает некоторые сомнения. Я почему-то считал, что главной задачей церкви является приведение людей ко Христу, спасение их души, а не решение каких-то сторонних задач: культурных, политических, экономических. Да, конечно, если люди будут обращены ко Христу, они будут как-то отзываться на нужды страждущих. Они будут, воспринимая, допустим, человеческое творчество, культуру как дар Божий, относиться к этому почтительно и благоговейно. Да, будучи людьми, обращенными к Христу, они будут отторгаться от политической лжи и несправедливости. В разных сферах христиане будут себя проявлять по-христиански и Церковь будет оставаться Церковью Христовой в разных проявлениях жизни, являя людям пример христианского отношения к разного рода проблемам. Но ставить перед Церковью какие-то конкретные задачи по, допустим, развитию какого-то военно-патриотического воспитания — это ставить ее перед очередным искушением подменить служение Христу служением Кесарю. Это не задача Церкви. При таком подхо-

де кажется, что Церковь начинает восприниматься как инструмент для каких-то не Церковью определенных целей, а чего-то постороннего. Надо сказать, что цели-то могут быть разные, и мы знаем в истории, что Церковь использовали и те, кто искренне хотел её поддержать, например, православные государи, и часто это приводило к профанации церковной жизни. Но Церковь даже использовали те, кто хотел её уничтожить, — тут показателен пример богоборческой политики большевиков, которые во время войны недоуничтоженную ими Церковь с какого-то момента решили использовать. И что — это было благом для Церкви? Конечно, это благом для Церкви не было. Церковь является самоценной, она должна, исходя из христоцентричности своей, оценивать все многообразные сферы жизни и деятельности человека именно с точки зрения того, а как поступил бы в данном случае Христос? Именно об этом Церковь и должна напоминать людям. А возгревать в людях какой-то там боевой дух или желание быть первыми в тех или иных сферах жизни — это не дело Церкви Христовой, а может быть, какой-то другой организации.

В.В. Отец Георгий, спасибо большое за то, что нашли возможность встретиться.

Редакция обратилась с просьбой ответить на вопросы о взаимоотношении музеев и Церкви к директору Государственного музея Арктики и Антарктики, члену Русского географического общества, Почетному полярнику России Виктору Ильичу Боярскому и ведущему научному сотруднику Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, доктору исторических наук, кандидату богословия Александру Евгеньевичу Мусину. Вопросы были сформулированы следующим образом:

1. В решении архиерейского собора Русской Православной Церкви в качестве тех сфер деятельности, в которых было бы возможно сотрудничество Церкви, государства и общества, указано «духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание <...> д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры». На Ваш взгляд, как конкретно могло бы быть реализовано такое взаимодействие?
2. В последнее время внимание общественности привлекли конфликты, связанные с попыткой назначения директором заповедника в Херсонесе о. Сергия Халюты, конфликт вокруг проблемы передачи Исаакиевского собора СПб епархии. Резонанс вызвало и хулиганское поведение людей, считающих себя православными активистами, на выставке в Манеже в г. Москва. Менее заметно, но не менее болезненно прошла передача Воскресенского собора в Вологде, где размещалась картинная галерея, Вологодской епархии с перемещением музея в здание большей площади, но плохо приспособленное для организации музейной экспозиции. Считаете ли Вы, что речь идет о событиях взаимосвязанных или же, по вашему мнению, все это — случайное совпадение. Как можно было бы смягчить конфликт и избежать повторения таких ситуаций в будущем?
3. Был принят закон Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», предусматривающий возвращение религиозным организациям недвижимого имущества, в том числе и объектов культурного назначения». Во время обсуждения закона он вызвал многочисленные нарекания, тем не менее, он принят. Законопослушные граждане, разумеется, должны соблюдать закон. Или, может быть, надо его изменить? Что бы Вы посоветовали сделать?
4. Есть разнообразный мировой опыт — от радикального отделения Церкви и государства во Франции до признания привилегий господствующих конфессий (Греция). Какая модель взаимодействия Церкви и государства, на ваш взгляд, могла бы быть использована РФ. Или, возможно, наша страна должна искать свой, особый путь в разрешении этой сложной и деликатной проблемы, касающейся, в частности памятников истории и культуры?

В.И. БОЯРСКИЙ: «Я ЗА ПОЛНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА»

Архиерейский Собор прав совершенно, указывая на такие сферы сотрудничества государства и Церкви, как «духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание», и вполне возможно делать это одновременно, параллельно, в какой то мере дополняя и поддерживая друг друга в этой деятельности. И ровно поэтому я считаю, что музей, волею исторически сложившейся ситуации занимающий здание, принадлежавшее ранее Церкви, и исполняя свою миссию в деле «духовного, культурного, нравственного и патриотического образования и воспитания», должен не только не вытесняться из здания под предлогом возвращения его Церкви, но напротив, благословляться этой самой Церковью на продолжение своей богоугодной миссии. При этом, если переходить к современным и весьма популярным критериям оценки полезности и необходимости того или иного института с точки зрения эффективности, музей имеет неоспоримые преимущества перед Церковью, охватывая значительно более широкие и разноплановые как с точки зрения возраста, так и социального положения слои населения. То есть, иными словами, использование имущества религиозного назначения музеем при прочих равных намного эффективнее для решения указанных выше задач. Такую мысль я и проводил в своем открытом обращении к Митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Варсонофию, когда просил его

Благословить Полярный музей для исполнения его богоугодной миссии в храме. Я писал: «В самой непосредственной близости от музея находится величественный Владимирский собор, в котором Епархия, к большой радости прихожан, успешно осуществляет свои уставные цели. И почему бы не допустить, что в храме на улице Марата свои уставные культурно просветительские и образовательные цели, решение задач патриотического воспитания молодежи и приобщения ее к истокам истории, что, по сути, не сильно отличает их от целей Епархии, будет осуществлять столь популярный и любимый всеми нами Полярный музей». Судя по ответу Митрополита, он не очень поддерживает упомянутое выше решение Архиерейского собора, считая, что использование Храма не относящимися к РПЦ светскими организациями даже для таких богоугодных целей как нравственное и патриотическое воспитание населения есть грех!

По второй части возможного взаимодействия могу сказать, что в подавляющем большинстве случаев именно потому, что в приснопамятные времена некоторые храмы были переданы музеям или другим учреждениям культуры, они смогли сохраниться и избежать печальной участи огромного числа памятников истории и культуры, попавших к случайным и недобросовестным пользователям и пришедших в полное запустение. Безусловно,

в случае совместного использования памятника ответственность за его сохранение должна теоретически делиться между учреждением культуры и РПЦ, но на деле в основном совместное использование реализуется по схеме допуска РПЦ в музей, мне неизвестны обратные случаи. И потому на практике Охранное обязательство находится у собственника здания музея, и именно музей несет ответственность в конечном счете за сохранение памятника и обязан следить за тем, чтобы помещения, в которых РПЦ осуществляет свою уставную деятельность, не теряли при этом присущие памятнику качества.

Следует, по моему мнению, добавить к этому списку и Музей Арктики и Антарктики, здание которого вот уже на протяжении около 20 лет является предметом спора между музеем и претендующим на это здание малочисленным Единоверческим приходом. С моей точки зрения, все перечисленные события суть звенья одной цепи и отражают стремление руководства РПЦ получить ухоженные, находящиеся, как правило, в исторических центрах крупных городов, пользующиеся известностью у населения благодаря деятельности находящихся в них учреждений культуры здания для использования их в своих далеко не полностью бескорыстных целях. Я убежден, что подобные стремления никак не отражают стремление всех верующих людей. Действующих храмов и церквей, особенно в крупных городах, вполне достаточно, чтобы с запасом удовлетворить все потребности богослужений для всех верующих. Хуже обстоит дело в глубинке, где находится значительное количество полуразрушенных и запу-

щенных храмов и где их действительно может не хватать всем верующим, но РПЦ не спешит осваивать «целину». Смягчить «конфликт» можно простым способом — умерить возросшие аппетиты РПЦ, отказавшись или значительно уменьшив долю государственной поддержки в содержании переданных РПЦ объектов, а в отдельных случаях, когда имеются такие возможности, — разрешить совместное использование памятника.

Закон, безусловно, пролоббирован высшим руководством РПЦ и требует изменений. Наиболее простым изменением этого закона могли бы стать:

А) внесение обязательных требований предоставления РПЦ финансовых гарантий, обеспечивающих работы по восстановлению у памятника в полном объеме признаков имущества религиозного назначения, утраченных при приспособлении этого памятника под музейные цели и обеспечивающих исполнение в полной мере требований Охранного обязательства и оплату расходов по содержанию памятника;

Б) Исключение из списка передаваемых зданий тех, в которых то или иное учреждение культуры находится более 50 лет. Эта цифра может быть и уменьшена.

Мне очень близко по сути своей известное изречение Петра Первого по этому поводу, адресованное на одной из Ассамблей Патриарху:

«<...> Мы в ваши дела не лезем, и вы в наши не суйтесь!» То есть я за полное отделение Церкви от государства: Богу — Богово...

А.Е. МУСИН: «ВВЕСТИ ПРОЦЕСС В СТРОГИЕ И ПРОЗРАЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ РАМКИ»

Соборные деяния — всегда лишь декларация о намерениях, не более того. Для их реализации необходимы соответствующие общественные условия и ясные перспективы дальнейшей общественной жизни. В настоящее время не существует ни того, ни другого. В России сформировались социально-безответственная власть и асоциальное духовенство. Эти две группы взаимодействуют между собой на принципах взаимовыгодного использования. Общество и его интересы исключены из процесса взаимодействия. Это касается и памятников истории и культуры, которые являются материализованной формой Священного Предания, церковной традиции и национальной памяти. Приспособление, реконструкция и реставрация этих памятников, проводимые властными и клерикальными элитами, нацелены на трансформацию («развитие») этой памяти и традиции с целью манипуляции обществом, использования его в своих сиюминутных политических или коммерческих целях. Вопрос о «сотрудничестве» не стоял и не ставится. К тому же, надежная охрана культурного наследия возможна лишь на непротиворечивой правовой основе, при наличии эффективных органов охраны памятников и консенсусе экспертного сообщества. Закон противоречив, органы охраны коррумпированы, сообщество

расколото и частично выполняет клерикальный заказ на приспособление культурной памяти к текущему моменту. В условиях социально-политического кризиса в России негативные явления могут лишь усиливаться. Для успеха охраны памятников истории и культуры нужны системные социально-политические изменения в стране и глобальная санация общества и Церкви.

Конфликт может быть решен лишь за счет кардинального изменения социально-политической ситуации, выработки непротиворечивого законодательства, в котором был бы закреплён приоритет охраны над использованием и правом собственности, и создания авторитетных и свободных от соглашательства органов охраны. Новый передел культурного наследия вызван общим политическим и экономическим кризисом в России, породившим ломку существовавших ранее договорённостей между элитами. В условиях противопоставления России всему мировому сообществу и смены элит возникает естественное желание нового разграничения сфер влияния и собственности, формируются попытки найти дополнительные способы контроля над обществом, используя клерикальный ресурс. После длительного затишья в 2011–2013 гг. совпадение во времени между эскалацией кле-

рикаральных требований и началом войны с православной Украиной более чем показательны.

Есть единственный способ привести в норму клерикально-чиновные аппетиты: ввести процесс в строгие и прозрачные правовые рамки, обязательные для всех. Духовенство в России от времен средневековья привыкло получать подарки-бенефиции от власти, а не собственность, которая предполагает ответственность. До закона 2010 г. процесс приватизации памятников культуры носил активный характер, потому что его основы и процедуры не были строго прописаны. Правовой статус многих храмов и комплексов, переданных РПЦ, не ясен до сих пор. Закон № 327 попытка ввести процедуру. И процесс застопорился. Не любит русский поп правовых процедур: он не «под законом», а «под благодатью», его ничто не должно связывать, он сам привык «вязать и решить». Анализ федерального закона выходит за рамки предлагаемых здесь размышлений. Подчеркну лишь необходимость введения уголовной ответственности за разрушение исторических особенностей памятника, подлежащих охране, приоритет охраны над использованием и создание сервитутов, а также формулировку императива, на основе которого должно приниматься решение о передаче памятника церковной старине: общественная целесообразность. Речь в законе не идет о реституции, а именно о целевой приватизации.

Здесь национальный интерес должен с очевидностью преобладать.

Разговоры об особом пути — это способ контроля власти над обществом и развязывания войн с соседними странами. Есть принцип отделения церкви от государства, который общество выработало и выстрадало ради защиты от нечистоплотных священников и политиков. Дело здесь не в признании той или иной конфессии традиционной, а в конкретных процедурах охраны общественных интересов от различных своекорыстных групп. В этом смысле французский опыт является приоритетным. Он концентрирует внимание на взаимных отношениях общества и общины. Если община хочет молиться в древнем храме — общество создает для этого условия. Однако получить этот храм в собственность, которая в церковном сознании ассоциируется со вседозволенностью и получением материальной выгоды, она не может. При этом общество в лице государства несет полноту ответственности за сохранность памятника и его корректную реставрацию, а община — за его корректную эксплуатацию, что предполагает финансирование текущего ремонта, осуществляемого под надзором органов охраны, и коммунальные платежи. Принцип отделения церкви от государства — наихристианейший принцип, который способствует формированию религиозной общины, ответственной перед обществом, в котором община выполняет свою миссию.

П.В. Крылов

КУЛЬТУРА ИЛИ НЕДВИЖИМОСТЬ? (Заметки на полях одной дискуссии о церкви и культуре)

Проблемы, возникающие то здесь, то там вокруг передачи «культовых зданий» в собственность религиозным организациям, заставляют в очередной раз вспомнить булгаковского Воланда и его слова о квартирном вопросе. Создается впечатление, что многосторонняя тема свелась исключительно к выяснению того, кому должно принадлежать право собственности на тот или иной «объект недвижимости». Для многих участников и наблюдателей причина понятна. Храмы и монастыри, удобно расположившиеся в центрах больших городов, а именно они и находятся в центре спорных ситуаций – собственность, которая может приносить доход. Музею или церковной организации, и в этом основной вопрос. Такое мнение встречается настолько часто, что может считаться расхожим. Удивлять это не должно, благо экономический детерминизм, желание увидеть жажду наживы в корне любого действия, стал фактом российского массового сознания. Однако даже у этой, казалось бы, очень приземленной темы есть свои не вполне материальные аспекты. Первым приходит на ум вопрос о том, насколько сообразны

возможности храмового пространства тем задачам, которые стоят перед современным музеем, включая экспонирование, хранение фондов, научно-методическую работу, создание удобной среды для посетителей, в том числе тех, кто вынужден передвигаться на инвалидной коляске, а также сотрудников и т.п. Предназначенное для совершенно иных, богослужебных, целей здание в итоге должно быть серьезно перестроено изнутри, что однозначно нарушило бы авторский замысел и исказило бы внутренний облик постройки, которая уже по своей старине заслуживает того, чтобы считаться архитектурным памятником, притом не только в своем внешнем облике. Идеальной можно было бы считать ту ситуацию, когда музей находится в здании музейном, а храм – в храмовом. Впрочем, это не исключает возможности и даже необходимости существования и такого объекта, как храм-музей, хотя бы с точки зрения просветительской и образовательной. Едва ли для кого является секретом, что правила поведения в священном пространстве серьезно отличаются от тех, что допустимы в том же музее. Главным образом я имею в виду

безусловный запрет для посещения значительной части действующей церкви. Войдя, к примеру, в христианский храм, вы едва ли сможете запросто посетить хоры, алтарь или ризницу (сакристию). Между тем в отличие от кабинета директора музея (если, конечно, не иметь в виду Государственный Эрмитаж) или комнаты музейного отдела кадров, эти залы чаще всего являются неразрывной частью всего художественного ансамбля и потому могут быть интересны для посетителей. В таком храме-музее, предоставляющем возможность заглянуть внутрь царских врат, ярче и показательнее прозвучал бы рассказ профессионального экскурсовода с религиозным и богословским образованием не только о достоинствах его архитектурного убранства или иконографической программы, но и о содержании и сути священнодействия, чем на обычной экспозиции, вне зависимости от того, владеет им церковная община или государственный музей.

Мои слова могут, я это прекрасно понимаю, показаться благоглупостью, полностью оторванными от реальности интеллигентскими мечтаниями. Тем не менее даже мечтания имеют право на то, чтобы быть высказанными ради надежды если не превратиться в реальность, то некоторым образом на нее позитивно воздействовать.

Возвращаясь же к настоящему, хочется обратить внимание на необходимость поиска гармонии в отношениях между церквями, музеями и государственными органами, что предполагает, по-моему, приоритет

интересов общества над интересами частными, будь то интересы объединений верующих, учреждений культуры или представителей администрации. Если храмовое здание давно используется музеем, если деятельность этого музея по каким-то причинам вызывает большое уважение в обществе, а скоропалительная передача здания церковному приходу может вызвать негативные реакции, которые могут быть направлены в том числе в сторону самого института Церкви, возможно, не следовало бы торопить процесс. Он мог бы продлиться несколько лет, если не десятилетий, осуществляться поэтапно, а не одномоментно, для того чтобы музейная работа не прекращалась на фоне возобновления литургической жизни в стенах передаваемого храма.

Сходное пожелание хотелось бы адресовать музейщикам и сотрудникам домов культуры и концертных залов, которые порой тоже находятся в зданиях бывших церквей: допускать возвращение богослужений в эти помещения, не опасаясь, что однажды проникшие сюда «церковники» уже никогда не уйдут. К сожалению, уже существует негативный опыт, породивший взаимное недоверие. Результатом стала борьба за обладание объектом, за право собственности, в которой используется весь арсенал законных и не всегда законных средств, включающих апелляцию к общественному мнению, административный ресурс, диффамационные практики и т. п. В этом соперничестве велик соблазн поставить корпоративные и личные интересы выше общественных, что не добавляет

мира и согласия. Тем более владение недвижимостью, как создается впечатление, не воспринимается противоборствующими сторонами как бремя, предполагающее очень большую ответственность за ее содержание. Не лишним было бы напомнить, что предлогом к отказу от продления договоров о пользовании зданиями церквей в 1920-е — 1930-е гг. часто выступала невозможность содержать их в надлежащем виде. Исторический контекст этих решений очевиден, но есть ли гарантия того, что отношения между религиозными объединениями и властью останутся столь же

благостными, какими они являются сегодня? Вероятность антиклерикального реванша не следует недооценивать, и каждый скандальный случай выселения музея из церковного здания работает на усиление подобной вероятности.

Ситуация взаимного недоверия, и это понятно, сложилась не сегодня, она покоится на слоистом фундаменте взаимных обид, но какие-то шаги навстречу друг другу делать необходимо. Насколько будет хорошо и правильно, если такие шаги сделают музей и Церковь, что, безусловно, пошло бы на пользу культуре...

ОТ РЕДАКТОРА

Состоявшийся на страницах нашего журнала обмен мнений мне представляется чрезвычайно плодотворным. Участники дискуссии, как мне кажется, указали на серьезные проблемные точки, с которыми и связаны возникающие разногласия. Почти все указывают на то, что закон, принятый 30 ноября 2010 г., нуждается в усовершенствовании. Печальная судьба шедевра древнерусской иконописи — иконы Боголюбская Божья Матерь, которая была предана в Успенский храм Владимирского монастыря и из-за грубых нарушений температурно-влажностного режима пришла в критическое состояние, говорит о необходимости усилить ответственность за надлежащее состояние памятника.

Возникает и еще один вопрос, закономерно поднятый участниками дискуссии: какие цели преследует передача церковного имущества. Идет ли речь о целях нематериальных, связанных с духовным возрождением, или о том, что одно из религиозных объединений пытается сосредоточить в своих руках определенные материальные блага?

В этой связи выскажу свое мнение о судьбе Никольской единоверческой церкви, в которой размещается Музей Арктики и Антарктики. Впервые я посетил экспозицию школьником в 1962 г., и уже тогда меня поразили контраст между зданием, лишенным крестов, частично перестроенным, но сохранившим величие, и экспозицией, посвященной романтике освоения северных просторов. До сих пор, проходя мимо здания музея, я стыдливо опускаю глаза. Для меня это пре-

жде всего памятник «безбожной пятилетке», напоминание о времени ужасающих гонений на церковь и веру в стране побеждающего социализма. Никольская церковь — единственный храм единоверцев, сохранившийся в Санкт-Петербурге. Да, разумеется, прихожан, сохранивших традиции древнерусского благочестия, крайне мало. Но, может быть, именно поэтому они нуждаются в особой помощи и поддержке, подобно тому, как нуждаются в ней малочисленные северные народы, сохранившие свой традиционный уклад жизни?

Разумеется, это не должно привести к утрате уникального музея, и тревога директора, энтузиаста и подвижника В.И. Боярского, мне понятна. Но очевидно, что экспозиции тесно в стенах бывшей церкви, ее помещения не отвечают нуждам музея. В свое время директор музея признавал, что из-за ограниченной площади экспозиция выглядит «застывшей, архаичной» [Переезд музея, 2014], и считал, что выходом из сложившейся ситуации было бы создание Центра полярной славы на Ново-Адмиралтейском острове. Мне кажется, что это было бы оптимальным разрешением болезненной ситуации. Без строительства нового музейного комплекса спор разрешен быть не может.

Но если проблема с Никольской единоверческой церковью не решается уже более 20 лет, то вопрос о передаче Смольного собора был решен быстро. Само решение было принято еще весной 2015 г. В соответствии с законом, сама передача требовала найти новую площадку для переме-

щения Камерного хора, музыкальных инструментов, в том числе и органа. Неожиданно в процесс вмешались ректоры 15 петербургских вузов, которые в лучших советских традициях ходатайствовали о том, чтобы досрочно закончить передачу храма к Татьянину дню — «дню традиционной встречи в храме студентов». По словам председателя Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга В.Н. Васильева, студенты петербургских вузов, особенно иногородние студенты, «нуждаются в центре духовной жизни, каким и должен стать Смольный собор» [Петербургские ректоры, 2015]. Спорить не буду, безусловно, нуждаются. Но я вовсе не уверен, что все студенты являются приверженцами православия. Может быть, было бы правильнее использовать в качестве объединяющего момента как раз культуру, познакомить студентов с музеями нашего города, где приобщение к традиционным ценностям не входит в противоречие с религиозными и мировоззренческими предпочтениями молодых людей?

Возникает и другой вопрос. Смольный собор, где регулярно проходили службы, содержался музеем. Теперь серьезное финансовое бремя ляжет на епархию. В то же самое время на Боровой улице размещается храм Покрова Пресвятой Богородицы. Некогда одна из самых красивых церквей города находится в руинированном состоянии, и вряд ли маленькая приходская община сможет собрать деньги на необходимые реставрационные работы. Помощь извне вряд ли придет...

Отрадным обстоятельством представляется мне тот факт, что участ-

ники дискуссии неоднократно говорили о необходимости диалога, о поисках точек соприкосновения, которые позволяют сотрудничать обществу, государству и Церкви. Опыт такого сотрудничества, на мой взгляд, и представляет деятельность общины Храма святых новомучеников и исповедников российских в Бутыно. Хотелось бы надеяться, что дискуссия будет продолжена.

К сожалению, власть предпочитает решать проблемы не путём диалога, а методами грубого администрирования. Когда верстался номер, стало известно, что В.И. Боярский освобожден от обязанностей директора музея.

REFERENCES

Pereezd muzeja Arktiki: delat' kavalerijskim naskokom ili soobrazno zdravomu smyslu? [Elektronnyj resurs] // Telekanal «Sankt-Peterburg». 2014. 21 fevralja. URL: <http://topspb.tv/news/news34481> (data obrashhenija 26.12.2015).

Peterburgskie rektory poprosili uskorit' peredachu Smol'nogo sobora v vedenie RPC [Elektronnyj resurs] // Fontanka. Peterburgskaja internet-gazeta. 2015. 6 sentjabrja. URL: <http://www.fontanka.ru/2015/09/06/015> (data obrashhenija 26.12.2015).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Переезд музея Арктики: делать кавалерийским наскоком или сообразно здравому смыслу? [Электронный ресурс] // Телеканал «Санкт-Петербург». 2014. 21 февраля. URL: <http://topspb.tv/news/news34481> (дата обращения 26.12.2015).

Петербургские ректоры попросили ускорить передачу Смольного собора в ведение РПЦ [Электронный ресурс] // Фонтанка. Петербургская интернет-газета. 2015. 6 сентября. URL: <http://www.fontanka.ru/2015/09/06/015> (дата обращения 26.12.2015).

О.И. КИЯНСКАЯ: «XIX В. Я ЗНАЮ, КАК СВОЮ КВАРТИРУ»

В 2015 г. почти незамеченным прошло 190-летие Восстания декабристов. Наш корреспондент Максим Батшев поговорил с одним из наиболее известных специалистов по истории декабристов доктором исторических наук, профессором Оксаной Ивановной Киянской.

М.Б. Оксана Ивановна, что вас подтолкнуло начать заниматься декабристами?

О.К. В основе моего интереса к декабристам лежат детские увлечения. Эта тема меня увлекла ещё в школьные годы. Я прочла все, что мне как школьнице было доступно — а потом поняла, что, по сути, читать мне больше нечего. И мне захотелось написать такую книгу про декабристов, которую я хотела бы прочитать. Я и сейчас стараюсь писать только такие книги, которые хотела бы сама прочесть.

М.Б. Из книг, прочитанных о декабристах в школьные годы, на вас, наверно, сильно повлияла книга Э.А. Павлюченковой «В добровольном изгнании»?

О.К. Нет, что вы. У меня пристрастия сразу были значительно более академические. На меня очень сильно повлияла Нечкина. Я в 11-летнем возрасте прочла ее знаменитый двухтомник «Движение декабристов». В школе, классе в четвертом, мы с подругой написали Нечкиной письмо о том, какая у нее замечательная книга. Но, скорее всего, оно до нее не дошло. Адреса мы не знали, и потому на конверте написали: Академия Наук СССР, академику Нечкиной.

М.Б. В чём разница в подходах к декабристам между М.В. Нечкиной и Я.А. Гординым?

О.К. У каждого историка свой подход. Каждый историк, во многом независимо от своего желания, описывает свою эпоху и свой жизненный опыт. Все мы люди XXI в. И нам трудно, почти невозможно представить себя на месте людей начала XIX в.

Не стоит отбрасывать и гендерные различия. Например, у меня есть книга про Пестеля. Он — мужчина, дворянин, офицер, живший

в начале XIX в., я — женщина, живу в XXI в., преподаю в вузе. Его жизненный опыт не будет моим никогда. Я не смогу прожить его жизнь, пережить его опыт. Этого никто сейчас не сможет. Соответственно, в исторических книгах — при всем стремлении следовать документу, понять своего героя — будет видна прежде всего личность историка. И чем лучше историк, тем больше «своего» он вносит в собственные книги.

Если сравнивать тех историков, о которых вы спрашиваете, то в каждой из их работ будет видна личность автора. Если посмотреть книги Нечкиной, то мы увидим человека партийного, который живет партийными делами. Современными ей формами партийной жизни она пытается описать движение декабристов. Она пишет, например, о том, как каждый год декабристы собирались на съезды. Действительно, каждый год, в январе, лидеры Южного общества съезжались в Киев, где проходила ярмарка, которую ещё называли Контрактами. Им это было удобно, и они пользовались поездкой на эту ярмарку, чтобы лишний раз увидеться друг с другом и обменяться новостями. А Нечкина видела в этом аналог съездов КПСС с заранее утвержденной повесткой дня, дебатами и голосованием, с обязательными решениями, которым все потом должны были следовать.

Что касается Гордина и близкого ему Эйдельмана, то они — типичные советские шестидесятники, не любившие, в отличие от Нечкиной, советскую власть. И эта нелюбовь сквозит в их текстах. Для них дека-

бристы были ценны протестом против власти как таковой. В то время как Нечкина видела в декабристах родоначальников революционного движения, предшественников большевиков.

Идеологию шестидесятников можно увидеть, например, и в работах Лотмана. Ему дороги не восстания как таковые, не сюжеты, связанные восстаниями, с оружием. Он предпочитал говорить о ранних тайных обществах, описывать формы мирного разговорного протеста.

Как видим, каждый из историков включает в свои работы свое видение окружающей его ситуации.

М.Б. А как вы оцениваете большую обобщающую работу Лотмана «Декабрист в повседневной жизни»?

О.К. Это не книга по истории декабризма, это статья. Она представляет собой разбор комедии Грибоедова «Горя от ума», а не ситуации в тайных обществах. Статья эта, на мой взгляд, спорная. Но — опять-таки повторяюсь — личность Лотмана, его взгляды на жизнь и на эпоху, в которую статья писалась, очень хорошо видны из этой статьи. Поэтому мне не кажется, что сейчас нужно спорить с Лотманом. Просто если у историка или литературоведа есть мнение по этому поводу — он может его описать в отдельной статье. Она, в свою очередь, отразит его взгляды и его время. Собственно, мне кажется, что гуманитарная наука развивается именно так.

М.Б. Оксана Ивановна, можно ли в XXI в. говорить о декабристоведе-

нии, или лучше использовать какие-то другие термины?

О.К. Конечно, декабристоведение в классическом понимании умерло. Прежде всего, потерял своё значение сам термин «декабристы», своеобразная идеологема, в которую большевики внесли классовую составляющую. Вершиной классического декабристоведения, разумеется, явилась Нечкина с ее уже упоминавшемся мною двухтомником. К сожалению, эта работа уже устарела.

Советские декабристоведы рассказывали о декабристах как о хороших людях, боровшихся с самодержавием. Рядом же с декабристами существовали все остальные — царь, дворяне, народ и т. п. И эти «остальные» были хорошими только тогда, когда разделяли взгляды декабристов. И плохими, если не разделяли этих взглядов.

Согласно классическому декабристоведению, участники тайных обществ преследовали свои цели, которые иногда совпадали с общим развитием страны, а иногда вступали с ним в конфликт. Но при этом декабристы — это некое замкнутое сообщество, законсервированная «вещь в себе».

Между тем, современные исследователи этой темы смогли показать, что тайные общества являлись весьма значительной сферой русской истории начала XIX в. Мне очень нравится книга В.М. Боковой «Эпоха тайных обществ», в которой она анализирует тайные общества как исторический феномен. И приходит к выводу, что в России начала

XIX в. было более 200 тайных обществ и далеко не все они готовили восстание, выступали против царя и т.п. История тайных обществ — это часть политической истории России того периода, связанная с попытками реформ начала XIX в., с военной историей, с историей литературы.

Раньше, если помните, часто употребляли такой термин: *литераторы-декабристы*. Могу сказать уверенно: литераторов, которые писали бы, исходя из нужд тайных обществ, в начале XIX в. в России не было. И никакой особой группы декабристы в литературе не составляли. И их творчество необходимо рассматривать в контексте литературного процесса той поры, а не как творчество именно декабристов.

Вообще, на мой взгляд, перспективы изучения движения декабристов — в исследовании связи этого явления с другими явлениями общественной жизни Александровской эпохи.

М.Б. Как вы относитесь к версии Нечкиной о том, что Грибоедов принадлежал к тайному обществу?

О.К. Нормально отношусь. Она убедительно доказала, что Грибоедов был членом тайного общества, но из этого ровным счетом ничего не следует.

М.Б. Оксана Ивановна, среди историков, занимающихся движением декабристов, в последнее время растёт интерес к версии о «генеральском заговоре» в 1825 г. Как вы относитесь к этой версии?

О.К. Для начала надо определить, что мы считаем «генеральским заговором». Историю про то, что декабристов курировал Милорадович, я не считаю достоверной. Я пыталась найти документы, которые бы прямо свидетельствовали об этом — но не нашла. Хотя, конечно, было бы очень соблазнительно обнаружить эти связи.

М.Б. А в качестве варианта, что связи осуществлялись через Фёдора Глинку?

О.К. Фёдор Глинка не готовил восстание на Сенатской площади. Он был членом ранних обществ, в поздних тайных обществах он не участвовал. Поэтому роль связного между, условно говоря, Сенатской площадью и Милорадовичем — это явно не его роль.

Другое дело, что в ситуации междуцарствия у высшего генералитета были свои планы, свои идеи по поводу занятия престола Константином. «Генералы», и в том числе Милорадович, разумеется, не собирались устраивать восстаний, но для них предпочтительней было бы видеть на престоле Константина, а не Николая. Константин был суворовским офицером, личным другом некоторых из них, а Николай, не нюхавший пороха и имевший в гвардии дурную репутацию, был человеком совсем другого круга.

Естественно, генералы пытались воспрепятствовать воцарению Николая, интриговали за Константина, но дальше интриг это не шло. И никакой смычки с тайными обществами у них не было.

М.Б. Чем вас в свое время привлекла личность Павла Ивановича Пестеля?

О.К. Читая разные работы, посвященные декабристам, и документы той поры, я поняла одну важную вещь. Мысль большинства идеологов заговора 1820-х гг. двигалась в одном направлении — в направлении уничтожения самодержавия в России. Все они понимали, что после революции должно быть установлено всеобщее равенство, но пока есть монарх, то равенство это невозможно. Отсюда и идея царубийства, необходимое логическое завершение такого рода рассуждений.

Однако мысль о царубийстве большинство лидеров тайных обществ боялись договаривать до конца. А вот Пестель — договаривал. Он прямо говорил, что для того, чтобы сломать строй, необходимо убить не только царя, но и всю императорскую фамилию. Иначе, говорил он, неминуема реставрация, и республика в России не приживётся. Он утверждал, что для проведения реформ необходима диктатура, а при демократии их провести невозможно. Диктатура, по планам Пестеля, должна быть установлена на 10 лет, и диктатор должен был опираться на поддержку армии.

С ним многие не соглашались, ему даже пытались устраивать публичные обструкции. Но даже самые серьезные его оппоненты, такие как Никита Михайлович Муравьев или Сергей Петрович Трубецкой, шли тем же путем. Например, до восстания Трубецкой говорил, что он

сторонник конституционной монархии и демократических форм управления государством. Но в манифесте, который был найден у Трубецкого после восстания, говорится о другом: о том, что власть передается временному правлению, которое и проводит нужные реформы. Никита Муравьев, автор конституционного проекта, который часто противопоставляют «Русской Правде» Пестеля, во время следствия не исключал возможности царевубийства в том случае, если бы царь отказался вступить в переговоры с заговорщиками.

М.Б. Оксана Ивановна, на ваш взгляд пятеро декабристов, поставленные Верховным уголовным судом вне разрядов, были действительно самыми злостными преступниками — или это был субъективный подход со стороны нового императора?

О.К. Трудно сказать, чего было больше. С одной стороны, единственный человек, который, безусловно, заслужил высшую меру, это Сергей Муравьев-Апостол. Он возглавил военный мятеж, к которому он долго готовился, с его стороны это был сознательный и обдуманый поступок. К тому же он лично принимал участие в избииении своего полкового командира.

М.Б. А Каховский вам не кажется столь однозначно виноватым?

О.К. Что касается Каховского, то с ним всё не так просто. Вопрос в том, кто убил Милорадовича 14 декабря на Сенатской площади. Документы о смерти столичного

генерал-губернатора находятся не в деле Каховского, а в деле другого декабриста, Евгения Оболенского, человека, который пытался командовать восставшими войсками на Сенатской площади.

Из этих документов следует, что Милорадович на площади был ранен дважды: pistolетной пулей и штыковым ударом. И оба ранения оказались смертельными. Известно, что штыковой удар нанес Оболенский — и впоследствии он признал это на допросе. Каховский, в отличие от него, очень долго отказывался признавать, что это он стрелял и попал в Милорадовича. Известно, что в тот момент, когда Милорадович пытался уговорить восставших разойтись, по нему стреляли из каре. Выстрелов было несколько, стреляли и солдаты, и офицеры. Pistolетная пуля, которая была извлечена из тела Милорадовича, была явно выпущена не солдатом, а кем-то из офицеров, но точно утверждать, что это был именно Каховский, мы не можем. Этого не смогло доказать и следствие.

Оболенского от виселицы спасло его княжеское происхождение, а Каховский, не имея такого знатного происхождения, был в итоге повешен.

Павел Иванович Пестель вообще не принимал участия в вооружённых выступлениях. Рылеев, несмотря на то, что он был организатором 14 декабря, на Сенатскую площадь не вышел. Вернее, он был там рано утром, еще до прихода войск — и больше туда не приходил. Бестужев-Рюмин, друг Муравьева-

Апостола, участвовал в восстании Черниговского полка. Однако полком он не командовал, на полкового командира черниговцев не нападал. Опять возникает вопрос — за что его казнили? Что он такого сделал, чего не делали другие, те, кого император оставил в живых?

Был еще один кандидат на виселицу — Сергей Трубецкой. Опять-таки его спасло от смерти аристократическое происхождение.

Мне кажется, что в окончательном решении было очень много от произвола царя. За каждым из повешенных стояла своя история и личное недовольство им со стороны нового императора.

М.Б. Оксана Ивановна, в начале 90-х гг. прошлого века вышло несколько книг, авторы которых пытались представить, что было бы в случае победы декабристов. Как вы относитесь к подобным историческим реконструкциям?

О.К. Нормально отношусь. Если людям нравится, то пусть реконструируют. Я не писатель, я такие реконструкции делать не умею. Я привыкла оперировать документами и историческими фактами.

Представить себе, что если бы восстание 14 декабря победило, мне лично очень сложно, потому что как историк я знаю, что оно не победило.

М.Б. Как от декабристов вы перешли к писателям 20-х гг. XX в.?

О.К. Посещая несколько лет подряд Одессу, я нашла там в местных архивах много документов, посвященных декабристам, о которых не знали историки в Москве и Санкт-Петербурге. Я там нашла даже фрагмент делопроизводства Следственной комиссии по делу декабристов. Бумаги эти были украдены, попали в частные руки и в результате оказались в одесских архивах. Меня увлекла работа в одесских архивах — и я плавно стала изучать документы XX в. Но и здесь, как и в случае с декабристами, меня привлекают прежде всего биографии. Я пытаюсь идти от человека, понять своего героя.

М.Б. Где вы себя комфортней ощущаете: в XIX в. или в XX?

О.К. Конечно, в XIX в., который я знаю, как свою квартиру. А XX в. — это для меня новый материал, который я постепенно осваиваю.

О.Е. Зубко

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ

(Каунас (Литва) 2–4 октября 2015 г.)

Традиционно, вот уже пятый раз, в октябре литовский Каунас переходит на белорусский язык. И это неудивительно, ведь на Конгресс только исследователей, ученых, историков, философов, социологов приехало больше четырех сотен. А еще были журналисты, представители издательств. Словом, белорусская речь в центре города, где размещается Университет Витовта Великого, на базе которого проходил Конгресс исследователей Беларуси, звучала постоянно. О масштабе Конгресса можно судить как по персонам, его посетившим, так и по широте тем, которые обсуждались на нем. Только трехдневная программа, напечатанная самым мелким шрифтом, заняла почти 200 страниц. И это тоже неудивительно. Ведь основная идея Конгресса — обеспечение стабильной площадки, на которой представители белорусского и зарубежного академического сообщества, которые занимаются исследованиями Беларуси, могли выступить раз в год, представить результаты своих исследований, по-

делиться своими идеями и просто пообщаться со своими коллегами.

Но возникает закономерный вопрос: прочему Конгресс исследователей Беларуси проводится, собственно, в Литве, а не в Республике Беларусь? По убеждениям организаторов, таким реалиям есть несколько причин. Во-первых, так удобно европейцам. Не нужны визы. Во-вторых, организация конгресса в Литве существенно дешевле. Третий фактор: в Беларуси для конгресса, который является общественной инициативой, невозможно найти академического партнера — университет или институт Академии наук, который выступил бы своеобразным зонтом для такого события. А для научного конгресса это очень важно. Хотя представители и Белорусской академии наук, и белорусских университетов принимают активное участие в работе Конгресса.

Конгресс, понятно, — мероприятие многопрофильное. Поэтому в Каунасе в пятый раз были представле-

ны разные науки, от лингвистики, экономики, политики и международных отношений до проблем истории культуры, этнографии и церковной тематики. Здесь выступали исследователи из разных стран, с разными политическими и методологическими подходами. (Около 15–20 % — это люди, имеющие докторскую степень или габилитацию. 30–40 % — те, кто имеет степень кандидата наук или PhD. Остальные — магистры или даже бакалавры). В фокусе внимания ученых были не только непосредственно Беларусь, но и весь регион Центральной и Восточной Европы. Вот почему какие-то сравнения или обобщения в целом для Конгресса практически невозможны.

Конгресс исследователей Беларуси традиционно начался с приветственных слов. В частности, более 400 участников конгресса поздравил с началом данного мероприятия генеральный директор Международного консорциума «ЕвроБеларусь» Влад Величко, руководители посольств Литвы в Беларуси, университета Витовта Великого, мэрии города Каунаса. В частности, советник посольства Литвы в Беларуси Вилиус Самуйда отметил: «Это необыкновенно для меня как для подданного Литовской Республики. С большим удовольствием вспоминаю прошлогдний конгресс, когда мы искали точки соприкосновения в общей истории. Тогда был год Оршанской битвы. Этот год не менее значимый для нас всех — литовцев, белорусов, поляков. Мы отмечаем 250-летие с дня рождения дипломата, политика, композитора Михала Клеофаса Огинского. Такая история объединяет нас».

Стоит отметить, что «традиционные приветствия» тоже не случайны. Участвуя во второй раз, автор этого материала обратила внимание на несколько существенных для этого научного форума моментов. Во-первых, необходимость этого мероприятия вызвана тем, что существует еще ряд тех научных дисциплин, где есть нехватка регулярной академической коммуникации внутри, собственно, Беларуси. Во-вторых, с каждым годом организаторы Конгресса получают множество заявок и предложений по организации секций и панелей, которые способствуют расширению формата мероприятия и усложняют его структуру. В-третьих, возросло и количество публикаций, выходящих по итогам события. Они появляются не только в сборнике рабочих материалов Конгресса — тексты печатаются в научных журналах, монографиях, возникают разнообразные исследовательские проекты, а поднимаемые на форуме дискуссии выходят в более широкое публичное поле. Таким образом, политическому руководству как Литвы, так и Беларуси приходится считаться с тем, что идея Конгресса работает, ведь он (Конгресс) ощутимо создает коммуникацию между представителями различных дисциплин и различными научными форумами.

Согласно программе мероприятия, в пленарном заседании были заявлены доклады Йохана Вандефуля, Уэйтмана Беорна, Сергея Новикова.

Депутат Бундестага Йохан Вандефуль в своем докладе не только обрисовал текущие белорусско-германские отношения, но и затронул

белорусско-европейские в целом: «Я убежден, что Беларусь является частью Европы <...> В этом году отмечается 70-летний юбилей окончания ужасной войны, которую инициировала Германия. И в этом же году 25-летний юбилей воссоединения Германии и падения железного занавеса, который разделял Восточную и Западную Европу. Это демонстрирует, что всегда существует свобода на реализацию основополагающих ценностей – свободы, прав человека. Мы можем только приветствовать, если Беларусь получит статус члена Совета Европы».

Американец Уэйтман Беорн в своем докладе поднял вопрос об участии частей Верхмата в убийствах еврейского населения Беларуси в 1941–1945 годах.

Страницам белорусской военной истории 1941–1945 годов был посвящен также доклад минчанина Сергея Новикова. Можно сказать и что доклад кандидата исторических наук, доцента и заведующего кафедрой истории, всемирной культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета вызвал заметное оживление в среде интернациональной «исторической братии». Доклад Новикова можно коротко охарактеризовать словами «Крах Блицкрига». Благодаря собранным и систематизированным ученым материалам, введенным впервые в научный оборот, в том числе и немецкого происхождения, историческому сообществу становится известной дата начала краха немецкого плана «молниеносной войны» – июль-август 1941 г. Именно в это время

на территории Беларуси (битвы за Гомель и Могилев) Вермахту были нанесены первые серьезные удары, в результате которых он (Верхмат) уже в июле 1941 г. сначала по приказу главкома сухопутных войск фон Брухича, а затем по приказу Гитлера, переходил к обороне. Поднял исследователь и непростой вопрос о военнопленных. В тылу группы армий «Центр» оказалось без малого 784 тыс. военнослужащих Красной Армии, или почти две трети боевого состава войск фронта на момент начала боевых действий Западного фронта на территории Беларуси летом 1941 г.

Затем к работе приступили все одиннадцать секций Конгресса. Работали они, заметим, параллельно. Условно все секции форума можно подразделить на шесть групп: политологическую, психолого-филологическую, антрополого-этнографическую, культурологическую, литературную и историческую.

«Политологическая группа» включала в себя первую и вторую секции: «Международные отношения. Региональная безопасность. Зарубежная политика» и «Политические институты. Государственная политика. Социальная политика». Каждая из этих секций была разбита на семь панелей. Среди зарубежных участников этой группы – исследователи из Польши, Венгрии, Казахстана, Дании, Чехии, Сербии, Словакии, Турции, США, Италии и России. Работа этих секций показала, что в политических исследованиях важным трендом последнего времени является переход к пониманию ценности эмпирики. Менее

интересными становятся идеологические формулы, поверхностная аналитика, ориентация на теоретические схемы — «транзит» и тому подобное. Всё больше ценится работа с эмпирическим материалом: статистикой, интервью, опросом и т. д. Соответственно, появляется глубина исследований, и такой поворот, по мнению участников, — очень правильный, хотя пока и ощутима его зыбкость.

Что касается содержания политологических исследований, то все больше внимания приковано к Беларуси как к субъекту. Раньше этого было меньше. Так, в начале 1990-х фактически всё ограничивалось тем, что кто-то брал готовые западные или российские идеи и схемы, и Беларусь «укладывал» в их рамки, можно сказать, чересчур механистически. В начале же 2000-х характер интереса изменился: Беларусь постепенно стали исследовать. Тренд последних пяти лет — уже понимание РБ именно как субъекта. И в международных отношениях, и в вопросах идентичности и внутренней политики.

«Психолого-философскую группу» составляли доклады третьей и восьмой секции: «гендерной» и, собственно, «философско-психологической». В прошлом году на IV Международном конгрессе исследователей Беларуси работа «гендерной» секции оказалась откровенно провальной. Поэтому в этом году был взят реванш. В работе секции приняли участие исследовательницы из Армении, России, Казахстана, Украины, Польши, Литвы и Беларуси, тогда как доклады восьмой

секции пытались ответить на вопрос «Что же такое национальная белорусская самоидентификация?»

«Антрополого-этнографическую группу» презентовала девятая секция (четыре панели) — «Антропология, этнография и культурно-историческое наследие Беларуси». Тут дадим небольшое объяснение, так как условно нами выделена отдельно «культурологическая группа». К последней мы отнесли десятую и одиннадцатую секции форума, затрагивающие вопросы церковной политики в РБ и ее (Республики Беларусь) современной культуры.

Изюминкой девятой секции стала третья панель, посвященная белорусской традиционной культуре. В частности, бурную дискуссию вызвал доклад белорусской исследовательницы Татьяны Кухаренок (Полоцкий государственный университет) о локальных похоронных особенностях и обрядах на белорусско-российском пограничье.

«Литературная группа» вобрала в себя доклады четвертой и седьмой секций: «Книжная культура Беларуси: история и теория», «Литературоведение и лингвистика». Исследователи четвертой секции больше всего внимания уделили вопросам сохранения и изучения белорусских печатных изданий кириллицей и государственной «библиотечной цензуре».

Состоящая из семи панелей седьмая секция дискутировала о лингвокультурных портретах славянских, балтских, финских и германских этносов; сравнивала актуальные

литературные темы в различных странах; рассматривала белорусский контекст в польской литературе, анализировала качество литературных переводов. В работе седьмой секции стоит отметить два интересных момента. Первый — наличие мощного «польского научного десанта», неплохо владеющего белорусским языком. Поэтому множество польских докладов было посвящено литературному духу эпохи романтизма начала XIX в. и польско-белорусскому национальному герою Адаму Мицкевичу, белорусскому контексту его творчества. Второй момент — попытка найти ответ на вопрос «Нужна ли в РБ Библия на белорусском языке?» Ведь в Беларуси официально запрещена Белорусская автокефальная православная церковь (официально БАПЦ в эмиграции с 1944 года — О.З.), а значит, запрещены богослужения и издательство церковной литературы на белорусском языке. Таким образом, перевод «Книги Книг» на белорусский язык трактуется Белорусской Православной Церковью сугубо как подрыв «исконно русских тенденций в крае» — «религиозного аспекта западноруссизма», даже без учета того, что на старобелорусском в 1514 г. в Праге Библия была напечатана Франциском Скориной.

«Культурологическую группу», как уже было сказано, составляют доклады десятой и одиннадцатой секций. Десятую «церковную» секцию без преувеличения можно назвать интеллектуально мощной. Эта секция была представлена четырьмя панелями: «Церковь в войне: идентичность и практики»; «Белорусская церковь: между православием

и унией»; «Церковь в контексте “Холодной войны” и Конфессионные процессы в БССР и современной Беларуси». Дискуссионные проблемы были подняты в докладе кандидата теологии, профессора систематического богословия Свято-Владимирской Духовной академии (США) Петра Буняцева. По мнению докладчика, негативное отношение к убийствам и войнам, которые стали следствием грехопадения, неспособно полноценно изменить общество. На вопрос «Можно ли христианам служить в армии?» докладчик отвечает словами о том, что и Писание и Уголовное право различают «преступные действия и преступные бездействия».

Вторая панель «церковной секции» была примечательна докладом белорусского магистра истории Полоцкого государственного университета Алены Борун о проблемах перехода из униатства в православие монахов белорусско-литовских епархий в 1839–1854 гг.

Кандидат исторических наук Надежда Полякова из Института всеобщей истории РАН в работе третьей панели подняла вопрос о миротворчестве церковью Восточной Европы в условиях Холодной войны.

Доклады четвертой панели рассказывали о жизни протестантов БССР — баптистов и пятидесятников.

Одиннадцатая секция, в свою очередь, поднимала вопросы новейшей белорусской культуры в условиях нестабильности, а также перспективы творческой белорусской фотографии.

Пятая и шестая «исторические» секции Конгресса были наиболее многочисленными и наиболее посещаемыми. К ним, без преувеличения, было приковано внимание большинства участников мероприятия. По нашему мнению, еще и потому, что тематика этих секций интересна в первую очередь рядовому белорусу, который силится понять, кто он — «литвин» или, собственно, «белорус», и какова настоящая история его родного края?

Пятая секция, посвященная Великому Княжеству Литовскому, насчитывала три панели: «Общие вопросы»; «Литовская Русь»; «На Службе у Государя и Великого Князя». На сегодня, по мнению участников секции, самая большая проблема белорусско-литовского исторического диалога в том, что каких-то совместных общих выводов по поводу Великого княжества Литовского очень мало. Государство одно, а прочтения его разные. Наиболее активными докладчиками здесь были литовцы и сами белорусы, хотя много докладов было представлено и польскими исследователями. К сожалению, для россиян и украинцев эта тематика не слишком приоритетна. Но если оценивать польские доклады, то стоит отметить, что поляки попросту не воспринимают белорусскую позицию по ВКЛ как серьезную, научную. И в определенной степени эта позиция вызвана тем, что лишь в последние 25 лет белорусское академическое сообщество стало вести более-менее системную работу в освоении исторического наследия.

«Неканоническую литовскую точку зрения» представлял кандидат исто-

рических наук, доцент Каунасского университета Рустикс Камунтавичюс. Он поднял вопрос о различиях в осмыслении единого культурного наследия. Докладчик привел следующий пример. Литовцы с первых классов школы учат: Великое Княжество начинается с литовских земель, то есть с восточной Литвы. Главные центры этого ядра располагаются на этнических литовских землях, и отсюда княжество расширяется, в том числе и на территорию Беларуси. В Беларуси же делается акцент на ином. Ядро ВКЛ зарождалось как в южных этнических литовских землях, так и на землях Новогрудчины. Поэтому первая столица государства была в Новогрудке. Ведь здесь был коронован Миндовг. Литовцы, в свою очередь, не знают, где именно коронован Миндовг, но зато знают, когда — 6 июля 1253 года. Именно эта дата отмечается в Литве как День государства.

Когда же речь заходит об элите ВКЛ, в Литве всегда говорят, что династия Гедиминов была языческой. Отсюда следует, что и государство было языческим. А значит, сугубо литовским, потому что белорусы уже были крещены в православие. Литовцы крестились позже по католическому обряду.

По мнению Рустикса Камунтавичюса, и литовские, и белорусские историки смотрят на историю ВКЛ как на исходный момент формирования государственности — в одном случае литовской, в другом — белорусской. Это вызывает серьезные проблемы, связанные с интерпретацией истории ВКЛ.

Единственный выход — не стараться поменять мышление соседа, а попробовать его понять. Такое понимание возможно, потому что литовцы с белорусами живут вместе не одно столетие, а государственная граница разделила Литву и Беларусь только 25 лет назад. Белорусы — самая близкая литовцам нация. Еще философ Гинтаутас Мажейкис говорил о Беларуси как о зеркале Литвы. И главная проблема не в том, как профессиональные историки трактуют те или иные события, даты, факты, а в том, как это преподается в школах.

Литовский докладчик рассказал также об одном эксперименте, наглядно показывающем, как далеки друг от друга в трактовке ВКЛ литовцы и белорусы. Была составлена анкета для студентов Каунасского и Гродненского университетов. Один из вопросов звучал так: «Где были самые главные резиденции Радзивиллов?» И все белорусские студенты назвали Несвиж и Мир. А что литовцы? Каждый ученик в Литве знает, что главная резиденция Радзивиллов в Кедайнах (Кедайняй). После распада СССР белорусы отреставрировали Несвиж, в свою очередь литовцы с нуля построили Нижний замок в Вильнюсе. По словам докладчика, «если ты ходишь по Несвижскому замку, нигде не увидишь упоминания о Литве, ни одного намека. А в нашем замке ни одного намека на Беларусь. Это показывает, насколько мы не видим друг друга».

Дискуссию продолжил кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории

Академии наук Беларуси Олег Держнович. Он указал, что в белорусской историографии тоже существует несколько подходов к проблеме. Есть радикальная позиция, которая вообще отвергает участие балтской Литвы в создании ВКЛ. Но есть и более взвешенная точка зрения, отстаивающая тезис о балтском наследии белорусов еще до создания Великого княжества.

В 1973 г. в Академии наук БССР фактически была запрещена научная конференция по этногенезу белорусов, где известный московский археолог В.В. Седов должен был представить свою концепцию о балтском субстрате белорусов. И когда говорится о Великом Княжестве Литовском (хотя это название ввел Витовт только в XV в.), должны учитываться два фактора: ранние государственные процессы в балтском сообществе плюс урбанистическая и письменная традиция, которая существовала на славянских землях Беларуси. Когда сошлись эти два фактора, в центре оказался Новогрудок, который был очень необычным местом даже по этническому составу населения, это и вызвало настоящий цивилизационный и культурный взрыв!

«В начале 1990-х, — рассказывал далее белорусский докладчик, — была попытка найти компромиссный вариант, который бы всех удовлетворил: и литовцев, и белорусов и даже поляков с украинцами. В 1992 г. состоялся международный круглый стол с участием европейских историков “Беларусь в Великом Княжестве Литовском”. Его участники пришли к компромиссному выводу:

ВКЛ было белорусско-литовским или, равнозначно, литовско-белорусским государством, в формировании которого важную роль сыграла и украинская Волынь, откуда поначалу была половина писарей государственной канцелярии. Такое решение не нашло поддержки у литовских историков, а в Беларуси произошли политические перемены, изменилась государственная символика, и эта формулировка была забыта.

Последние годы показали, что в Литве более серьезно и целенаправленно подходят к задаче репрезентации своей истории. Литовские историки и филологи издают свои труды на английском, немецком языках. Поэтому сегодня в мире Литву воспринимают как наследника Великого княжества Литовского.

Шестая секция «История Беларуси XIX и XX вв.» состояла из четырех панелей: «Общие вопросы»; «История Беларуси XIX в.»; «История Беларуси XX в.»; «Белорусская эмиграция в истории и современности». В частности, автор этого материала была участницей четвертой панели и модератором третьей. Отличительной чертой этой секции было не только большое количество польских докладов, в том числе и «эмиграционных», но и тема Рижского мирного договора, а также вопросы жизни западнобелорусского края в составе Второй Речи Посполитой. Фаворитом дискуссий трех панелей стал доклад кандидата исторических наук (а затем и отдельная презентация книги «Межа возле Заславья» в форме круглого

стола), главреда интернет-портала «Историческая правда. Беларусь» Игоря Мельникова о советско-польской границе в 1921–1941 гг. Доклад не только освещал вопросы формирования польских и советских пограничных застав, но и рассказывал о тяжелой, но колоритной жизни западнобелорусских контрабандистов. Можно сказать, что доклад Игоря Мельникова по многим вопросам дополнял книгу «белорусского Яна Флеминга» – Сергея Песецкого – «Любовник Большой Медведицы».

«Эмиграционная» панель была примечательна докладами минчанина Андрея Бучи и винничанки Ольги Зубко о белорусской пражской эмиграции в 1921–1939 гг. и ее повседневной жизни; минчанки Алены Изергиной и брестчанки Ольги Марчук о белорусской эмиграции из Западной Беларуси в 1921–1939 гг. А также варшавянина Юрия Грыбовского о белорусской эмиграции в 1930–1939 гг. в Латвию и Эстонию. Надо отметить, что белорусская междувоенная эмиграция по большому счету – «молодая трудовая эмиграция». Политический ее сегмент – немногочислен. Так, например, в самой Праге всего 300 человек и то тех, кто поддерживал идеи социалистов-революционеров, фактически Белорусскую Народную Республику. «За кордон» людей гнала «польская санация» и «галеча» (бел.) – «нужда, бедность». Странами, дружественно настроенными к белорусским изгнанникам, стала молодая Чехословацкая Республика и Латвия с Эстонией. Если доклады Изергиной, Марчук и Гры-

бовского были традиционными (с изложением причин эмиграции, указанием количества эмигрантов, их социального состава, возраста, места жительства, профессии и прочего), то доклады Бучи и Зубко рассказывали о повседневной жизни вышедших за рубеж, их быта и досуга.

4 октября работа V Международного конгресса исследователей Беларуси закончилась вручением премий за лучшую научную монографию и публикацию как в сфере гуманитарных, так и в сфере социально-политических наук, а также премии за лучшую зарубежную монографию.

ПРОШЛОЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ

С 28 по 30 сентября 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция «Немецкие колонии под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: к 250-летию основания». Конференция была организована Фондом поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий центр встреч» в Санкт-Петербурге и Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН).

В конференции приняли участие исследователи из 5 стран и 14 городов: Россия (Санкт-Петербург, Москва, Великий Новгород, Нижний Тагил, Новосибирск, Ставрополь, Сыктывкар), Украина (Одесса, Днепропетровск, Николаев), Азербайджан (Баку), Германия (Фрайбург, Люнебург), Израиль (Иерусалим). В программу включено 37 участников с докладами, из них 9 докторов наук (история, филология, биология), 19 кандидатов наук (история, филология, педагогика), 2 доктора философии, 2 аспиранта.

Конференция проводилась на трех значимых для исследователей площадках: в Государственном музее политической истории (Санкт-Петербург), в Санкт-Петербургском Доме национальностей и Русско-Немецком Центре встреч.

Проведение конференции стало возможным благодаря весомому организационному, финансовому и содержательному вкладу партнеров, которым мы выражаем искреннюю признательность. Среди них Международный союз немецкой культуры (МСНК, Москва), Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), НКА Республики Коми (Сыктывкар), АНО «Информационно-образовательный центр российских немцев Республики Коми» (Сыктывкар), НКА Новосибирской области (Новосибирск), Альберт Людвиг Университет (Фрайбург, Германия), Норд-Ост институт (Люнебург, Германия), Генеральное Консульство Германии в Санкт-Петербурге, Фонд им. Фридриха Эберта (Санкт-Петербург).

В центре внимания была история немецкого сельского населения под Петербургом и Ленинградом как части мультикультурного ландшафта России. История петербургских и новгородских колоний в различные периоды была представлена в докладах Е.В. Лебедевой (Санкт-Петербург), Н.И. Ивановой (Санкт-Петербург), Н.С. Федорук (Великий Новгород), И.А. Архип-

ченко (Санкт-Петербург). О языке и песенном наследии петербургских колонистов говорили М.В. Корышев (Санкт-Петербург), Л.Н. Пузейкина (Санкт-Петербург), Э. Йон (Фрайбург), Л.Э. Найдич (Иерусалим), В.Б. Меркурьева (Иркутск). Доклад Пузейкиной сопровождался выступлением фольклорного ансамбля «Лорелея» под руководством Н.П. Краубнер. Судьбы петербургских/ленинградских немцев на других территориях России и Советского Союза были прослежены в докладах А.А. Германа (Саратов), М.Б. Рогачева (Сыктывкар), Н.М. Маркдорф (Новосибирск), С.Л. Разинкова (Нижний Тагил). Прозвучали сообщения, в которых были затронуты практически неизученные темы: о роли ленинградских 25-тысячников в проведении коллективизации в Республике немцев Поволжья (Герман), о так называемых немцах «по решению правительства» (Маркдорф), о трагической судьбе немцев из Александровской колонии из-под Новгорода (Рогачев). Общие проблемы формирования немецкого населения в России и государственной политики в отношении западных национальных меньшинств прозвучали в пленарных докладах Т.Н. Плохотнюк (Ставрополь), В.Н. Шайдунова (Санкт-Петербург), В. Деннигхауса (Люнебург). Тема региональных особенностей формирования немецких колоний в Российской империи и их дальнейшего социально-экономического и демографического развития в СССР была поднята в докладах С.И. Бобылевой (Днепропетровск, о колонии Ямбург), Т.Н. Черновой (Берлин, о колони-

ях Южного Кавказа), Н.О. Евсеева (Саратов, о голоде в меннонитских колониях Поволжья), С. Зейналовой и Х. Вердиевой (Баку, о немцах Азербайджана), В.К. Клеца (Днепропетровск, о немцах Советской Украины). Новую для исследователей тему о возвращении из Германии в Россию российских немцев в период Первой мировой войны и в первые послевоенные годы предложила Е. Шваб (Фрайбург). Доклад А.И. Безносова (Москва) затронул проблему самоорганизации немцев в 1917–1926 гг. на примере союзов немцев Причерноморья. Источниковедческие аспекты истории петербургских и новгородских колоний стали темой исследований Е.Е. Князевой (Санкт-Петербург) и Н.В. Салонинова (Великий Новгород). Был зачитан доклад В.В. Солодовой о новых документах ленинградских ученых-этнографов, обнаруженных в архивах Украины. Культурным и образовательным связям немцев Петербурга с Одессой и немцев Украины с Петербургом посвятили свои выступления Э.Г. Плесская (Одесса) и О.В. Безносова (Москва). История и современное состояние изучения немцев Северного Причерноморья были главной темой выступивших с докладами Н.Д. Светозаровой (Санкт-Петербург, на примере книги Г. Бахмана о березанских колониях) и С.В. Романенко (Николаев, на примере работы Николаевского краеведческого музея). Завершила работу конференции А.Э. Жабрева (Санкт-Петербург), предложившая слушателям тему «Миниатюрные посланцы Германии в Санкт-Петербурге (сувенирные куклы в национальных костю-

мах из личной коллекции автора)». В ходе работы конференции участники посетили бывшие немецкие колонии Новосаратовку и Овцыно, побывали с экскурсией в здании Петрикирхе.

По результатам конференции в 2016 г. планируется издание сборника материалов на русском и немецком языках.

В.А. Егоров

КОНФЕРЕНЦИЯ «НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ»: СТРАНЫ И ЛИДЕРЫ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ»

В Русской христианской гуманитарной академии 14–16 октября 2015 г. прошла Межрегиональная (с международным участием) конференция «Наше дело правое»: страны и лидеры антигитлеровской коалиции в социокультурном и философско-историческом измерениях». Конференция проходила при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-33-11518). Организаторы конференции ставили перед собой задачу проанализировать важные аспекты культурной памяти о Великой Отечественной войне, включая восприятие союзников (стран и их лидеров) по антигитлеровской коалиции в российской (советской, эмигрантской, постсоветской) культуре. Еще одной задачей конференции было воссоздание образов союзников, их роль в войне, вклад в победу, отношение к СССР в современном российском сознании, отражение разных точек зрения, сложившихся в отечественной культуре по отношению к Англии, Франции и США и другим странам-участницам Вто-

рой мировой и Великой Отечественной войн (Италия, Польша, Финляндия, Япония). Также на конференции предполагалось обсудить вопросы государственно-религиозных отношений, роли Церкви в победе, значение победы на современном историческом отрезке и другие вопросы.

Все эти задачи определили актуальность научного форума, который поставил задачей осмысление ценностных аспектов восприятия событий и итогов Войны в свете современных культурных, социальных и геополитических процессов как внутри России, так и в мире.

Трехдневный форум включал в себя пленарные и секционные заседания, круглые столы, презентацию книг. Вот некоторые из докладов, прозвучавших на конференции.

Первое пленарное заседание было посвящено теме «Церковь и общество в войне: события, ценности, смыслы». Оно открылось докла-

дом проф. С.Л. Фирсова (Санкт-Петербургский государственный университет) «Победа 1945 г. в зеркале “Журнала Московской Патриархии”», в котором излагалась история становления журнала и предлагался обзор публикаций, связанных с Победой в Великой отечественной войне и ролью Сталина в ее осуществлении, в «Журнале Московской Патриархии», единственном на тот момент печатном органе Русской Православной Церкви. Докладчик отметил, что хвалебные статьи в журнале в адрес И. Сталина не стоит рассматривать в качестве простого отражения верноподданнических настроений иерархов РПЦ. Их стоит проанализировать с учетом исторического контекста. Восстановление института церкви в 1943 году рассматривалось как эпохальное событие, которое давало шанс продолжить диалог между Церковью и государством. Священноначалие старалось укрепить начавшиеся отношения, доказать свою преданность и социалистической Родине, и «Верховному Вождю». В послании Патриарха Алексия, избранного в 1945 г., отмечалось, что военное испытание дало возможность христианам показать свою верность Родине, продемонстрировать готовность пожертвовать своей жизнью для ее защиты и процветания. Используя «Журнал Московской Патриархии», Патриарх Алексей пытался говорить о русском народе, избегая слово «советский» и молитвенно надеясь на восстановление России. Патриарх не только упоминал имя Сталина, но и говорил о выдающейся роли русского народа в деле борьбы с фашизмом.

Историю взаимоотношений между Польшей и Советским Союзом отразил в своем выступлении «От Второй Мировой войны к современности: культурное взаимодействие Польши и СССР» А. Мордель (председатель Общества «Польша-Восток», Вроцлав, Польша) В своем сообщении он отметил, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. в Польше, а уже 17 сентября, всего через две с половиной недели после нападения Германии, Советский Союз ввел свои войска на территорию Польши, ту ее часть, что стала позднее Западной Украиной и Западной Белоруссией. Польша как страна потеряла свой суверенитет и территорию. Нападение Германии на СССР в корне изменило ситуацию. 30 июля 1941 г. посол СССР в Великобритании И.М. Майский и польский премьер В. Сикорский в Лондоне подписали соглашение о восстановлении дипломатических отношений и взаимопомощи в борьбе с Германией. Это соглашение предусматривало создание польских воинских частей на территории СССР. За годы войны более 5 тысяч польских военнослужащих были награждены советскими орденами и медалями, а лучшие воины Войска Польского принимали участие в Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

В послевоенные годы в Польше и СССР проходили кино-, театральные и музыкальные фестивали, были хорошо налажены научные и экономические связи. На современном этапе польско-российские культурные связи остаются явлением постоянным и зависят зачастую

не только от подписанных договоров, но и от личных отношений, сложившихся между представителями культуры и искусства наших стран.

Проф. Д.В. Шмонин (Русская христианская гуманитарная академия) в своем докладе «Несколько вопросов к имеющимся ответам (И. Сталин, 1945–1952)» провел сопоставление фрагментов нескольких работ И.В. Сталина 1945–1952 гг. Речь идет о брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР» и двух материалах из сборника «И.В. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза». При этом автор публикации поставил себе актуализирующую материал задачу — увязать в смысловом единстве оценки Второй мировой войны, ее итогов, а также перспектив развития вышедших из нее стран — как всё это понимал и оценивал Сталин. Для этого автор отобрал и объединил ряд фрагментов в виде вопросов и ответов. Оформленные в виде виртуального интервью, реконструированные ответы на сконструированные на основе анализа специальной зарубежной и российской литературы вопросы — суть оригинальные, подлинные слова Сталина. При этом читатель остается «один на один» со сталинской логикой и оценками ситуаций, которые иногда поражают своей созвучностью сегодняшним событиям и в геополитике, и в мировой экономике.

На втором пленарном заседании «Церковь и общество в войне: история и современность» выступил проф. А.А. Ермичёв (Русская хри-

стианская гуманитарная академия) с докладом «Русское зарубежье в годы Великой Отечественной войны». Автор подверг анализу полемику В.В. Вишняка и П.Н. Милокова о советском обществе и об отношении эмиграции к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Главной темой полемики был вопрос о том, можно ли поддерживать советскую власть, отстаивая демократические ценности. Дискуссия была крайне политизирована, поскольку значительная часть русской эмиграции отрицала национальный характер власти большевиков и ее легитимность. Б.П. Вышеславцев и М.В. Вишняк отторгали советскую историю из соображений абсолютных ценностей свободы и права, а П.Н. Милоков признавал эволюцию советского общества в направлении национального демократического развития, выступал за безоговорочную поддержку СССР в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. С современных позиций можно определенно сказать, что в споре Вишняка и Милокова о большевизме и патриотизме Милоков был прав в главном: советское время — органичный этап русской истории. Это утверждение с настоящей логичностью диктует необходимость признать еще два положения. Первое из них — о состоявшемся на этом этапе русской истории единстве народа и руководства СССР, что обеспечило их победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. Конечно, коммунистическая государственность была тотальной, а Сталин был тираном и диктатором, но — в то же время — вождем советского народа. Он и его партия вели народ к по-

беде, когда ценой непогоды могла стать гибель страны. Второе положение — об эволюции советского общества. К сожалению, после войны эволюция шла крайне болезненно и затянулась почти на полвека, но отрицать факт эволюции невозможно.

С докладом «Американское общественное мнение о Советском Союзе, 1941–1945 гг.» выступил Форрест Дж. Кутцер (Университет Колорадо, США). Хронологические рамки исследования охватили период от немецкого вторжения в Польшу до применения ядерного оружия против Японии в 1945 г. Для американского общественного мнения в эти годы были характерны резкие колебания: от жесткой критики советской системы в начале сороковых и до союзнических отношений со времени вступления США в войну. Автор объясняет эти колебания реальными геополитическими изменениями, которые и вызвали неизбежность сближения. Советский Союз и Соединенные Штаты были очень разными странами с противоположными идеологическими парадигмами, но угроза нацистской Германии Европе и миру заставила оба государства сотрудничать в силу военной необходимости, и только эта временная опасность создала такую связь между ними. Военный союз между Соединенными Штатами и Советским Союзом против Германии являлся исторической необходимостью для обеих стран, но после победы в войне идеологические разногласия вызвали раскол в отношениях, что сразу же нашло отражение в общественном мнении. После смерти Рузвельта новый

президент Трумэн считал Советский Союз угрозой миру в Европе и видел эту угрозу в расширении сферы влияния СССР после войны. Несмотря на мнение президента, американцы еще некоторое время оставались убежденными в том, что Советский Союз их друг. В сентябре 1945 г., после капитуляции Японии, большинство американцев ответили положительно на вопрос «стоит ли доверять России?», но позднее это мнение изменилось, и начался длительный период «холодной войны».

Проф. Н.А. Хренов (Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ) свой доклад «Творческий ответ Иосифа Сталина на фоне столкновения цивилизаций: философско-исторический аспект» посвятил деятельности И. Сталина в годы Второй мировой войны и рассматривал его через призму культурологии в больших исторических длительностях. В такой оптике Вторая мировая война воспринимается как крайняя форма контакта между двумя цивилизациями. Чтобы точнее определить роль И. Сталина, необходимо понять его, во-первых, как психологический тип лидера, и, во-вторых, уяснить, какие обстоятельства способствовали его восхождению к власти. Автор также рассматривает контакт цивилизаций в форме войны между Россией и Германией в соответствии с оппозицией модерна, определившего революционные сдвиги в российской цивилизации, а затем и спровоцировавшего мировую войну, и романтизма (в русском варианте славянофильства), обращенного, в отличие

от модерна, не в будущее, а в прошлое. Сталин, в отличие от своих сподвижников Ленина и Троцкого, выражает дух не модернистской, а консервативной утопии, обращенной в прошлое. Ее смысл в реабилитации византийской традиции, позволившей Сталину обеспечить победу в войне и одновременно похоронить идеалы русских революционеров, своих сподвижников. Вторая мировая война стала исходной точкой в осмыслении кризиса порожденного Западом модерна.

Проф. Ю.Г.Акимов и к.и.н. К.В. Минкова (оба из Санкт-Петербургского государственного университета) в своей работе «Шарль де Голль и русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны» рассматривают положение русских эмигрантов во Франции в годы Второй мировой войны, их настроения, их позицию по отношению к воюющим сторонам – Советскому Союзу и гитлеровской Германии, а также режиму Виши и Французскому Сопротивлению. Основное внимание в докладе уделялось отношению русских эмигрантов к возглавлявшемуся генералом Шарлем де Голлем движению Свободная Франция (затем Сражающаяся Франция) и анализу позиции, которую занял де Голль по вопросу о репатриации русских эмигрантов в ходе его контактов с советским правительством. Авторы выдвинули гипотезу о секретных соглашениях, имевших место между де Голлем и Сталиным по вопросу о репатриации русских эмигрантов. Личная роль генерала де Голя в репатриации представляет собой одно из «белых пятен», которое еще недостаточно исследо-

вано. Но и по тем имеющимся скудным данным можно прийти к выводу о том, что судьба русских эмигрантов стала одной из разменных монет в чрезвычайно сложных отношениях между де Голлем и Сталиным. В целом авторы делают вывод о том, что репатриация русских из Франции в любом случае началась до того, как вопрос об этом был официально урегулирован на Ялтинской конференции лидеров Большой тройки в феврале 1945 г. Тогда, в частности, было подписано соглашение о репатриации гражданских лиц Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, освобожденных союзными вооруженными силами в ходе наступления на Германию и оккупированные ею страны.

В выступлении проф. В.А. Гуторова (Санкт-Петербургский государственный университет) «Франклин Делано Рузвельт и Вторая мировая война: некоторые итоги послевоенной дискуссии» была проанализирована политическая деятельность американского президента накануне и в период Второй мировой войны. Рузвельт, который занял свой пост в 1933 г. и боролся с наиболее ужасной экономической катастрофой в американской истории, возглавил свою страну в наиболее опасной войне в человеческой истории. Автор утверждает, что Рузвельт был выдающимся военным и политическим лидером. В период войны, особенно ближе к ее окончанию, Рузвельт неоднократно доказывал свою способность реализовывать свои декларативные принципы на практике, проявляя качества великого политика и дипломата. Ха-

рактика переписки Рузвельта и Сталина демонстрирует, сколько интеллектуальных сил, терпения и дипломатического искусства потребовалось для достижения компромисса между СССР и США при создании ООН и формировании эффективной структуры Совета Безопасности. И Рузвельт, и Сталин оказались достаточно прозорливыми, подчеркивая на конференции в Ялте, что механизм новой международной организации призван гарантировать мир по крайней мере на ближайшие пятьдесят лет. И действительно, именно на шестом десятке лет ее существования совершенное США и некоторыми их западноевропейскими союзниками нападение на Югославию в обход ООН и Совета Безопасности, равно как и продемонстрированное США в сентябре 2002 г. явное намерение осуществлять военные акции против Ирака, не считаясь даже со своими ближайшими партнерами по НАТО, означают, что наступил новый период мировой истории, который, увы, может отбросить цивилизованные народы к уже, казалось бы, давно пройденным эпохам. Современные приоритеты внешней политики США уже давно не вписываются в рузвельтовскую парадигму, которую в настоящее время можно одновременно рассматривать и как исторический вызов, и как яркую цивилизационную альтернативу новому корпоративному витку глобализационной спирали.

Касахара Кота (университет Нихон (Нихон Даигаку, Япония)) выступил с докладом «Спорные моменты интерпретации боевых действий Хасанских боев 1938 г.». Основываясь

на неопубликованных архивных источниках, выявленных в процессе работы в японских архивах, автор рассматривает вопрос о действиях Японии, приведших к Хасанским боям. Автор утверждает, что причиной военного конфликта стала разница в понимании линии границы Японии и СССР, поэтому для СССР все действия проходили на территории СССР, а для японской стороны присутствие СССР на спорных высотах выглядело нарушением границы с Маньчжурией. Автор считает, что бои у озера Хасан стали результатом ночного нападения японских войск на советские позиции и последовавшего военного ответа СССР. Однако это не значит, что японская армия хотела заполучить высоту Заозёрная в свое распоряжение либо же получить советскую территорию. Тем более Япония не собиралась совершать агрессию или нарушать границу. Вначале Япония предпочитала решить конфликт средствами дипломатии. Даже когда дипломатические средства не принесли желаемого результата, японское командование отдало приказ находившимся у границы войскам вернуться на базу. Когда же советские пограничники появились в районе высоты Безымянная, японским войскам были запрещены нанесение удара до нападения со стороны СССР и преследование советских войск. Если смотреть на действия японской стороны ко времени начала конфликта, то их никак нельзя рассматривать как запланированную агрессию против Советского Союза. Хотя бои у озера Хасан продолжались до 11 августа, Япония не ввела в бой ни единого танка или самолёта, а Советский

Союз прибег к огромной поддержке авиации и танков. Также Япония ни разу не пересекала гребень высоты Заозёрная.

С докладом «Память и идентичность в генезисе итальянской послевоенной политической системы: величие и ужасы 1943–1948 гг. и их мировое наследие» выступили С.М. Капилупи (Римский университет «Ла Сапьенца», Италия), Д. Ланца (Туринский государственный университет, Италия). В докладе авторы рассматривают Сопротивление в Италии в 1943–1945 гг. и начало формирования нового итальянского государства в 1946–1948 гг. как фундаментальную проблему исторической памяти и философского осмысления истории Италии. Этот сюжет остается одним из самых важных и неразрешенных вопросов современной итальянской идентичности. Две ключевые даты: 8 сентября 1943 г. — дата перемирия с союзниками, и 18 апреля 1948 г. — дата первых свободных выборов с момента прихода фашистов к власти в начале 20-х гг. — определяли процесс институциональной трансформации, изменившей страну. Анализ политической конфронтации накануне и непосредственно после окончания Второй мировой войны помогает понять историю становления Первой итальянской республики, в основе которой — признание нового конфликта. Конфликта не только между антифашистской коалицией и нацистскими союзниками северной Республики Сало, но и между различными силами итальянского Сопротивления: коммунистами, социалистами, либералами, католиками и даже так на-

зываемыми «синими» силами, т. е. сторонниками маршала Пьетро Бадольо, которые выступили за сохранение преемственности с институциональной монархической властью. Данная проблема приобретает общеисторическое и философское значение для понимания всего XX в.

В.А. Егоров (Русская христианская гуманитарная академия) сделал доклад «Победа в Великой отечественной войне как элемент гражданской религии России на современном этапе». Празднование 70-летия Победы совпало с углублением экономического кризиса, ухудшением внешнеполитической ситуации. Несомненно, что для консолидации общества, особенно во времена сильных потрясений, необходимы связывающие его элементы, и празднование Дня Победы является сильнейшим элементом гражданской религии современной России. Любая страна имеет, в той или иной степени выраженности, свой набор элементов гражданской религии, которые выполняют консолидирующую функцию, дают возможность нации солидаризироваться и чувствовать себя единым телом. Постсоветский период времени характеризуется их сломом, когда на смену одним должны прийти другие, часть элементов ушла в прошлое, а новые еще не сформировались. В праздновании Победы в различных формах приняли участие религиозные организации страны: от тех, что последнее время называют традиционными (православие, ислам, буддизм, иудаизм), до различных протестантских деноминаций, присутствующих в простран-

стве России несколько сотен лет, и новых религиозных образований, чья история исчисляется несколькими десятилетиями.

Н.З. Гаевская (Русская христианская гуманитарная академия) в докладе «Православное подвижничество в годы Ленинградской блокады 1941–1944 гг.» обратилась к истории православного подвижничества в годы войны на примере Ленинградской блокады. Автор отмечает, что подвиг веры и подвижничества охранял наш город с первого дня войны. Силой подвига и молитвы стяжалась Благодать Божья, освящавшая и защищающая пространство города – пространство испытания. Это пространство стало апокалиптической моделью мира, наполненной смыслами подвига и преодоления. Центром этой модели становится человек скорбящий. Девятьсот дней ленинградской блокады дали миру примеры высочайшего мужества и героизма жителей, сплотили народ верой и подвигом. Православные подвижники: преподобные, блаженные, странники и юродивые в молитвенном подвиге выполняли охранительный подвижнический труд. Имена св. Серафима Вырицкого, схимонахини Марии (Маковкиной), блаженной Любушки Сусанинской вошли как в историю православного подвижничества, так и в историю Великой Отечественной войны.

В докладе «Строительный кодекс фашизма. Аспекты культурной памяти» автор С.Б. Веселова (независимый исследователь) рассматривает двойное влияние архитектуры на идеологию. С одной стороны, архитектура – строительная прак-

тика, в этом качестве она является посредником между политикой и дисциплиной. Однако архитектура – одна из немногих человеческих практик, проникшая в философские и идеологические построения в образе ключевой метафоры: «построить», «обосновать», «сконструировать», «возвести на фундаменте» и т. д. Строя города, люди формируют материализованную версию внутренних семантических пространств сознания. Если архитектура начинает использоваться и пониматься метафорически, в «переносном смысле», она начинает функционировать как парадигма. Архитектурная метафора дает каркас любой мета-системы с вынесенным вовне ее сверхнаблюдателем от Божественного архитектора до фюрера. Таким образом, в определенный момент вращения капсулы культурной памяти фашизм стал закономерной ступенью развития способности социокультурного субъекта опредмечивать свои идеальные пространственные структуры в пространство существования и формировать установки повседневного сознания. Появление фашистского города не случай, а закономерный эффект. С.Б. Веселова рассматривает, как стремление «бороться за чистую форму» эпохи модерна и использование строительных форм Римской империи (задействующих определенные архетипы в сознании) привели к конструкции «Идеального культурного концлагеря прямой линии». По мнению автора, в нацистской Германии архитектура стала той ширмой или искаженным зеркалом, смотрясь в которое рядовой немец мог начать верить и в Третью Империю,

и в Предвечную Арийскую Расу, не замечая того, что происходит на самом деле. В Риме строительство арок, дорог было формой и практикой жизни. В нацистской Германии эти элементы уже были только заимствованным образом, смотрясь в который правители пытались реанимировать некоторые стороны жизни Первого рейха. Третий Рейх пытался создать Рейх и превратился в концлагерь. Рим мог существовать в вертикальном измерении между полюсами *ogbs* и *urbs*, возможно, благодаря дороге. Из выстроенного, закрытого пространства города он убежал дорогами в ландшафт, устремляясь в мифическую точку, которую нельзя вообразить без переноса за границу видимого, где Рим уходит из Рима, воплощаясь в Константинополе, Священной Римской Империи, Мо-

сковии, Империи Наполеона, Третьем Рейхе, рискуя иссякнуть в экспансии.

Также на конференции были представлены новые книги, вышедшие в издательстве Русской христианской гуманитарной академии в 2015 г., имеющие прямое отношение к теме конференции: «И.В. Сталин: *pro et contra*»; «Ф. Рузвельт: *pro et contra*»; «Де Голль: *pro et contra*»; «У. Черчилль: *pro et contra*». Эти антологии вышли в серии «Русский путь: *pro et contra*», самой известной серии РХГА.

По итогам конференции «Наше дело правое»: страны и лидеры антигитлеровской коалиции в социокультурном и философско-историческом измерениях» выйдет сборник докладов.

А.В. Гринёв

ДОЛГОЖДАННЫЙ СИМПОЗИУМ

11–12 ноября 2015 г. в Москве проходил симпозиум по индеанистике «Источники и историография по антропологии народов Америки». Подобного мероприятия не было уже более 10 лет, а потому новый форум отечественных американистов можно смело назвать «долгожданным». Его инициаторами стали ученые, сотрудники и преподаватели Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), МГУ им. М.В. Ломоносова и РГГУ. На симпозиум прибыли также их коллеги из Петербурга, Волгограда, Курска, Брянска и Нижнего Новгорода, а в начале заседания присутствовали представители дипломатических миссий Парагвая, Сальвадора и США. Кроме того, о симпозиуме написало кубинское информационное агентство «Пренса Латина» см.: [Prensa Latina].

Открытие симпозиума состоялось утром 11 ноября в здании РАН на Воробьевых горах. К сожалению, на нем не смог присутствовать академик В.А. Тишков, председатель оргкомитета симпозиума, в свое время возглавлявший Сектор народов Америки Института этнологии и антропологии АН СССР/РАН. Вместо него с приветственным словом выступила нынешний директор института, д. и. н., проф. М.Ю. Мартынова. Затем последовали слушания и обсуждения докладов

участников симпозиума, среди которых были этнологи, историки и археологи.

Значительным разнообразием отличались источники, послужившие материалом для научных сообщений: участники симпозиума анализировали индейские предания и мифы (доклады к. и. н. А.В. Зорина, к. и. н. О.Е. Данчевской), надписи и изображения на индейских стелах и керамике (доклад к. и. н. А.В. Сафронова – сопредседателя симпозиума, С.В. Воспрецкого и др.), археологические данные (доклады к. и. н. Н.В. Ракуца, И.А. Савченко), музейные коллекции (доклады к. и. н. С.А. Корсуна, Л.М. Дмитриенко), письменные документы индейских общин и официальные договоры с властями США (доклады к. и. н. Д.Д. Беляева – сопредседателя симпозиума, к. и. н. А.В. Калюты, к. и. н. С.А. Исаева, А.Е. Солдатовой и др.), свидетельства путешественников и миссионеров (доклады к. и. н. О.В. Окуневой, к. и. н. А.А. Истомина, к. и. н. Р.Н. Игнатъева и др.), кубинские анекдоты (доклад к. и. н. Д.А. Пантюхина) и материалы интернета (доклад к. и. н. Е.С. Питерской).

Доклады, посвященные собственно историографии, также варьировались в широком диапазоне – от общего библиометрического

анализа советской/российской историографии коренного населения Аляски за 1927–2015 гг. (доклад сопредседателя симпозиума, д. и. н. А.В. Гринёва) до весьма узкой проблематики, связанной, например, с творческим наследием отдельных представителей американской и латиноамериканской науки (доклад д. и. н. В.И. Гуляева о роли американского археолога Г.Р. Уилли; доклад к. и. н. Н.В. Шалыгиной о мексиканском антропологе Луисе Гонсалесе-и-Гонсалесе).

В «этнографо-географическом» плане представленные ученой публике сообщения также различались весьма заметным образом, причем абсолютно преобладали доклады, посвященные изучению коренного населения стран Латинской Америки. Что касается североамериканской тематики, она касалась главным образом источников и историографии Русской Америки (Аляски).

Останавливаться подробно на каждом выступлении вряд ли имеет смысл, поскольку в первый день симпозиума все они транслировались в интернете и были выложены на YouTube [Антропология Америки], где с ними может ознакомиться каждый желающий. Кроме того, в интернете был размещен сборник с текстами тезисов докладов, который был предварительно распечатан и роздан участникам симпозиума до его начала [Источники и историография... 2015].

Второй день симпозиума проходил в новом здании Истфака МГУ и был целиком посвящен источникам и историографии индейцев Латин-

ской Америки. С заключительным словом выступили организаторы симпозиума и представитель руководства Исторического факультета МГУ. По итогам симпозиума планируется выпустить сборник статей, который продолжит серию подобных публикаций, которые выходили по итогам предыдущих форумов.

Подводя общий итог этого знаменательного для каждого российского индеаниста мероприятия, стоит отметить его хорошую организацию, доброжелательный и деловой настрой его участников. Вместе с тем нельзя не сделать несколько замечаний общего характера. Нынешний симпозиум продолжает традиции подобных форумов (1982, 1985, 1988, 1992, 1999 и 2003), уходящих корнями еще в советское время. Правда, как видим, относительная периодичность была нарушена в начале 2000-х гг., но, как уверяют организаторы нынешнего симпозиума, следующий они постараются собрать уже через два года и затем регулярно проводить подобные встречи в формате тематических конференций. Надеемся, что так и будет. С другой стороны, симпозиум 2015 г. выявил явный перекокс в сторону Латинской Америки и совершенно недостаточное представительство исследователей и исследований коренного населения Северной Америки. Подобная ситуация, видимо, стала результатом резкого численного уменьшения и последующего слияния некогда самостоятельного Отдела народов Америки с Отделом Европы ИЭА РАН в 2005 г. (что, очевидно, отрицательно сказалось и на организации индеанистских симпо-

зиумов). Поэтому для улучшения ситуации с отечественной североамериканской индеанистикой было бы целесообразно возродить Отдел Америки в ИЭА РАН и привлечь туда как уже сложившихся ученых, так и творческую молодежь. Иначе через некоторое время у нас в стране специалистов по ряду аспектов этнографии/этнологии коренного населения Северной Америки (за исключением Аляски) не останется вовсе, и необходимые консультации и справки придется получать с помощью интернета или зарубежных специалистов. Последних, кстати, было бы неплохо привлекать к работе очередных индеанистских форумов и конференций, что обеспечит им международное признание и позволит отечественным ученым ознакомиться с зарубежным опытом, новыми взглядами и научными концепциями.

REFERENCES

Anthropology of the Americas: 2 p. // URL: http://youtu.be/knyX_g0vI7Y; <http://youtu.be/eXxo31aFsYE> (date of access: 11.15.2015).

Istochniki i istoriografiia po antropologii Ameriki: Moskva, 11–12 noiabria 2015 g. Tezisy dokladov i materialy simpoziuma / Eds. M.Iu. Martynov, R.N. Ignat'ev, E.S. Piteraikaia. M.: IEARAS, 2015 (URL: [\[ru.scribd.com/doc/289691220/Anthropology-of-the-Peoples-of-America-Sources-and-Historiography-Moscow-November-11-12-2015-Abstracts-and-Materials-from-the-Symposium\]\(https://ru.scribd.com/doc/289691220/Anthropology-of-the-Peoples-of-America-Sources-and-Historiography-Moscow-November-11-12-2015-Abstracts-and-Materials-from-the-Symposium\) \(date of access: 15.11.2015\)\).](https://</p></div><div data-bbox=)

Prensa Latina: Simposio de Antropología acredita estudios americanistas en Rusia // URL: http://www.prensa-latina.cu/index.php?option=com_content&task=view&id=4338361&Itemid=2 (date of access: 15.11.2015).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антропология Америки / Anthropology of the Americas: В 2 ч. // URL: http://youtu.be/knyX_g0vI7Y; <http://youtu.be/eXxo31aFsYE> (дата обращения: 15.11.2015).

Источники и историография по антропологии Америки: Москва, 11–12 ноября 2015 г. Тезисы докладов и материалы симпозиума / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Р.Н. Игнатьева, Е.С. Питерской. М.: ИЭА РАН, 2015 (URL: <https://ru.scribd.com/doc/289691220/Anthropology-of-the-Peoples-of-America-Sources-and-Historiography-Moscow-November-11-12-2015-Abstracts-and-Materials-from-the-Symposium> (дата обращения: 15.11.2015)).

Prensa Latina: Simposio de Antropología acredita estudios americanistas en Rusia // URL: http://www.prensa-latina.cu/index.php?option=com_content&task=view&id=4338361&Itemid=2 (дата обращения: 15.11.2015).

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В.Г. БОГОРАЗ-ТАНА

12–13 ноября 2015 г. в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге прошли XXI Санкт-Петербургские религиоведческие чтения. Конференция прошла накануне празднования дня рождения Музея, отрывшего свои двери для посетителей 15 ноября 1932 г. С тех пор, вот уже на протяжении 83 лет, Музей играет не только видную роль в культурной жизни Ленинграда – Санкт-Петербурга, но и является крупным научным центром, занимающимся разработкой теоретических и методологических проблем, связанных с прошлым и актуальным состоянием отечественно-го религиоведения.

Пленарное заседание конференции было приурочено в 150-летнему юбилею со дня рождения первого директора Музея истории религии Владимира Германовича Богораз-Тана (1865–1936). Будучи выдающимся отечественным общественным деятелем, организатором науки, лингвистом, этнографом и антропологом, историком религии, поэтом, писателем и журналистом, преподавателем и член-корреспондентом Академии наук СССР, В.Г. Богораз-Тан стоял у истоков создания Музея истории религии Академии Наук СССР и возглавлял этот уникальный российский музей с момента его учреждения до своей смерти в мае 1936 г. За это время под его руководством

в Музее были созданы пять отделов: «Религия первобытного общества», «Религия античного мира», «Происхождение христианства», «Буддизм-ламаизм», «Христианство на Западе в эпоху феодализма и капитализма», «Религия народов СССР», а так же выставка «Инквизиция» (1935), позднее трансформированная в отдел истории католицизма. Началось работы конференции совпало по времени с открытием во входной зоне Музея временной выставки «В.Г. Богораз-Тан и Музей истории религии АН СССР».

Памяти этого выдающегося ученого был посвящен пленарный доклад д. ф. н., профессора, заведующей кафедрой философии религии и религиоведения Института философии СПбГУ М.М. Шахнович, в котором особое место было уделено не только деятельности В.Г. Богораз-Тана как организатора науки и основателя музея, но и его научному наследию как исследователя, внесшего актуальный и по сей день вклад в изучение традиционных верований коренных народов Сибири. О Богоразе-Тане как педагоге и этнографе рассказала в своем докладе д. ф. н., профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии СПбГУ Т.В. Чумакова, представившая ранее не опубликованные результаты исследования деятельности Богораз-Тана по организа-

ции студенческих этнографических «экскурсий»-экспедиций из числа студентов Этнографического отделения Географического факультета и других ленинградских учебных заведений в 20-х гг. прошлого столетия.

Особый интерес для исследования современного состояния религиозных верований коренных народов Сибири имел доклад Ю.Г. Кустовой, к. и. н., доцента кафедры этнокультурологии Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, посвященный современному шаманству в Хакасии. Знаменательно, что существующий с 1925 г. Институт народов Севера, созданный для изучения языка, культуры и религии народов Крайнего Севера и первоначально открытый в качестве Северного института на базе ЛГУ, также возник при непосредственном участии В.Г. Богораза-Тана, который был автором собственной концепции о трех этапах развития шаманства.

Долгое время В.Г. Богораз-Тан был сотрудником и ленинградского Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР. На пленарном заседании конференции прозвучал доклад сотрудника этого Музея д. и. н., профессора С.В. Березницкого, рассказывающий о недавно обнаруженной в фондах Музея М.В. Ломоносова МАЭ РАН «Афише Кунсткамеры конца XVIII – начала XIX в.» с изображением китайского мифологического животного, иллюстрирующего эволюцию и трансформацию религиозных представлений в средневековом Китае.

В пленарных докладах к. ф. н., заместителя директора по научной ра-

боте ГМИР Е.А. Терюковой «Академик В.М. Алексеев и Музей истории религии (из истории создания экспозиции по истории религий Китая и формирования китайской коллекции ГМИР)» и к. и. н., заведующей Отделом литературы стран Азии и Африки БАН Т.И. Виноградовой «Альбом “Согласно императорскому указу все должны бороться против ереси” из коллекции академика В.М. Алексеева Государственного музея истории религии» был затронут еще один ранее практически не изученный аспект истории Музея истории религии в 1930-е гг. – сотрудничество с музеем видного отечественного востоковеда, основоположника советской синологии академика В.М. Алексеева.

Завершило пленарное заседание Чтений выступление д. и. н., заведующей научно-фондовым отделом «Христианство на Западе» ГМИР Н.В. Ревуненковой «О коллекции графики Французской революции 1789 г. из собрания ГМИР».

В рамках XXI Санкт-Петербургских религиозно-этических чтений работали секции: «История религии и опыт ее представления в музейном пространстве», «Методологические проблемы изучения истории религии в отечественном и мировом религиозно-этическом образовании», «Коллекции по истории религии в музейных собраниях». С докладами выступило более 45 исследователей из различных регионов России, представляющих широкий спектр российских музейных, учебных и академических учреждений, занимающихся изучением истории религии и популяризацией музейных коллекций по истории религии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аладышкин Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического университета (Санкт-Петербург)

Батулин Павел Владимирович, ведущий специалист-архивариус Канцелярии ОАО «Первый канал» (Москва)

Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Москва)

Ведерников Владимир Викторович, кандидат исторических наук, научный редактор издательства «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Боярский Виктор Ильич, директор Государственного музея Арктики и Антарктики, член Русского географического общества, Почетный полярник России (Санкт-Петербург)

Буров Николай Витальевич, заслуженный артист РСФСР (1985), народный артист Российской Федерации, директор музея-памятника «Исаакиевский собор» (Санкт-Петербург)

Гладышева Анна Сергеевна, младший научный сотрудник Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва)

Гринёв Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург)

Егоров Владимир Александрович, ассистент кафедры религиоведения Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург)

Зубко Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, специалист Центра международных связей и деятельности Винницкого национального аграрного университета (Винница, Украина)

Исаев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Каледа Кирилл Глебович, протоиерей, настоятель храма Святых Новомучеников и исповедников Российских в Бутове (Московская область)

Китаев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Киянская Оксана Ивановна, доктор исторических наук, профессор ка-

федры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

Крылов Павел Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник СПБИИ РАН (Санкт-Петербург)

Лукьянов Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь)

Мачь Михай, доктор философии (PhD), преподаватель университета г. Орадя (Румыния)

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор Европейского Университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург)

Митрофанов Георгий Николаевич, протоиерей, магистр богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, настоятель храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла при Университете педагогического мастерства (Санкт-Петербург)

Мусин Александр Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, кандидат богословия (Санкт-Петербург)

Немкова Арина Александровна, директор Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий центр встреч» (Санкт-Петербург)

Рогозный Павел Геннадьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Романова Нина Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник – консультант Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

Суслов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань)

Терюкова Екатерина Александровна, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург)

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, доцент Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения философского факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук, старший научный

сотрудник СПФИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург)

Шнифельман Виктор Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института

этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)